

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Факультет иностранных языков
Кафедра германской филологии

Е.А. КАРАСЕНКО

ВВЕДЕНИЕ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Учебное пособие

Донецк 2018

УДК 81'25(075.8)
ББК Ш10*70я73
К214

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(протокол № 5 от 27.04.2018 г.)*

*Карасенко Е.А. Введение в переводоведение: учебное пособие. –
Донецк: ДонНУ, 2018. – 250 с.*

Рецензенты:

*Петренко А.Д., доктор филологических наук, профессор, директор
Института иностранной филологии (СП) ТА «Крымский федеральный
университет им. В.И. Вернадского»;*

*Подгайская И.М., кандидат филологических наук, доцент, заведующая
кафедрой теории и практики перевода ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет».*

Представленное учебное пособие предназначено для студентов, обучающихся по программам бакалавриата и специалитета, направления подготовки: 45.03.02 Лингвистика, профиль перевод и переводоведение, 45.05.01 Перевод и переводоведение. Письменный и устный перевод (английский и немецкий языки), 45.03.01 Филология, профиль Зарубежная филология (немецкий язык и литература).

Пособие содержит четырнадцать лекционных тем, тексты для переводческого анализа и практического перевода, вопросы для самоконтроля, темы рефератов. В приложениях представлен терминологический аппарат, текст хартии и клятвы переводчиков, познавательная информация из истории перевода. Материал лекций может быть использован для изучения базовых курсов «Введение в языкознание и переводоведение», «Введение в теорию перевода», «Теория перевода». Тексты для перевода направлены на развитие практических умений студентов-переводчиков понимать алгоритм создания переводного текста как целостной системы, а также научить их пользоваться этим алгоритмом как нормами в процессе перевода.

Иллюстративный материал предполагает знание русского языка как родного и двух европейских языков – немецкого и английского.

УДК 81'25(075.8)
ББК Ш10*70я73

©Карасенко Е.А., 2018 г.
©ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ЛЕКЦИЯ 1. ПЕРЕВОД КАК РАЗНОВИДНОСТЬ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ...	7
1. Понятие «перевод». Проблема многоязычия.	7
2. Процесс перевода как процесс коммуникации. Культурные и языковые барьеры.	10
3. Перевод как результат (текст).	15
ЛЕКЦИЯ 2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА	21
1. Этапы формирования переводоведения/теории перевода как научного направления.	21
2. Предмет, объект, задачи, направления современной теории перевода.	28
3. Переводоведение и смежные с ним дисциплины.	30
4. Теоретико-переводческие универсалии.	33
ЛЕКЦИЯ 3. ПРОФЕССИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	35
1. Роль переводчика в современном мире. Качества, навыки и умения переводчика.	35
2. Переводческая этика. Нормы профессионального поведения переводчика.	39
3. Хартия переводчиков. Переводческие организации.	43
ЛЕКЦИЯ 4. ВИДЫ СЛОВАРЕЙ	45
1. Определение и типы словарей.	45
2. Особенности разноязычных словарей.	51
3. Параллельные тексты.	54
ЛЕКЦИЯ 5. ПОНЯТИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ	56
1. Понятие «Переводимость».	56
2. Понятия «Переводческая эквивалентность», «Адекватность перевода».	58
ЛЕКЦИЯ 6. ПРОБЛЕМА ЕДИНИЦЫ ПЕРЕВОДА	65
1. Информация и её разновидности.	65
2. Понятие единицы перевода.	67
2.1. Перевод на уровне фонем.	69
2.2. Перевод на уровне морфем.	70
2.3. Перевод на уровне слова.	70
2.4. Перевод на уровне словосочетаний.	71
2.5. Перевод на уровне предложений.	72
2.6. Перевод на уровне текста.	72

ЛЕКЦИЯ 7. КЛАССИФИКАЦИИ И ВИДЫ ПЕРЕВОДА	74
1. Классификации перевода.	74
2. Виды перевода.	75
3. Устный перевод	77
3.1. Устный последовательный перевод.....	77
3.2. Устный синхронный перевод.....	81
4. Письменный перевод.....	83
5. Адекватный, дословный (прямой), буквальный и вольный переводы.....	83
ЛЕКЦИЯ 8. КЛАССИФИКАЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРИЁМОВ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ	87
1. Классификация «закономерных соответствий» Я.И. Рецкера.	87
2. Определение «соответствий» в современном переводоведении...	88
2.1. Однозначные эквиваленты	89
2.1. Вариативные соответствия.....	90
3. Подстановки и трансформации.....	92
ЛЕКЦИЯ 9. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ	93
1. Толкование термина «трансформации» в переводоведении.	93
2. Типы трансформаций по языковым уровням.....	94
2.1. Структурно-уровневые трансформации.....	95
2.2. Содержательные трансформации.....	112
ЛЕКЦИЯ 10. ЗНАЧИМОСТЬ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ И ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ПЕРЕВОДЧИКА	118
1. Понятие «фоновые знания», «фоновая информация», «имплицитная информация».	118
2. Лексика, содержащая фоновую информацию.	121
3. Неологизмы, экзотизмы, окказиональные заимствования в оригинале и переводе.....	123
ЛЕКЦИЯ 11. БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА.....	128
1. Определение безэквивалентной лексики.....	128
2. Способы перевода безэквивалентной лексики.....	129
ЛЕКЦИЯ 12. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА.....	133
1. Виды текстов.....	133
2. Особенности перевода текстов разных стилей и жанров.....	136
2.1. Перевод научно-технических текстов.	136
2.2. Перевод научно-популярных текстов.....	143
2.3. Перевод официально-деловых текстов.....	144
2.4. Особенности перевода публицистических текстов.....	148
2.5. Особенности перевода текстов, относящихся к разговорно-бытовому стилю.....	152
2.6. Перевод художественных текстов.	155

ЛЕКЦИЯ 13. ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ.....	159
1. Понятие переводческой стратегии в современном переводе.....	159
2. Предпереводческий анализ текста.	163
3. Аналитический вариативный поиск.	173
4. Анализ результатов перевода.	175
ЛЕКЦИЯ 14. ИСТОЧНИКИ ПОМЕХ В МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	177
1. Оригинал как источник помех в процессе межъязыковой коммуникации.....	177
2. Процесс перевода как источник помех в межъязыковой коммуникации.....	181
3. Реципиент сообщения как источник помех в межъязыковой коммуникации.....	190
4. Перевод как коммуникативный акт «повторяющего» типа, средство преодоления энтропии при межъязыковой коммуникации.....	192
ТЕКСТЫ ДЛЯ ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО И ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА	203
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Хартия переводчика.	206
ПРИЛОЖЕНИЕ В. Клятва переводчика.	210
ПРИЛОЖЕНИЕ С. Святой Иероним – покровитель переводчиков.....	213
ПРИЛОЖЕНИЕ D. Ляпы в переводах	228
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ	231
ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ.....	243
ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ.....	245
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	247

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленное учебное пособие предназначено для будущих переводчиков с целью ознакомить их с достаточно сложным и всё ещё недостаточно изученным миром теории и практики перевода. Поскольку переводоведение является молодым научным направлением, неудивительно, что здесь существует большое количество нерешённых проблем, многообразие сосуществующих трактовок и терминологического аппарата, что нашло отражение в данном учебном пособии. Автор надеется, что оно поможет студентам – начинающим переводчикам – увидеть и понять круг основных вопросов, связанных с проблемами перевода как процессом и результатом переводческой деятельности.

Пособие содержит четырнадцать лекционных тем, практические задания, целью которых является развитие практических умений студентов-переводчиков понимать алгоритм создания переводного текста как целостной системы, а также приобретение навыков пользоваться этим алгоритмом как нормами в процессе перевода. В пособие включены также вопросы для самоконтроля, темы рефератов, терминологический аппарат, список литературы и полезные для переводческой деятельности интернет-ресурсы, познавательная информация из истории перевода.

Материал лекций может быть использован для изучения базовых курсов «Введение в языкознание и переводоведение», «Введение в теорию перевода», «Теория перевода». Иллюстративный материал предполагает знание русского как родного языка и двух иностранных языков – немецкого и английского.

ЛЕКЦИЯ 1

ПЕРЕВОД КАК РАЗНОВИДНОСТЬ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

1. Понятие «перевод». Проблема многоязычия.
2. Процесс перевода как процесс коммуникации. Культурные и языковые барьеры.
3. Перевод как результат (текст).

1. Понятие «перевод». Проблема многоязычия.

Перевод – одно из древнейших занятий человека. Разнообразие языков побудило людей к этому нелегкому, но столь необходимому труду, который служил и служит целям общения и обмена духовными ценностями между народами. Перевод – это сложный и многогранный вид человеческой деятельности. Хотя обычно говорят о переводе «с одного языка на другой», но, в действительности, в процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим. В переводе сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки. Переводом интересуются культурологи, этнографы, психологи, историки, литературоведы, и разные стороны переводческой деятельности могут быть объектом изучения в рамках соответствующих наук. В то же время в науке о переводе – переводоведении – могут выделяться культурологические когнитивные, психологические, литературные и прочие аспекты.

Рассматривая вопросы межкультурной коммуникации и перевода, не следует забывать, что основную роль в этих процессах играет переводчик – человек, владеющий одним или несколькими иностранными языками, который обеспечивает межкультурную коммуникацию. Для обеспечения межкультурной коммуникации, переводчик в наше время должен быть не только билингом, но и «бикультурным». Межкультурная коммуникация и перевод неразделимы, поэтому уместно говорить о том, что перевод

является разновидностью межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Слово «перевод» многозначно. Согласно словарю лингвистических терминов О.С. Ахмановой, перевод – это сопоставление двух или нескольких языков с целью отыскания семантических соответствий между их единицами, обычно для двуязычной лексикографии, для сопоставительных семантических исследований и т.п..

Таким образом, перевод следует определять как вид языковой (вербальной) деятельности человека, в процессе которого благодаря специальной (особой) обработке исходного текста, существующего на одном языке, создается текст (или тексты), репрезентирующий (репрезентирующие) его на языке (языках) перевода.

Однако, говоря о переводе, следует различать перевод как процесс передачи содержания, выраженного на одном языке средствами другого языка, и перевод как результат этого процесса, т.е. текст (устный или письменный). Хотя эти понятия разные, но они представляют собой диалектическое единство, одно не мыслится без другого.

Уместно также заметить, что в языкознании существует более широкое, чем перевод понятие двуязычной коммуникации. Главное место в ней занимает языковое посредничество, к которому относятся и перевод, и реферирование, и пересказ, и другие адаптированные переложения.

В современном мире насчитывается от 2500 до 5000 языков. Существует более тысячи языков индейцев, около тысячи африканских языков; только на островах Новой Гвинеи разных языков более 700. Но, следует признать, что основная часть языков – это языки с очень небольшим числом носителей. Языков, на которых говорит 95% населения земного шара, менее ста. Каким образом появилось такое многообразие?

Учёные говорят о двух основных версиях:

1. Первая версия (**Библейская легенда**) связана с древним городом Вавилоном, и с вавилонским столпотворением. Сначала все люди на земле разговаривали на одном языке, это потомки Ноя, спасшегося от потопа. Они жили на огромной равнине между реками Тигр и Евфрат, в стране Сеннаар. Земли у них были

необычайно плодородными, и с каждым годом этим людям жилось все лучше и лучше. Поэтому начали они очень гордиться собой. И решили они построить огромную башню, до самого неба, чтобы достать до Бога. Такое решение рассердило Бога, и он смешал языки, чтобы люди не смогли договориться между собой. Тогда среди строителей возникло непонимание, которое заставило их отказаться от своей идеи. Они расселились по всей земле.

2. Вторая версия основывается на научных фактах (**Научная версия**), т.е. ученые предполагают, что в формировании отдельных языков играли ведущую роль два процесса – процессы дивергенции и конвергенции.

Дивергенция – это расхождение, отделение языков в процессе их развития. Отделение языков было связано с территориальным расселением людей, географическим, политическим обособлением. В результате в речи накапливались лексические, фонетические и грамматические варианты, отличавшие речь живших на разных территориях. Например, широкое расселение славян приводит к появлению значительных территориальных особенностей в языке западных, южных и восточных славян. А результатом политического, экономического разделения земель Древней Руси стало выделение трех самостоятельных восточнославянских языков – украинского, русского и белорусского.

Конвергенция – это сближение отдельных языков на основе длительных контактов. Конвергенция может предполагать этническое смешение и языковую ассимиляцию, то есть растворение одного языка в другом. При этом один из них выступает в качестве субстрата, т.е. языка, который был распространен на данной территории ранее. Язык пришлых этносов также может ассимилироваться с местным языком и оставить часть своих языковых черт в виде суперстрата. Например, шведский язык на территории Финляндии утратил тональность под влиянием финского. В болгарском, румынском и албанском языке возник постпозиционный артикль, инфинитив во многих случаях заменён сослагательным наклонением и т. д. Возник так называемый «балканский языковой союз». В случае близкородственных языков или диалектов, сохраняющих некоторую степень взаимопонятности, возможно особенно массовое заимствование

лексики и грамматических черт – например, это произошло с восточнославянским украинским языком, подвергшимся существенному влиянию западнославянского польского языка.

2. Процесс перевода как процесс коммуникации. Культурные и языковые барьеры.

Из вышеприведенного определения перевода следует, что перевод можно представить себе как процесс передачи мыслей, высказанных на одном языке, средствами другого языка (См.: Нелюбин, 1983. С. 145). Это означает, что процесс перевода может рассматриваться как акт коммуникации путем передачи информации от отправителя к реципиенту.

Как процесс перевод определяется, прежде всего, формирующими его компонентами. Именно в этом смысле он может быть рассмотрен в терминах теории информации, поскольку является одним из многочисленных видов обмена информацией. Следовательно, и к переводу, как к любому другому виду обмена информацией, могут быть применены принципы этого научного направления. (Как будет показано ниже, такой взгляд на перевод оказывается весьма плодотворным для уяснения по крайней мере некоторых из важнейших его особенностей.)

Основными элементами процесса передачи информации в любом коммуникативном акте с технической точки зрения являются: источник информации с передающим устройством, преобразующим информацию (сообщение) в приемлемую для передачи форму; канал коммуникации т.е. среда, в которой осуществляется передача сообщения; принимающее устройство или в широком смысле, приемник, приводящий сообщение в форму, которую может воспринять реципиент.

Еще одна важная составляющая акта коммуникации – код, используемый для общения. Код – это некая система знаков и правил их комбинирования с целью передачи сообщения по каналу связи. Есть множество различных кодов, от самых простых до очень сложных (ср.: азбука Морзе – естественный язык). Коды могут представлять собой различного рода явления. Например, генетический код организма представляет собой набор определяющих его наследственные черты комбинаций

аминокислот и протеинов. В качестве кодов при обмене информацией используются естественные и искусственные языки, системы дорожных знаков, обычаи, этикет и т.д. и т.п.

Теория информации, как уже было сказано, может быть применена к любому виду обмена информацией, в том числе к обмену информацией вербальной. Попытаемся сделать это.

Итак, есть человек, отправляющий информацию. Есть ее реципиент. При этом в качестве канала связи рассматриваются различные лингвистические единицы (буквы, звуки, слоги, морфемы, слова, словоформы и тд.), формирующие среду передачи информации (письменную, устную).

В качестве кода вербального обмена информацией выступает язык. В этом коде заданы определенные ограничения на сочетаемость (комбинаторику), а также вероятность появления тех или иных единиц в данном типе речи; все это и реализуется в конкретном произведении речи – тексте.

Сфера перевода в этом смысле – «царство» речи. Переводчик, в отличие от лингвиста, имеет дело не столько с языком, сколько с его конкретными речевыми проявлениями – текстами.

В зависимости оттого, пользуются источник (отправитель) информации или реципиент, соединенные общим речевым каналом, одним и тем же кодом (языком) или разными кодами (языками), можно говорить об одноязычной и двуязычной (или многоязычной) коммуникации.

Понятие «информация» в лингвистике, а вслед за ней и в науке о переводе переосмысливается по сравнению с теорией информации и подразумевает сведения, которые содержатся в речевом сообщении. Эти сведения выступают при информационном обмене объектом передачи, хранения и переработки.

Таким образом, общая структура вербальной коммуникации будет выглядеть следующим образом: источник (отправитель) информации со своим сообщением, которое преобразуется в соответствии с определенным кодом (языком); канал коммуникации, обеспечивающий передачу сообщения (т.е. письменную или устную форму бытования информационного сообщения); декодирующий переданное (исходное) сообщение

получатель (реципиент) информации. Такова в несколько упрощенном виде структура коммуникации в одноязычном варианте ее (коммуникации) осуществления.

В условиях двуязычной коммуникации изложенная выше схема претерпевает определенные изменения. Например, отправляемое сообщение в терминах переводоведения называется оригиналом, процесс передачи оригинала через канал связи с заменой изначального кода другим кодом – процессом перевода, а получаемое реципиентом, преобразованное благодаря переводу сообщение – переводом (переводом-результатом, а не процессом).

Если все вышеперечисленные различия в описании процесса коммуникации в теории одноязычной (монокодовой) передачи информации и в теории информации как таковой все-таки носят более терминологический характер, то основное отличие двуязычного общения от одноязычного состоит в наличии между отправителем и реципиентом сообщения декодирующего-кодирующего преобразователя, который выступает в качестве своеобразного дополнительного элемента, еще одной составляющей канала связи между ними. Этот преобразователь владеет в случае двуязычной коммуникации обоими кодами, тремя – в случае трехязычной и т.д. Им может быть человек (переводчик) или переводящее автоматическое устройство (компьютерная программа-переводчик).

Таким образом, общая схема связи усложняется, и это оказывает принципиальное влияние на ход коммуникации. Действительно, между источником информации и ее получателем оказывается переводчик-преобразователь, «переключающий» код.

Если перевод осуществляет человек, мы имеем дело с так называемым «естественным» переводом, если машина – машинным, или компьютерным.

Сообщение отправителя первоначально генерируется на одном языке (коде). Целью отправителя сообщения является определенное воздействие на получателя, для чего требуется понимание принимающей стороной посланного сообщения. Сообщение же передается на незнакомом ему иностранном языке, который оказывается недоступным для понимания

(декодирования) реципиента. По этой причине в ход коммуникации с целью преодоления возникшего препятствия вводится еще одно звено – преобразователь кода, основная задача которого состоит в том, чтобы единицы одного кода (несущие информацию) трансформировать (перевести) в единицы другого кода. Таким образом, преобразователь-переводчик, с одной стороны, получает сообщение на одном коде, а затем преобразует его в сообщение, выраженное с помощью другого кода. При этом первоначальный код-язык в переводе принято называть исходным языком (ИЯ), а код-язык, на который переводится сообщение-оригинал, – переводящим языком (ПЯ), или языком перевода.

Понятно, что в данном случае мы несколько упростили реальное положение вещей. На самом деле переводчик в процессе своей переводческой деятельности выступает и в роли получателя, и в роли отправителя передаваемого сообщения. Сначала отправитель посылает сообщение, закодировав его с помощью одного языка. Переводчик принимает закодированное сообщение, трансформирует его. Затем он, как бы меняя маски, из получателя превращается в отправителя сообщения. Полученное и воспринятое сообщение он трансформирует, условно говоря, в аналогичное сообщение, но уже с использованием иного языкового кода. Именно на этом языковом коде воспримет сообщение конечный реципиент коммуникативного акта.

Прошедшее этот долгий путь первоначальное сообщение в конце концов (возможно) произведет нужный и планировавшийся изначально отправителем сообщения эффект.

Перевод характеризуется также формой, в которой он осуществляется, – устной, письменной или устно-письменной, что соответствует понятию «канал связи», т.е. это среда осуществления обмена информацией. Среда может складываться из определенным образом организованных графических средств (букв, диакритических, пунктуационных знаков и т.д.), служащих внешними, материальными, оформителями текста; из физических звуков (звуковых колебаний), которые воспринимаются как звуки того или иного языка, складывающиеся в слова, предложения, тексты.

Культурные и языковые барьеры.

Перевод способствует обмену информацией самого разного характера, а этот обмен является базой для прогресса человечества. В мире языковеды насчитывают от 2000 до 6000 языков, хотя процессы глобализации в последние годы могут мотивировать исчезновения многих из них. С одной стороны – это угрожает оскудению мировой культуры в целом, однако и способствует распространению ведущих языков, повышая тем самым возможность межкультурной коммуникации.

Основные трудности, с которыми сталкивается переводчик, также связаны с особенностями языков и способами их использования для наименования объектов и описания ситуаций. Здесь можно выделить три типа трудностей: специфичность семантики языковых единиц, несовпадение “картин мира”, создаваемых языками для отражения внеязыковой реальности, и различия в самой этой реальности, описываемые в переводимых текстах.

Языковые единицы – это не просто ярлыки, используемые для обозначения соответствующих объектов. У каждого языкового знака имеется устойчивое, ему одному присущее значение, и эти значения у единиц разных языков, как правило, не совпадают. Поэтому перевод никогда не сводится к простой замене одной формы на другую и переводчику приходится постоянно решать, значения каких единиц языка перевода наиболее соответствуют содержанию оригинала.

Однако преодоление языковых барьеров, как с помощью переводов, так и с помощью языков-посредников гораздо проще, чем преодоление культурных барьеров. И перевод играет здесь ведущую роль, поскольку только при наличии фоновых знаний и владением ситуативных реалий, переводчик может добиться успеха. Т.е. на переводчика возлагается функция консультанта по межкультурной коммуникации, если же делается письменный перевод – необходимы комментарии и примечания к тексту, инициатором которых выступает сам переводчик (значение слова «свобода» в английском, немецком, русском, чукотском (сорвавшийся с цепи)).

3. Перевод как результат (текст).

Текст перевода может характеризоваться рядом параметров. Например, его можно проанализировать с точки зрения того, насколько точно в нем передана фактическая информация, заключенная в оригинале. Если в переводе допущены серьезные фактические ошибки, то перевод нельзя считать приемлемым. Ошибки могут возникать как из-за оригинала, так и по вине переводчика, например из-за того, что переводчик не расслышал или не понял какой-то фрагмент информации. Они могут возникать также, в частности, из-за того, что переводчик, недостаточно хорошо знает идиоматику одного из вовлеченных в перевод языков.

Так, в переводе романа У. Теккерса «Ярмарка тщеславия» (*W.M. Thackeray. Vanity Fair*) на русский язык, выполненном для журнала «Современник» в 1850 г., переводчик неправильно перевел английское слово *yokel* (что значит *a simple-minded countryman, a country bumpkin*, т.е. *деревенщина*) русским словом *супруг*. Впрочем, не обязательно ходить так далеко в историю, чтобы найти фактические ошибки у переводчиков.

Во франкоязычной московской газете «Le Courrier de Russie» (du 14 au 28 Janvier 2004) название книги журналистки Е. Трегубовой «Байки кремлевского диггера» переведено на французский как *Les velos d'un digger*. Если даже принять изъятие из названия слова *кремлевский* (довольно важного в свете содержания книги) за осознанный переводческий прием – опущение, то перевод русского слова *байки* французским *velos* (*велосипеды*) – явно фактическая ошибка (переводчик, видимо, принял русское *байки* за английское *bikes*, подумав, что это такое же сленговое заимствование в русском языке, как *диггер*).

Еще иллюстрация. В одной из своих статей В.Н. Комиссаров приводит анекдот-пример такого перевода, где межъязыковая коммуникация была существенно искажена из-за грубых ошибок лица, выступавшего в роли переводчика с русского языка на английский и не знавшего употреблявшихся в процессе общения русских идиом [См.: Комиссаров, 2001. С. 9].

В американском суде переводчик буквально переводил слова русской женщины, которую обвинили в краже курицы. Судья спросил ее, признает ли она себя виновной в краже. Женщина

ответила: «Нужна мне ваша курица!» Переводчик ничтоже сумняшеся перевел: «Обвиняемая заявляет, что курица была ей очень нужна». Судья задал вопрос, давно ли она задумала украсть эту курицу. Женщина с возмущением ответила: «Как же! Всю жизнь мечтала!» Переводчик опять перевел буквально то, что услышал: обвиняемая мечтала украсть курицу уже давно. Судья снова спросил женщину: «Стало быть, вы признаете себя виновной в краже курицы?» На это женщина удивленно воскликнула: «Здравствуйте, я ваша тетя!» Озадаченный переводчик сообщил судье: «Обвиняемая утверждает, что приходится близким родственником господину судье».

Этот (наверняка придуманный) анекдот хорошо показывает, чем чреваты ошибки при неправильной передаче фактической информации (в широком смысле слова). Однако и перевод, совершенно правильно передающий фактическую сторону оригинала, тем не менее, может быть признан неудовлетворительным, если в нем нарушены лексико-грамматические, синтаксические и стилистические нормы языка перевода.

Приведем примеры из студенческих работ. (1) «Торонто гордится правом считаться крупнейшим городом Канады с количеством населения около 5 млн и одним из самых больших городов в Северной Америке». Или: (2) «Что вы обычно представляете, услышав слово "акула"? Возможно, первое впечатление – это огромные, обтекаемой формы существа из фильма "Челюсти". Несомненно, в действительности не все акулы выглядят, как акула из фильма. Хотя некоторые да».

Вот оригиналы приведенных фрагментов: (1) «With a population of about 5 mln, Toronto is proud to be Canada's largest city and is considered to be among the largest cities in North America*»; (2) «What are you likely to picture when hearing the word *sharks*? The first thing to think of is probably the huge, streamlined creature from the movie *Jaws*. To be sure, in the real life, not all sharks turn out to look like the *Jaws* shark. Though some certainly do».

Буквально при первом же взгляде на эти переводы становится очевидным, что, даже если в них передана вся информация оригинала и передана верно, они не могут быть признаны хоть

сколько-нибудь удовлетворительными. Через оба примера «насквозь» просматриваются английские конструкции оригиналов. В примере (1) механически переводится с английского языка на русский слово *гордится* (*is proud to be*), чем нарушается стилистика предложения; не согласованы части сложного синтаксического целого с однородными сказуемыми. В примере (2) вместо *представляете себе* стоит *представляете*; спорно употребление слова *впечатление*; опять-таки стилистические огрехи: *обтекаемой формы существа*; вместо громоздкой нерусской конструкции *не все акулы выглядят, как акула из фильма* – более по-русски звучало бы *так выглядят (далеко) не все акулы* и т.д.

Текст перевода может передать всю фактическую информацию с соблюдением всех норм языка перевода, но при этом исказить цель сообщения. Другими словами, получатель информации из-за недостатков перевода не поймет изначального намерения ее отправителя и не будет действовать сообразно его ожиданию. Если автор оригинала хочет, например, убедить, стремление убедить должно ощущаться и в переводе. Как правило, цель искажается в результате допущенных фактических, а чаще всего – культурологических ошибок, т.е. ошибок, возникающих из-за неправильного понимания национальных и культурных нюансов того или иного слова, выражения, высказывания. Это можно проиллюстрировать тем же анекдотом, который мы привели выше, о случае в американском суде. Подобного рода, условно говоря, культурологические неточности или прямые ошибки искажают намерение говорящего, тем самым препятствуя выполнению переводом его репрезентирующей функции.

Кроме того, перевод должен хотя бы частично соблюсти тон оригинала. Имеется в виду та часть плана выражения, которая складывается из коннотативно маркированных элементов текста оригинала. Если события описываются с иронией, переводчик должен (хотя бы отчасти) сохранить эту ироничность. Если информация оригинала подана нейтрально, тот же тон должен быть передан и переводчиком. И наоборот, если тон оригинала не нейтрален, то и перевод (хотя бы отчасти) должен это передать.

Ю.Д. Левин, крупный российский специалист по сравнительному литературоведению и переводчик, так шутливо «перевел» фрагмент стихотворения А.С. Пушкина «Пророк»:

Оригинал:

Восстань, пророк, и вождь, и внемли.

Исполнись волею моей

И, обходя моря и земли.

Глаголом жги сердца людей.

«Перевод» Левина:

Вставай, пророк, смотри и слушай,

Мои приказы исполняй

И, обходя моря и сушу,

Сердца словами зажигай.

Этот квазиперевод сделан без выхода за пределы русского языка, но с выходом из одного стиля (или даже «штиля») в другой. Сохранена информация, нет нарушений норм русского языка, передана цель повествования, но разрушен *тон* оригинала. Таким образом, Левин показал, насколько серьезным может быть ущерб, наносимый оригиналу при изменении его характеристик, образующих общий тон переводимого произведения.

В своей книге «Несгораемые слова» известный советский переводчик Н.М. Любимов приводит такой пример:

Доказывая актерам в «Проекте постановки на сцене трагедии "Царь Федор Иоаннович"», как важно знать роли назубок, Ал. Конст. Толстой с полным основанием утверждал, что далеко не все равно, если актер вместо «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха» – скажет: «Ох, как меня давит Рюрикова фуражка!»

Подобного рода оговорки – это не только актерские, но и переводческие оговорки. Эти самые «рюриковы фуражки» – что греха таить! – то здесь, то там мелькают в наших переводах.

Наконец, все вышперечисленные условия могут быть соблюдены, но на макроуровне будут искажены позиция автора, его мнение по какому-то вопросу, смягчены или, наоборот, усилены те или иные аспекты излагаемого им материала, перевод опять-таки окажется неприемлемым. Переводчик всегда должен объективно отражать позицию

автора независимо от того, что сам он, переводчик, о ней думает, считает ли ее неправильной, недопустимой или нуждающейся в более ясном и убедительном изложении.

В наше время переводчик вряд ли может позволить себе даже комментарии и замечания такого рода, как те, что позволил себе известный русский композитор П.И. Чайковский, выступивший в роли переводчика с французского языка на русский «Руководства к инструментровке» проф. А.Ф. Геварта. В разделе о флажолетах, переводя французский оригинал, Чайковский дает следующие комментарии. Заявление Геварта: «Самое древнее, нам известное, применение флажолетных звуков к оркестру встречается в опере *Тома Жонса Фишдора*. С той поры эффектом этим композиторы вовсе не злоупотребляли» – Чайковский комментирует следующим примечанием: «Не понимаем, как автор не вспомнил в этой статье о гениальных попытках *Берлиоза*; а еще соотечественник!» Он вряд ли мог сделать такое пристыжающее автора замечание в наше время. Сейчас объективность показа точки зрения автора для переводчика – норма.

Таков минимальный набор критериев, которые можно предложить как базовые, основополагающие и универсальные для оценки текста перевода. Он, однако, может расширяться в зависимости от типа переводимого текста, его функционально-стилистической принадлежности.

Можно сказать, что в последнее время окончательно преодолевается лингвоцентрический подход к оценке перевода. Иначе говоря, перевод уже не оценивается только с точки зрения того, насколько точно он воспроизводит оригинал в плане языкового выражения. Все больше осознается важность донесения до адресата перевода главным образом плана содержания оригинала и достижения того же воздействия, которое предполагалось достичь у реципиента оригинала. В этом смысле говорят о коммуникативной равноценности текста перевода и текста оригинала, подразумевая способность текста перевода выступить в качестве полноправной замены оригинала, т.е. текст перевода должен *репрезентировать* оригинал.

Таким образом, говоря о переводе, следует различать употребление термина «перевод» в переводоведческом и любых

других возможных смыслах. В переводоведении под переводом понимается такой вид языковой (устной или письменной) деятельности человека, который может быть охарактеризован как би- или полилингвистический и в результате которого создается текст, репрезентирующий текст-оригинал на языке перевода. При этом собственно термин «перевод» употребляется в двух значениях – как деятельность, процесс, и как результат этого процесса. Перевод как вид деятельности определяется тем, кто его осуществляет и как он протекает. Перевод как результат оценивается с точки зрения его способности репрезентировать оригинал.

ЛЕКЦИЯ 2

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

1. Этапы формирования переводоведения/теории перевода как научного направления.
2. Предмет, объект, задачи, направления современной теории перевода.
3. Переводоведение и смежные с ним дисциплины.
4. Теоретико-переводческие универсалии.

1. Этапы формирования теории перевода.

Основы лингвистической теории перевода в России были заложены Андреем Венедиктовичем Федоровым в 30-е годы в курсе лекций по теории перевода, читавшемся им в Московском литературном институте имени М. Горького. В своей монографии «О художественном переводе» (1941) А. В. Федоров пишет о том, что **успешное сочетание теории и практики перевода возможно лишь на широкой филологической основе.** Эта работа содержит общие принципы лингвистического подхода к переводу текста, которые получили дальнейшее развитие и уточнение.

Как это часто имело место и в других областях человеческой деятельности, переводческая практика значительно опередила теорию перевода. Перевод возник в связи с общественной потребностью в нем, и переводчики делали свое дело более или менее успешно, не дожидаясь, пока какой-нибудь теоретик объяснит им, как они это делают или что такое «перевод». Отсутствие теоретических работ в области перевода и самой науки, в рамках которой они могли появиться, не означало, конечно, что никто не пытался размышлять о сущности, цели и способах осуществления переводческой деятельности. В своей работе переводчик постоянно сталкивался с необходимостью выбирать между различными вариантами перевода, решать, что в переводимом тексте является наиболее важным и должно быть обязательно передано, отдавать предпочтение тому или иному способу преодоления возникающих трудностей. Хотя в большинстве случаев такой выбор делался интуитивно, все же

порой переводчик пытался осмыслить и объяснить свои предпочтения. Нередко такие предпочтения формулировались в виде «принципов перевода», которые переводчик излагал в предисловии к своей работе, либо отстаивал позднее, часто в ответ на критические замечания в свой адрес.

Таким образом, первыми теоретиками перевода были сами переводчики, стремившиеся обобщить свой собственный опыт, а иногда и опыт своих собратьев по профессии. Понятно, что с изложением своего «переводческого кредо» выступали наиболее выдающиеся переводчики всех времен, и хотя высказываемые ими соображения не отвечали современным требованиям научности и доказательности и не складывались в последовательные теоретические концепции, все же целый ряд таких соображений и сегодня представляет несомненный интерес.

Так, еще переводчики античного мира широко обсуждали вопрос о степени близости перевода к оригиналу. В ранних переводах Библии или других произведений, считавшихся священными или образцовыми, преобладало стремление буквального копирования оригинала, приводившее порой к неясности или даже полной непонятности перевода. Поэтому позднее некоторые переводчики пытались теоретически обосновать право переводчика на большую свободу в отношении оригинала, необходимость воспроизводить не букву, а смысл или даже общее впечатление, «очарование» оригинала. Уже в этих первых высказываниях о целях, которые должен ставить перед собой переводчик, можно увидеть начало теоретических споров нашего времени о допустимости «буквального» или «вольного» перевода, о необходимости сохранить в переводе то же воздействие на читателя, которым обладает оригинал, и т.п.

Позднее отдельные переводчики пытались сформулировать некоторое подобие «нормативной теории перевода», излагая ряд требований, которым должен был отвечать хороший перевод или хороший переводчик. Французский гуманист, поэт и переводчик **Этьен Доле** (1509-1546) считал, что переводчик должен соблюдать следующие пять основных принципов перевода: 1) он должен в совершенстве понимать содержание переводимого текста и намерение автора, которого переводит; 2) он должен в

совершенстве владеть языком, с которого он переводит, и столь же превосходно знать язык, на который переводит; 3) он должен избегать тенденции переводить слово в слово, ибо это исказило бы содержание оригинала и погубило бы красоту его формы; 4) он должен использовать в переводе общеупотребительные формы речи; 5) правильно выбирая и располагая слова, он должен передать общее впечатление, производимое оригиналом в соответствующей «тональности».

В 1790 г. в книге англичанина **А.Тайтлера** «Принципы перевода» основные требования к переводу были сформулированы следующим образом: 1) перевод должен полностью передавать идеи оригинала; 2) стиль и манера изложения перевода должны быть такими же, как в оригинале; 3) перевод должен читаться так же легко, как и оригинальные произведения. Подобные требования не утратили своей значимости, хотя и кажутся нам сегодня самоочевидными.

Высказывания переводчиков по поводу принципов, которыми они руководствуются в своей работе, представляют несомненный интерес и внимательно изучаются исследователями перевода, но они не составляют сколько-нибудь последовательной теории перевода и не могут заменить такую теорию. Выдвигаемые в таких высказываниях принципы и рекомендации выводились из переводческой практики и сами по себе неоспоримы, но поскольку они не основывались на какой-либо научной теории, раскрывающей сущность переводческой деятельности, они обычно затрагивали лишь частные или поверхностные аспекты перевода. Фактам, на основании которых выводился тот или иной принцип, не трудно было противопоставить другие факты, подтверждавшие прямо противоположный принцип.

Английский исследователь **Т. Сэвори**, попытавшись свести воедино основные требования, предъявляемые к переводу различными авторами, получил любопытный список, где рядом помещены взаимно исключаящие принципы:

1. Перевод должен передавать слова оригинала.
2. Перевод должен передавать мысли оригинала.
3. Перевод должен читаться, как оригинал.
4. Перевод должен читаться, как перевод.

5. Перевод должен отражать стиль оригинала.
6. Перевод должен отражать стиль переводчика.
7. Перевод должен читаться, как произведение, современное оригиналу.
8. Перевод должен читаться, как произведение, современное переводчику.
9. Перевод может допускать добавления и опущения.
10. Перевод не должен допускать добавлений и опущений.
11. Перевод стихов должен осуществляться в прозе.
12. Перевод стихов должен осуществляться в стихотворной форме.

Первые попытки обосновать необходимость научного осмысления переводческой деятельности вызвали резкие возражения со стороны самих переводчиков, усматривавших в них стремление ограничить свободу творчества переводчика, выработать какие-то нормы и правила, которым переводчик должен будет подчиняться. Теория или наука о переводе воспринималась ими как нечто, в корне противоположное и даже враждебное искусству перевода. Подразумевалось, что теория перевода – это свод правил, претендующих на то, что, изучив их, любой человек может стать отличным переводчиком. А такую претензию переводчики-профессионалы считали и ненужной и неоправданной. Они указывали, что талантливые переводчики создавали и создают шедевры перевода, не имея понятия о какой-либо теории перевода и не нуждаясь в ней. Да и вообще никакая наука о переводе невозможна, поскольку перевод – это искусство, недоступное для научного членения и анализа.

Подобные возражения против научного изучения переводческой деятельности были явно основаны на недоразумении. Литературная деятельность – это, ведь, несомненно, творчество, но на этом основании нельзя отказывать в праве на существование такой науке, как литературоведение. **Тезис «перевод – это не наука, а искусство»**, который часто выдвигался переводчиками, сформулирован явно некорректно. Как и любая другая практическая деятельность, перевод, естественно, не может быть «наукой», то есть теоретическим описанием себя самого.

Теория перевода и переводческая практика – это разные, хотя и взаимосвязанные понятия.

А что означает утверждение, что перевод – это искусство? То, что обычно называют искусством перевода, относится к области психологии переводчика, к его умению осуществлять переводческий процесс, создавать полноценный текст перевода, делать правильный выбор языковых средств, учитывая всю совокупность факторов, влияющих на ход и результат перевода. Отдельные переводчики в разной степени обладают этим умением, и учет подобных факторов происходит во многом интуитивно, в результате творческого акта. Высокая степень такого творческого умения вполне заслуживает названия искусства. Творческий характер переводческой деятельности не означает, разумеется, что сама эта деятельность или воздействующие на нее факторы не могут стать объектом научного анализа и теоретического описания. *Понятие «искусство перевода» относится к умению создавать текст перевода, а не к изучению сущности этого процесса.* Трудность такого изучения, как и теоретического исследования любых видов мыслительной и речевой деятельности, ни в коей степени не ставит под сомнение его принципиальную возможность и необходимость.

Теория перевода непосредственно связана с переводческой практикой. Любые теоретические концепции должны опираться на описание наблюдаемых фактов реального процесса перевода, обобщать и объяснять эти факты. В свою очередь, научная теория перевода оказывает обратное влияние на переводческую практику, облегчая и обогащая ее. Это, разумеется не означает, что любое теоретическое исследование должно обязательно иметь непосредственный «выход» в практику, что любые теоретические концепции могут быть прямо использованы переводчиком в его работе. Связь теории и практики перевода может носить и более сложный, опосредованный характер. Всякое расширение наших знаний о процессах объективной действительности имеет несомненную ценность, но далеко не всякое знание может быть тотчас же использовано для управления этими процессами. Прежде чем ответить на вопрос, «как надо переводить», теория перевода должна была изучить вопрос о том, «что значит переводить».

Незначительная эвристическая ценность первых попыток сформулировать общие принципы перевода и объяснялась, главным образом, тем, что они не были основаны на тщательном изучении фактического материала и подчас подменяли «то, что есть», тем, что, по мнению того или иного автора, «должно было быть».

Основы современного переводоведения стали разрабатываться к середине 20-го столетия, когда переводческая проблематика привлекла внимание лингвистов. Сомнения в возможности изучать перевод лингвистическими методами рассеялись, как только лингвисты начали рассматривать это явление не только как результат индивидуального творчества переводчика, но и как особый вид речевой деятельности, в ходе которой единицы языка перевода выбираются в определенной зависимости от языковых единиц, использованных в оригинале. Поэтому, как и в любом лингвистическом исследовании, исследователи перевода занимались теперь не формулированием правил, которым должен следовать переводчик, а изучением соотношения языковых и речевых единиц двух языков, устанавливаемого в процессе перевода. «Полевым материалом» для исследования служат тексты оригинала и перевода, сопоставление которых дает объективные фактические данные для последующих теоретических обобщений.

Таким образом, *изучение перевода ставит своей целью, в первую очередь, описание реальных переводческих фактов. Выяснив действительное соотношение единиц двух языков, возникающее в процессе перевода, теория перевода может затем вырабатывать рекомендации о том, какие методы целесообразно использовать переводчику, чтобы обеспечить правильный выбор варианта перевода.*

Современная теория перевода исходит из того, что одним из важных видов вербальной коммуникации является обмен информацией между людьми, говорящими на разных языках и принадлежащими к разным культурам. Такая межъязыковая (или двуязычная) коммуникация может осуществляться лишь при участии посредника (человека или компьютерной программы), который способен воспринимать сообщение в письменной или устной форме на одном языке и воспроизводить его средствами

другого языка. Такое языковое посредничество может осуществляться разными способами, главным из которых является перевод. Перевод отличается от других видов языкового посредничества (реферата, аннотации, пересказа, резюме), в первую очередь, особой функцией – служить полноправной заменой исходного сообщения (оригинала). Само намерение выполнить перевод означает постановку задачи создания подобного репрезентанта оригинала, и пользующиеся переводом (его рецепторы или реципиенты) исходят из предположения, что текст перевода и содержательно, и структурно адекватно воспроизводит оригинал. Они используют перевод так, как будто это и есть оригинал: цитируют по переводу оригинал, высказывают суждения о содержании оригинала, оценивают его язык и стиль. Отождествление перевода с оригиналом происходит независимо от реальной близости этих двух текстов, поскольку рецепторы перевода, как правило, не могут оценить степень этой близости, не имея доступа к иноязычному оригиналу. Эффективность межъязыковой коммуникации предполагает значительную степень точности перевода, но в реальной переводческой практике это требование выполняется в разной мере в зависимости от многих объективных и субъективных факторов.

Перевод может осуществляться как в письменной, так и в устной форме. Письменный перевод – это вид перевода, при котором оригинал и перевод выступают в процессе перевода в виде фиксированных (главным образом письменных) текстов, к которым переводчик может неоднократно обращаться, углубляя свое понимание оригинала и корректируя избранные варианты перевода. Подобная ситуация позволяет добиваться большой точности воспроизведения оригинала, давая возможность переводчику использовать различные словари и справочники, обращаться за помощью к специалистам, тщательно редактировать перевод. При устном переводе оригинал и перевод выступают в процессе перевода в нефиксированной (устной) форме, что предопределяет однократность восприятия переводчиком отрезков оригинала и невозможность последующего сопоставления или исправления перевода после его озвучивания. Устный перевод может выполняться последовательно – вслед за произнесением оратором

своего выступления или какой-то его части – или синхронно, то есть одновременно с речью оратора. Особым видом устного перевода является перевод беседы или двусторонний перевод, когда переводчик попеременно использует каждый из языков в качестве языка перевода. Существуют также смешанные виды перевода: устный перевод письменного текста («перевод с листа») и письменный перевод магнитофонной записи устного выступления.

2. Предмет, объект, задачи, направления современной теории перевода.

Исходя из вышеизложенного, можно установить, что именно перевод и другие виды языкового посредничества составляют **предмет** изучения науки о переводе – переводоведения (теории перевода). **Объектом** исследования является процесс межъязыкового вербального общения людей. При этом имеется в виду общение, осуществление главным образом на естественных вербальных языках между людьми с помощью переводчика (или перевода).

К основным **задачам** теории перевода можно отнести следующие:

1) раскрыть и описать общелингвистические основы перевода, т.е. указать, какие особенности языковых систем и закономерности функционирования языков лежат в основе переводческого процесса, делают этот процесс возможным и определяют его характер и границы;

2) определить перевод как объект лингвистического исследования, указать его отличие от других видов языкового посредничества;

3) разработать основы классификации видов переводческой деятельности;

4) раскрыть сущность переводческой эквивалентности как основы коммуникативной равноценности текстов оригинала и перевода;

5) разработать общие принципы и особенности построения частных и специальных теорий перевода для различных комбинаций языков;

6) разработать общие принципы научного описания процесса перевода как действий переводчика по преобразованию текста оригинала в текст перевода;

7) раскрыть воздействие на процесс перевода прагматических и социолингвистических факторов;

8) определить понятие «норма перевода» и разработать принципы оценки качества перевода.

Основными направлениями современной теории перевода являются:

1. Общая теория перевода: ТУП, ТПП, Т машинного П – исследует фундаментальные аспекты перевода (эквивалентность, единица перевода, прагматика перевода).

2. Отдельные теории перевода: теория научного и технического перевода (ТП текстов общенаучных дисциплин; ТП в сфере специальных технических областей); теория публицистического перевода; теория литературного перевода (поэтического прозаического, театрального, библейского); транслатология текста (ТП, ориентированная на текст) – то есть речь идёт об исследованиях особенности перевода определенного жанра текста.

3. Лингвистическое переводоведение, ориентированное на конкретную пару языков).

4. Дидактика перевода: подготовка переводчиков, вспомогательные средства для переводчиков. Она включает в себя как теоретические разработки по методике преподавания перевода, так и практические пособия, опирающиеся на эти теоретические основы. Она учитывает все научные достижения описанных выше направлений переводоведения. Дидактика перевода развивается в тесном контакте с психолингвистикой, методикой преподавания иностранных языков, а также с общей дидактикой (теорией обучения). Ее задачей является построение оптимальной модели обеспечения переводческой профессиональной компетентности.

Эффективность межъязыковой коммуникации во многом определяется степенью близости перевода к оригиналу. Вопреки презумпции их идентичности, которая лежит в основе использования рецепторами текста перевода в качестве полноправного репрезентанта оригинала, языковые и культурные различия приводят к нетождественности этих текстов.

Коммуникативное приравнивание разноязычных текстов в процессе перевода сопровождается более или менее существенными опущениями, добавлениями и изменениями. Переводчику постоянно приходится решать, какими элементами оригинала можно пожертвовать, чтобы сделать возможным полноценное воспроизведение других, коммуникативно более значимых его частей. В связи с этим одним из центральных понятий теории перевода является понятие **«эквивалентность перевода»**, которое обозначает относительную общность перевода и оригинала при отсутствии их тождества.

Безусловно, эффективность межъязыковой коммуникации во многом зависит и от языковой и коммуникативной компетенции переводчика, его умения правильно выбрать и последовательно осуществить переводческую стратегию с учетом многочисленных факторов, влияющих на этот сложный вид человеческой деятельности, и особенностей конкретного акта перевода. Значение переводческой деятельности в современном мире постоянно возрастает, и ее изучение и совершенствование – важная социальная, научная и практическая задача.

3. Переводоведение и смежные с ним дисциплины.

Традиционное представление о том, что главную роль в переводе играют языки, получило серьезное научное обоснование, и в современном переводоведении ведущее место принадлежит лингвистическим теориям перевода. Следует заметить, что включение перевода в сферу интересов языкознания произошло сравнительно недавно и при этом пришлось преодолеть значительные трудности. До сих пор в большинстве фундаментальных работ по лингвистике отсутствует даже упоминание о переводе как о возможном объекте лингвистического исследования, хотя уже Р. Якобсон подчеркивал, что “широко распространенная практика межъязыковой коммуникации, особенно переводческая деятельность должна находиться под постоянным наблюдением лингвистической науки”.

Отличительной чертой перевода является его многоаспектность. Перевод – это такой вид коммуникации, который осуществляется с помощью языка (точнее, двух языков

или более), но этим процесс перевода далеко не исчерпывается. Для его эффективного осуществления следует учитывать особенности общения, связанные с культурой взаимодействующих людей или народов. Кроме того, в процесс перевода вовлечены переводящий и переводимый, адресат перевода, разные люди, играющие разные роли и по-разному себя ведущие в данном процессе. Именно это выводит нас на различные проблемы психофизиологического, социологического, этического порядка. А раз такова особенность процесса межъязыкового общения при посредстве перевода, то наука, его изучающая, должна все это учитывать.

Именно поэтому переводоведение представляет собой научное направление, находящееся в тесной связи с целым рядом смежных с ним научных дисциплин. Прежде всего, с научными дисциплинами филологического цикла, изучающими язык и те или иные языковые ярусы в рамках какого-либо одного языка или нескольких языков одновременно (фонетика, морфология, лексикология, семантика, контрастивная лингвистика и т.п.).

Следует отметить, что филологические исследования перевода охватывают как лингвистические, так и литературоведческие исследования. Одним из основоположников литературоведческого подхода к переводу в России можно считать К.И. Чуковского, выступавшего, прежде всего, за верность передачи образности переводимого художественного текста – исключительного объекта исследования представителей этого направления. Представители же языковедческого направления (А.В. Федоров, Я.И. Рецкер, В.Н. Комиссаров и др.) распространяли свои исследования в равной степени на художественные и нехудожественные тексты. При этом исследовались возможности максимально точной передачи оригинала на языке перевода как в плане содержания, так и в плане выражения.

Таким образом, наука о переводе, во многом вышедшая из колыбели филологии, продолжает с ней взаимодействовать самым тесным образом. Исследования филологического характера играли и продолжают играть в ней очень важную роль.

Переводоведение тесно взаимодействует и с науками нефилологического цикла – гуманитарными и естественными. Теория и практика перевода соприкасаются с культурологией,

поскольку стало уже аксиомой, что перевод – это не просто перенесение с языка на язык слов и предложений, это и общение культур. Культура очень ярко проявляется в языке, языковой картине мира. В этом смысле перевод следует признать не только средством межъязыкового общения, но и общения межкультурного. Для того чтобы обеспечить эффективное межкультурное общение, переводоведение должно учитывать достижения культурной антропологии, истории, этнографии, религиоведения. Без знания особенностей культуры, истории, этических норм, религиозных воззрений взаимодействующих при посредстве перевода народов не может быть и речи о корректной и адекватно воспринимаемой обеими взаимодействующими сторонами коммуникации.

Переводоведение связано также с философией, особенно с той ее частью, которая занимается проблемами философии языка. При этом выделяются наиболее общие принципы функционирования языка в смысле экзистенциальной роли, какую он играет в человеческом обществе. Еще одной важной точкой соприкосновения переводоведения с философией является его взаимодействие с философской герменевтикой, изучающей процесс понимания (в переводческой деятельности) как диалектический процесс накопления знаний; перевода как отождествления с принимаемым переводчиком сообщением; перевода как творческого языкового поведения и т.д.

Переводоведение активно взаимодействует также с семиотикой. Наиболее плодотворными для него оказываются те семиотические исследования, которые изучают специфику культурно обусловленных эстетических и литературных кодов. С точки зрения семиотики переводческая деятельность представляет собой частный случай семиозиса, процесса порождения знаков и обмена ими. При этом оригинал и перевод предстают сложными знаками, требующими интерпретации и перенесения из одной семиотической среды в другую (из языка в язык, из культуры в культуру).

Связи со всеми этими науками нефилологического цикла вбирают в себя как синхронный, так и диахронический способы изучения общих для них и переводоведения проблем. Другими словами, проблемы, интересующие ученых, анализируются не

только в современном срезе их существования, но и в историческом аспекте.

Переводоведение связано и с рядом естественных наук. Так, переводоведение взаимодействует с психофизиологией, когнитивной нейронаукой. Условно к этому же кругу можно отнести и психологию. Переводоведение сотрудничает также с теорией коммуникации, математической статистикой и другими, более отдаленными от гуманитарной сферы науками.

Все вышеизложенное показывает, насколько обширными являются сферы взаимодействия переводоведения с другими науками и областями научных исследований. При этом наиболее тесными ее связи оказываются с науками филологическими, что и понятно, ведь переводческая деятельность – прежде всего, деятельность языковая. Но этим не исчерпывается вся сложность и многогранность изучаемого переводоведением объекта, чем и объясняется необходимость привлечения к ее исследованиям других научных направлений.

4. Теоретико-переводческие универсалии.

Ключевые для теории перевода понятия «язык» и «текст» трактуются в рамках современной лингвистики соответственно как система естественно возникших условных знаков, применяющихся для целей коммуникации, и как все виды устной и письменной реализации этих знаков.

К основным теоретико-переводческим универсалиям можно отнести следующие понятия.

1. **ИТ – исходный текст**, по которым понимается текст, подвергающийся переводу (англ. ST – *source text*, нем. AT – *Ausgangstext*).

2. **ИЯ – исходный язык**, под которым понимается любой естественный язык, знаками которого закодирован исходный текст (англ. SL – *source language*, нем. AS – *Ausgangssprache*).

3. **ПТ – переведённый текст**, т.е. текст, возникший в результате перевода (в качестве синонима многие исследователи используют термин «перевод») (англ. TT – *target text*, нем. ZT – *Zieltext*).

4. **ПЯ – переводящий язык** – любой естественный язык, знаками которого закодирован переведённый текст (перевод) (англ. TL – *target language*, нем. ZS – *Zielsprache*).

5. **Эквивалентность** – мера соответствия переведённого текста исходному тексту вне зависимости от цели перевода.

6. **Адекватность** – соответствие переведённого текста цели перевода.

7. **Единицы перевод** – минимальные оперативные частицы процесса перевода (англ. *unit of translation*).

8. **Трансформация** – переводческое преобразование.

9. **Переводимость** – принципиальная возможность достижения эквивалентности относительно всего текста или какой-либо его частицы.

ЛЕКЦИЯ 3

ПРОФЕССИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

1. Роль переводчиков в современном мире. Качества, навыки и умения переводчика.
2. Переводческая этика. Нормы профессионального поведения переводчика.
3. Хартия переводчиков. Переводческие организации.

1. Роль переводчиков в современном мире. Качества, навыки и умения переводчика.

Перевод имеет тысячелетнюю историю. Среди клинописных шумерских текстов, написанных за 3 тысячи лет до нашей эры, есть двуязычные словари, явно предназначенные для помощи переводчику. Известно, что и в древнем Вавилоне и в Ассирии существовали группы переводчиков, доводивших повеления властителей до сведения покоренных народов. Вообще без переводчиков было бы невозможным существование древних империй, возникавших в результате завоеваний многих стран, населенных разноязычными народами. В древнем Египте уже была специальная школа, готовившая переводчиков для контактов с соседями. Об их существовании упоминает и Библия, где рассказывается история об Иосифе и его братьях. В ней описывается, как завидовавшие ему братья продали Иосифа в рабство в Египет, где он впоследствии стал важным лицом при дворе египетского фараона. Спустя некоторое время на родине был неурожай и его братья отправились за хлебом в Египет. Когда их привели к Иосифу, они его не узнали, а он тоже сначала им не открылся и говорил с ними через переводчика. Подобных упоминаний о переводе и переводчиках можно обнаружить во многих источниках.

В зависимости от определённой эпохи, определённого исторического периода, принадлежности к тому или иному государству или нации, переводчики и назывались по-разному – дети Дома табличек, драгоманы, толмачи, трансляторы, посредники и т.п.

Исследуя развитие перевода от древних времён по сегодняшней день, можно отметить, что на ранних этапах переводческой деятельности в ней проявились две разные тенденции – максимальный буквализм и вольный (свободный) перевод. Первый наиболее заметен в переводах религиозных текстов. Для переводчиков таких текстов оригиналы были «словом божьим», где каждое слово, порядок слов и даже отдельные буквы и знаки препинания были священными, имели какое-то особое значение и должны были как можно буквально воспроизводиться в переводе. Правда, при этом часто нарушались нормы языка перевода, местами перевод становился темным и непонятным, но это никого не смущало, ни самих переводчиков, ни читателей, которые полагали, что религиозный текст и не может быть понятен каждому, в нем многое должно быть мистическим, загадочным, «ибо тайна сия великая есть».

Переводы других текстов, наоборот, часто носили весьма приблизительный характер, их создатели вольно обращались с оригиналом, допускали много неоправданных отклонений и ошибок. Отчасти такой вольный перевод был результатом низкой квалификации переводчика, но порой он мог быть следствием отсутствия должного уважения к переводимому тексту и нетребовательности к качеству перевода со стороны переводчика и читателей.

Противопоставление буквального и вольного перевода сохранилось и в более позднее время, когда выбор одной из этих переводческих стратегий определялся уже не характером переводимого текста, а общей установкой переводчика, его пониманием цели и содержания своей работы. Различие таких установок особенно отчетливо проявилось в художественном переводе. Здесь сторонники буквального перевода были убеждены, что только такой перевод может быть верен оригиналу, что задача перевода и заключается в максимальном копировании исходного текста. Их оппоненты возражали, что как раз буквальный перевод никогда не будет верным, поскольку он не передает самое главное – художественные достоинства оригинала и, что еще важнее, не создает полноценного текста на языке перевода.

Существует практика «украшательского» перевода, получившая особенно широкое распространение и теоретическое обоснование у французских переводчиков восемнадцатого века. Вспомним, что французы в эту эпоху считали себя единственными обладателями совершенного вкуса, требованиям которого, по их мнению, не отвечали литературные произведения других народов, именовавшиеся «варварскими». И при переводе произведений таких «варваров» (к которым относились и Шекспир, и Сервантес, и многие другие выдающиеся писатели и поэты) от переводчика требовали исправления оригинала, чтобы сделать его приятным для читателя. И в соответствии с этими требованиями переводчики «украшали» переводимый текст, выпускали то, что считали лишним, неудачным, добавляли свое. Переводчик романа Ричардсона выбросил описание смерти, заявив, что оно слишком мрачно и грубо. А французский переводчик Лоренса Стерна прямо заявил, что нашел шутки и остроты английского юмориста неудачными и заменил их своими.

Со второй половины XX ст. произошли значительные количественные и качественные изменения, во многом сказавшиеся как на самом характере переводческой деятельности, так и на требованиях, предъявляемых к переводу и переводчикам. Резко увеличились масштабы переводческой деятельности после окончания Второй мировой войны, появились новые виды перевода, на первый план выдвинулись информативные переводы. Большое число информативных переводов означало существенные изменения в требованиях, предъявляемых к переводчику, и в условиях его работы.

В этой связи, когда речь идёт о личности переводчика, невольно возникает вопрос, какими качествами и какой компетентностью он должен обладать?

Компетентность – это сумма знаний и соответственно навыков и умений в профессиональной области. Для переводчика – это языковые знания и речевые навыки и умения во всех основных видах речевой деятельности. А точнее, переводчик должен обладать, по меньшей мере, языковой и речевой (коммуникативной) компетенциями, а также навыками и умениями

письменного и устного перевода, ораторской речи и, наконец, литературным талантом.

Знание лексики, грамматики и фонетики составляет языковую компетенцию, а умение свободно выражать свои мысли на том или ином языке – речевую компетенцию человека. Тот, кто владеет речью, владеет и речевой компетенцией. Поэтому речевую компетенцию в родном языке имеет подавляющее число живущих на земле людей. Они овладели ею, поскольку это заставила сделать их жизнь, языковое окружение. Когда же мы начинаем учить иностранный язык, дело обстоит сложнее. Его изучают обычно в своей стране, и у человека нет насущной необходимости изъясняться на иностранном языке. Попытки искусственно создать такую среду особого успеха не имеют. Поэтому преподаватели чаще всего растолковывают ученикам правила превращения иностранного языка в речь, которые те и заучивают, а в результате отдельные, особенно прилежные школьники приобретают не речевую, а языковую компетенцию. Пребывая в стране изучаемого языка можно добиться больших успехов, но все равно в речи долгое время будут ошибки под влиянием родного языка. Такие ошибки вызываются *интерференцией* (т. е. столкновением) навыков, сформированных ранее, со вновь обретенными.

Компетентность переводчика не ограничивается языковой и речевой компетенциями. Перевод будет полноценным, если переводчику удалось познать глубины культуры того народа, на знание языка которого он претендует. Язык отражает национальное видение окружающего мира, его своеобразие, связанное с географическим положением страны, ее историей, религией, традициями и обычаями. Так, у французов суп едят только вечером, а днем в обеденное время он не значится ни в каких меню. Американские студенты без зазрения совести валяются на полу самых престижных университетов, и профессуре, проходя по коридору, приходится перешагивать через их тела. В Бельгии считается неприличным чихать в городском транспорте, в Германии нельзя выбрасывать мусор в один контейнер и т.п. С такими «мелочами» сталкиваешься на каждом шагу, хотя иногда именно они и ставят иностранца в неудобное положение.

В целом, анализируя многолетний опыт переводческой деятельности, можно сделать следующие выводы о личных качествах переводчика – это лингвистические способности, высокий уровень аналитического мышления, способность хранить большой объем информации, аккуратность, терпеливость, внимательность, высокий уровень эрудиции, быстрая реакция, умение концентрироваться, быть внимательным, коммуникабельность, вербальные способности (умение связно и предельно четко излагать свои мысли, богатый словарный запас, хорошо поставленная речь), высокая работоспособность, вежливость, тактичность.

Безусловно, не следует опускать и необходимые профессиональные знания и умения, как совершенное владение одним или несколькими иностранными языками, грамотный русский язык, хорошее знание специальной терминологии, как на языке оригинала, так и на языке перевода (особенно актуально для технических переводчиков), глубокие знания литературы и наличие навыков литературного редактирования (для переводчиков художественной литературы), знание особенностей языковых групп, желание совершенствовать знание иностранного языка каждый день.

2. Переводческая этика. Нормы профессионального поведения переводчика.

На данный момент существуют определённые правила и нормы поведения, которые профессиональный переводчик должен соблюдать:

- Переводчик не собеседник и не оппонент клиента, а транслятор
 - Текст для переводчика неприкосновенен
 - Переводчик обязан максимально точно передать инвариант исходного текста
 - Соблюдать этику устного общения, уважая свободу личности клиента (не реагировать эмоционально на особенности речи оратора)
 - При устном переводе иногда выполнять еще и дипломатические полномочия

- Исправлять замеченные за собой ошибки, а не скрывать их
- СТРОГО соблюдать конфиденциальность содержания переводимого текста
- НЕ браться за работу, которую не можешь выполнить
- НЕ переманивать чужих клиентов
- НЕ демпинговать.

Моральные принципы переводчика касались в первую очередь его отношения к собственному труду и затрагивали качество его работы. Опосредованно с теми же проблемами связаны общечеловеческие нормы поведения переводчика в ситуации перевода.

Правила ситуативного поведения предполагают полную адаптацию переводчика к ситуации, в которой он оказался. Великий ученый или кинозвезда могут быть одеты вызывающе, могут себе позволить неадекватно вести себя в обществе. Переводчик себе этого позволить не может, потому что, находясь в роли транслятора, он должен быть незаметен как личность, не привлекать к себе внимания, его задача – работать передаточным звеном информации. Поэтому он должен быть одет опрятно и подобающе случаю, соблюдать общепринятые правила приличий. Нарушает он их только тогда, когда они несовместимы с его основной профессиональной ролью в ситуации. Например, если ему нужно переводить во время официального обеда, то ни есть, ни пить ему не придется. При кулуарном общении переводчик не может участвовать в разговоре как равноправный собеседник, как бы соблазнительна ни была для него тема, иначе он исказит информацию источника и потеряет свою надежность как транслятор. Так что его задача – адаптироваться, но работать.

Соблюдение приличий и аккуратность в одежде важны не только потому, что переводчик не должен ничем обращать на себя внимание. К сожалению, если переводчик неряшливо одет, развязно себя ведет, перебивает говорящих, сам этот факт его невоспитанности производит негативное впечатление на участников коммуникации и осложняет восприятие информации. Ей просто меньше доверяют. Сам переводчик, производя неприятное впечатление, создает негативный фон своим собственным словам.

Есть внешне более благоприятные случаи самовольного нарушения переводчиком рамок профессионального поведения. Они касаются обычно переводчиков, имеющих обширные общие филологические знания – скажем, закончивших университет и умеющих себя прилично вести. Это умные люди и интересные собеседники. Они привыкли равноправно участвовать в разговоре и высказывать свое мнение. Но на роль переводчика им переключиться трудно. Они постоянно вмешиваются в разговор, высказывают свое личное мнение и той, и другой стороне, сокращают или просто игнорируют реплики, которые их не заинтересовали. Все это, как мы уже понимаем, есть нарушение этики переводчика. Ведь переводчик даже интонацией не имеет права показывать свое отношение к содержанию переводимого. Не случайно многие фирмы относятся к таким переводчикам более негативно, чем к таким, которым недостает знания языка. Те хоть ни на что не претендуют и знают свое место. А эти первые, не желающие входить в роль переводчика, явно и в будущем не захотят ограничиваться ею; это люди, которые видят в работе переводчика не профессию, а некий промежуточный этап в своей карьере или же источник случайного приработка.

Рамки профессиональных обязанностей переводчика часто неопределенны, и в каждом сложном случае переводчику стоит активно участвовать в их определении. Ведь даже переводчика-синхрониста, имеющего во время работы конференции вполне ясные задачи, могут попросить вечером, после работы перевести письменно ряд документов конференции, и он будет вынужден ночью переводить письменно, а днем устно. Переводчик обязан в таком случае объяснить своим заказчикам, что они ставят под угрозу качество его перевода на следующий день.

Особенно сложна профессиональная ситуация переводчика, которого нанимают для сопровождения группы за границу, в страну его иностранного языка. Тут ему приходится выполнять не только обязанности личного переводчика каждого члена группы (например, это группа российских художников, выезжающих на выставку собственных работ в Париж) и переводить на всех официальных и неофициальных мероприятиях (от пресс-конференции до ресторана), но и быть гидом-экскурсоводом,

межкультурным консультантом, а также иногда и помощником менеджера, делопроизводителем, письменным переводчиком всей документации группы, самостоятельно вести все деловые и личные телефонные переговоры. Переводчик на съемках фильма часто становится вторым помощником режиссера и даже соавтором сценария. В интересах дела, т. е. в интересах качества работы, переводчик в такой сложной ситуации должен сам бдительно следить за объемом своей занятости и настаивать на ограничении ее в разумных пределах.

К сожалению, переводчики низшего и среднего звена часто бывают готовы на все; недостаточный профессионализм и невежественность в вопросах профессиональной этики порождают заколдованный круг: низкое качество перевода – низкая оплата – отсутствие самоуважения (согласен на любое поручение). Отсутствие самоуважения у переводчиков подрывает престиж этой славной профессии.

Отрицательное воздействие на качество работы переводчика может оказывать и, если можно так выразиться, комплекс второстепенности его роли, который ему навязывается. В нем также кроется одна из причин низкого уровня самоуважения. Ведь не секрет, что к переводчику во многих случаях относятся как к второстепенному обслуживающему персоналу. Причина такого неуважительного отношения к одному из самых сложных видов человеческой деятельности, скорее всего, в комплексах тех, кто пользуется услугами переводчиков. Ведь они-то языка не знают, это, по-видимому, серьезная помеха их самоутверждению, и свою досаду они вымещают на переводчике, несправедливо низко оценивая его роль и его труд. Переводчик не должен идти на поводу у таких взглядов. Он должен ориентироваться не на мнение заказчика о себе, а на трезвую оценку своего труда компетентными людьми, например коллегами-профессионалами. Короче говоря, как всякий профессионал, он должен знать себе цену, тогда и его будут оценивать высоко.

Говоря об общечеловеческих принципах поведения переводчика в ситуации перевода, имелись в виду ситуации конструктивного общения. Но иногда партнеры по диалогу создают конфликтную ситуацию. Разумеется, переводчик не обязан, да, как

правило, и не в силах разрешить конфликт. Он при всем желании может не суметь вести себя в ситуации конфликта строго согласно нормам этики из-за сложности обстановки. Наверное, как и во всякой работе, он не должен допускать унижения своего достоинства; но при этом ему важно решить: что переводить и что не переводить в такой ситуации из сказанного партнерами. Этика не допускает при этом ни участия переводчика в скандале, ни перевода ругательств, которыми обмениваются собеседники. Он должен перевести для сторон основное содержание их реплик, пользуясь литературной нормой языка, а ругательства кратко прокомментировать: «Г-жа N употребила резкие ругательные выражения».

3. Хартия переводчиков. Переводческие организации.

Хартия переводчиков была принята на IV Конгрессе Международной федерации переводчиков (ФИТ/FIT) в Дубровнике (Югославия) в сентябре 1963 года. Это официальный документ, в котором изложены некоторые общие принципы, неразрывно связанные с профессией переводчика, с тем, чтобы подчеркнуть социальную функцию перевода; уточнить права и обязанности переводчика; заложить основы морального кодекса переводчика; улучшить экономические условия и социальную атмосферу, в которой протекает деятельность переводчика; рекомендовать переводчикам и их профессиональным организациям известные линии поведения; способствовать утверждению перевода как определенной и самостоятельной профессии (см. Приложение А).

Переводческие организации могут быть международными, национальными, региональными.

- **Международные**

Federation Internationale des Traducteurs (FIT) www.fit-ift.org

Association Internationale des Interpretes de Conference (АИС) www.aiic.net

СЕАТЛ – Европейская ассоциация литературных переводчиков

- **Региональные**

American Translator's Association (АТА)

North West Translator's Network (UK)

- **Национальные**

Bundesverband der Dolmetscher und Übersetzer (BDÜ)
Ukrainian Translation Association (UTA) www.uta.org.ua

Их функции заключаются в повышении статуса профессии, поддержание уровня зарплат, пенсионного обеспечения; обеспечении качества переводов, сертификация переводов, регулирование ценовой политики; выпуске периодических изданий, организация семинаров, конференций, публикация реестров переводчиков; организации курсов повышения квалификации для переводчиков.

ЛЕКЦИЯ 4

ВИДЫ СЛОВАРЕЙ

1. Определение и типы словарей.
2. Особенности разноязычных словарей.
3. Параллельные тексты.

1. Определение и типы словарей.

Повседневная деятельность устных и письменных переводчиков связана с воссозданием значения языковых единиц разных уровней (морфем, лексем, словосочетаний, предложений и т.д.) средствами языка перевода, что приводит к необходимости постоянного использования разнообразных словарей и справочников. В 1980-х гг. начался и до сих пор продолжается настоящий словарный бум, который привёл к появлению огромного количества самых разнообразных словарей.

Согласно определению из Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, *словарь* – это собрание слов (обычно в алфавитном порядке), устойчивых выражений с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык. Объяснение значения слова в словаре называется толкованием. Толкование имеет вид словосочетания или предложения, в котором данное слово объясняется с помощью других, более простых по смыслу слов.

Словари различаются подбором и объемом словника, по тому, каким образом материал организуется. Наиболее простое деление словарей проводится по *объему* представленной в них лексики. В зависимости от объема словаря принято выделять большие, средние, малые и очень малые словари. Как правило, к большим словарям в отечественной лексикографии относят словари, содержащие свыше 100 тысяч слов. К средним относятся словари, содержащие от 40 до 100 тысяч слов. К малым можно отнести словари, содержащие от 10 до 40 тысяч слов. Очень малыми словарями считаются словари, содержащие менее 10 тысяч слов.

Из истории: Первые русские словари появились в конце 13 века и представляли собой небольшие списки непонятных слов с их толкованием, встречающихся в памятниках древнерусской письменности. С 16 века словари стали составляться по алфавиту, вследствие чего получили название «азбуковников». В 1596 г. известный ученый Лаврентий Зизаний Тустановский издал в Вильне первый печатный словарь «Лексис сиречь речения, вкратце собраны и из словеского языка на простой русский и диалект истолкованы», в котором было зафиксировано 1061 слово.

В зависимости от типа лексических единиц, представленных в словаре, и прежде всего от способа их описания все словари делятся на два основных типа: энциклопедические (энциклопедии) и лингвистические (см. схему).

Это противопоставление имеет как содержательный, так и формальный характер. В лингвистических словарях описываются

слова (их значения, особенности употребления, сочетаемость и т. д.), например: *идти – шагать – плестись – топтать – брести, наряд* «направление на работу», «одежда».

Энциклопедические словари объясняют не слова как таковые, а предметы, вещи, события, явления. Объект их описания – область понятий, фактов, реалий. Поэтому в энциклопедических словарях вы не найдёте местоимения, союзы, междометия и только изредка можно найти в них глаголы, прилагательные, наречия, например: *«МОЗГ, центр. отдел нерв. системы животных и человека. Состоит из нерв. ткани: серого в-ва (скопление гл. обр. нерв. клеток) и белого в-ва (скопление гл. обр. нерв. волокон). У позвоночных различают головной мозг и спинной мозг. У беспозвоночных ж-ных М. наз. скопление нерв. клеток на переднем конце тела».*

Материал лингвистических словарей включает все части речи. В лингвистических словарях слово описывается с точки зрения его языковых и речевых характеристик (приводятся толкование, комплекс грамматических и стилистических помет, этимологические данные и т. д.), а в энциклопедии словарная статья может включать самую разнообразную информацию, передаваемую в текстовой и изобразительной форме (в виде рисунков, фотографий, карт).

Кроме лингвистических и энциклопедических словарей встречается особый тип словарей, которые по характеру содержащейся в них информации нельзя однозначно отнести ни к энциклопедиям, ни к лингвистическим словарям. Это лингвострановедческие словари (В. П. Фелицына и В. М. Мокиенко *"Русские фразеологизмы"*, Ю. Е. Прохорова *"Русские пословицы, поговорки, крылатые выражения"*, А. Г. Балакая *"Доброе слово"*).

Энциклопедические словари, в свою очередь, бывают двух типов: общие/универсальные и специальные. Специальные энциклопедические словари посвящены определенным областям знаний – это литературные, искусствоведческие, исторические и другие энциклопедии, например *The Oxford Companion to English Literature*, *Encyclopedia of Indo-European Culture*.

Лингвистические словари, в зависимости от количества представленных в них языков, можно, в свою очередь, разделить на три типа: одноязычные, двуязычные и многоязычные. Последние два типа часто называют также переводными словарями.

По типу лексического материала, отобранного для словника, словари могут быть справочными и учебными. Такое разделение основывается на идее, выдвинутой еще в 1935 г. акад. Л.В. Щербой о том, что в лексикографии следует различать словари «активного» и «пассивного» типа.

Справочные словари (словари «пассивного» типа), предназначены для использования главным образом во время чтения на соответствующих иностранных языках и обычно содержат сжатую информацию о системе значений слов, т.е. ориентированы на пассивное овладение данной в словаре лексикой. Учебные словари (словари «активного» типа) предназначены для активного овладения базовой лексикой данного иностранного языка в процессе обучения. Они дают необходимые грамматические сведения, а также сведения о сочетаемостных свойствах слов.

Как правило, словник справочных словарей гораздо шире словника учебных, зато объем статьи учебного словаря значительно превышает объем соответствующей статьи словаря справочного. В первом, кроме грамматических сведений о слове, приводятся наиболее частотные словосочетания с ним, идиомы и т.п.

Слова и в учебных, и в справочных словарях расположены в алфавитном порядке. В большинстве английских словарей дается транскрипция заглавного слова. При этом следует принять во внимание, что не все словари следуют одной и той же системе транскрибирования слов. Большинство из них транскрибирует слова на основе Международного фонетического алфавита (*International Phonetic Alphabet*). В некоторых словарях при транскрибировании слов за основу принимаются иные системы. Для того чтобы грамотно произнести искомое слово, нужно внимательно ознакомиться с правилами пользования словарем, которые всегда изложены в его начале, иначе неизбежны ошибки в произношении, которых профессиональный переводчик просто не может себе позволить.

Одноязычные лингвистические словари нацелены на толкование слов, которые принадлежат к одному языку. Основным достоинством таких словарей является то, что они точно передают понятия. Двухязычные словари дают всего лишь перевод, причем перевод основных значений, не второстепенных, не говоря уже о значениях, появляющихся у слов в новых контекстах. Одноязычные словари позволяют заглянуть в языковую логику номинации тех или иных явлений. Между прочим, начинающие, неопытные переводчики часто делают ошибки, например, из-за того, что не заглядывают в одноязычные словари, предпочитая им двухязычные. У опытного переводчика приоритеты распределены наоборот. Двухязычным словарем он пользуется, лишь тогда, когда слово забылось, «вылетело из головы» и когда ему нужно перевести однозначные слова и выражения (термины, реалии, имена). Одноязычные словари могут достаточно полно представлять семантические структуры слов в историческом аспекте.

К наиболее известным одноязычным словарям относятся, например:

англ. – 12-томный словарь «Oxford English Dictionary (J. Murray et al., 1933); «The Random House Dictionary of the English Language (ed. by J. Stein, 1967); «Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English» (1948 sq.); «Longman Dictionary of Contemporary English (1992); «Collins COBUILD English Language Dictionary (1990); «Diction- naire Universel de poche» (Hachette, 1999) и др.

нем. – Duden «Das große Wörterbuch der deutschen Sprache» в 8 томах, 1992; «Duden Deutsches Universalwörterbuch», 1996; 33-томный исторический словарь немецкого языка Я. Гримм и В. Гримм (Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch, 1984); 3-томный словарь средневерхненемецкого языка М. Лексера (Lexner M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch, 1992), «Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache (1993) и др.

Переводчики нередко прибегают также к помощи различных специализированных, или отраслевых, словарей, представляющих лексику из той или иной профессиональной сферы. В связи с этим следует заметить, что переводчики, особенно работающие одновременно с различными заказчиками, сталкиваются с проблемой острой нехватки фоновых знаний в той или иной

профессиональной сфере. Отраслевые словари отчасти помогают решить эту проблему. Однако более эффективным подсобным средством являются толковые отраслевые словари, в которых заглавному слову дается объяснение, позволяющее установить (хотя бы приблизительно), что значит конкретное понятие, термин. Таким словарем, например, является «Longman Business English Dictionary» (2001).

Весьма полезны для переводчиков словари сленга, диалектов, орфоэпические, орфографические, фразеологические, словари паронимов, иностранных слов и т.д.

Не обойтись переводчику и без различного рода словарей сочетаемости. Такие словари очень помогают при переводе на иностранный язык. К ним относятся словари типа популярного «Комбинаторного словаря английского языка» (М. Бенсон, Э. Бенсон, Р. Илсон, 1990).

Двуязычные словари не толкуют слова, а дают каждому одно или несколько эквивалентов на другом языке. Как и одноязычные словари, они могут быть справочного, учебного или смешанной типа. Словники в них обычно составляются в алфавитном порядке. Выше уже говорилось о необходимости отраслевых словарей. Однако одноязычных словарей переводчику бывает недостаточно, поскольку, давая ему возможность понять смысл того или иного термина, они все же не помогают в поиске иноязычного соответствия и образовании нужной транслатемы. Особенно полезны в этом смысле двуязычные специализированные толковые словари, которые совмещают в себе функции как словарей двуязычных, так и одноязычных толковых.

Очень важно понимать, что не следует слепо доверять двуязычному словарю, поскольку система значений в нем с соответствующими иноязычными эквивалентами не всегда точно передает необходимые тонкости и особенности употребления нужного слова. Поэтому найденное в двуязычном словаре слово полезно проверять по одноязычному словарю.

К двуязычным специализированным словарям следует отнести глоссарии-справочники из определенной профессиональной сферы. Они, как правило, не так полны, зато отражают терминологическую систему, используемую в определенной организации.

Тезаурусы – очень важное лексикографическое вспомогательное средство в работе переводчика. В тезаурусах единицы словника чаще всего не толкуются (или не только толкуются), а снабжаются перечнем синонимов и антонимов. Тезаурусы, которые могут быть одноязычными и двуязычными, необходимы при переводе текстов на иностранный язык.

Всё вышесказанное касалось словарей изданных, однако на сегодняшний день наибольшей популярностью пользуются электронные словари (*ABBYY LINGUO; Multitran* и др.). Их преимущества очевидны – они включают в себя и большой общезыковой словарь, и отраслевые словари; в них легко отыскать примеры на ситуативное употребление слова, причем как при переводе с одного языка на другой, так и обратно; они всегда «под рукой» и не тяжёлые!

2. Особенности разноязычных словарей.

Лингвисты утверждают, что отсутствие типологии в создании словарей является большим пробелом в теории лексикографии вообще и служит причиной различных противоречий в практике *создания* словарей и особенно разноязычных словарей. Подобное положение объясняется тем, что долгое время господствовало мнение, что разноязычные словари должны быть по своему назначению «универсальными», способными выполнять все потенциально возможные для них функции. Это означало, что один и тот же разноязычный *словарь* предназначался в одинаковой степени для носителей всех языков, представленных в этом словаре, что он в одинаковой степени должен был служить активным и пассивным целям, то есть обеспечивать возможность выражения мысли на иностранном языке и в то же время обеспечивать понимание иностранного текста. Кроме того, к такому словарю предъявлялось требование как можно более широкого охвата самого разнообразного словарного материала, в том числе и терминологического. Однако выполнение всех этих требований в одном разноязычном словаре – процесс не простой, и некоторые лингвисты считают его даже нецелесообразным.

Общеизвестно, что читатели разноязычных словарей делятся в основном на две категории: это те, которые пользуются разноязычными словарями для того, чтобы понять и при необходимости перевести иностранный текст на родной язык, и те, которые активно пользуются иностранным языком в своей практической деятельности. Совмещение интересов этих двух категорий читателей в одном разноязычном словаре, как это доказывается практикой, невозможно.

Вот почему в настоящее время разумнее будет стремиться не к созданию «универсального» разноязычного словаря, а к построению системы разноязычных словарей, которая в целом должна обеспечить выполнение всех задач стоящих перед разноязычной лексикографией как таковой. Об этом говорилось ещё в 70-80 гг. прошлого столетия. Учёные отмечали, что для достижения этой цели необходимо решить те принципиальные вопросы, которые в совокупности своей будут отражать специфику разноязычной лексикографии. Сюда относятся: 1) необходимость учета родного языка читателя: например, немецко-русский словарь для русского читателя – немецко-русский словарь для немецкого читателя; 2) порядок расположения языков в словаре: немецко-русский словарь для русского читателя – русско-немецкий словарь для русского читателя; 3) функциональная направленность словаря: немецко-русский словарь активной направленности – немецко-русский словарь пассивной направленности; 4) характер содержания словаря: немецко-русский словарь общий – немецко-русский словарь специальный; 5) объем словаря того или иного типа: немецко-русский словарь полный – немецко-русский словарь неполный; 6) порядок расположения словарного материала: немецко-русский словарь алфавитный – немецко-русский словарь идеологический (тематический и т.п.).

Подобный функциональный подход к проблеме типологии разноязычных словарей позволяет установить, что:

- 1) разноязычный словарь должен быть рассчитан только на носителей одного из представленных в словаре языков;
- 2) нельзя предъявлять одинаковых требований к содержанию и структуре немецко-русского словаря и русско-

немецкого словаря, предназначенных, например, для русского читателя;

3) разноязычный словарь должен обладать четко выраженной функциональной направленностью: он должен быть или пассивным или активным словарем, что, само собой разумеется, не исключает возможности и необходимости существования ряда вариантов таких словарей;

4) разноязычный словарь, может быть общим или специальным, причем в первом случае объем включаемых единиц специальной лексики будет полностью зависеть от функциональной направленности словаря, от его назначения;

5) разноязычный словарь может быть относительно полным или неполным, однако при определении «полноты» словаря следует руководствоваться не цифровыми показателями, а действительностью, эффективностью того или иного словаря;

6) разноязычный словарь может быть алфавитным и идеологическим (тематическим и т.п.) в зависимости от функциональной направленности словаря.

Такая всесторонняя характеристика того или иного словаря, определение его места среди других разноязычных словарей является важнейшей предпосылкой для решения последующих теоретических и практических вопросов разноязычной лексикографии, таких как отбор словарных единиц и значений, а также построение словарной статьи.

Известно, как трудно проходит процесс отбора словарных единиц в разноязычный словарь «универсального» типа. Об этом наглядно свидетельствуют и сами словари, и противоречивые отзывы рецензентов на эти словари. Однако такой спор может возникнуть лишь в том случае, если от разноязычного словаря требуется «универсальность». Если же подходить к этому вопросу с позиций функциональной разноязычной лексикографии, то при таком подходе к решению проблемы словника разноязычного словаря станет возможной выработка довольно строгих и последовательных критериев отбора словарных единиц, в том числе и словосочетаний. Критерии эти будут, конечно, отличаться друг от друга в зависимости от типа разноязычного словаря. Однако общим при их выработке будет

обязательный учет ряда факторов, которые позволят решить вопрос о включении или не включении в словарь той или иной словарной единицы. Факторы эти подразделяются на внеязыковые, внутриязыковые и межъязыковые.

Такая методика отбора слов и словосочетаний обеспечивает объективное решение проблемы словника. Кроме того, функциональный подход конкретизирует и совершенствует методику построения словарной статьи разноязычного словаря определенного типа.

Само собой разумеется, что осуществление подобных замыслов возможно лишь при условии, что разноязычный словарь будет рассматриваться как органическая часть четко обозначенной системы разноязычных словарей, создание которой – одна из перспектив лексикографической теории и практики.

3. Параллельные тексты.

Лингвисты-переводоведы утверждают, что сопоставление параллельных текстов является важным инструментом оптимизации работы переводчика. Цель данного действия состоит в том, чтобы выявить соответствия в двух языках, вовлеченных в процесс перевода.

Под *параллельными текстами* понимаются тексты, которые сходны по тем или иным параметрам, например, тематически. В практике перевода сопоставляются в основном тематически сходные *разноязычные* тексты. В плане выражения сопоставляться могут тексты с одинаковой прагматической ориентацией, принадлежащие к одному и тому же функционально-стилистическому пласту или, наоборот, к разным пластам. Благодаря такому сопоставлению переводчик может лучше уяснить для себя те или иные аспекты функционирования и ИЯ, и ПЯ.

Сопоставление возможно и в плане содержания. При этом сопоставляются, например, тематически сходные тексты. Это самый распространенный вид сопоставления параллельных текстов при подготовке к переводу в сфере, где переводчик не чувствует себя достаточно уверенным. Он может не знать тех или иных терминов, наиболее частотных оборотов из какой-нибудь профессиональной сферы. В этом случае следует обращаться к

сравнению текстов, касающихся одной и той же темы, хотя вовсе не обязательно соотносящихся друг с другом как оригинал и перевод. Он может проанализировать и уже существующие оригиналы и переводы текстов по данной тематике, сделанные другими переводчиками.

Сопоставление, как следует из вышесказанного, может осуществляться и в рамках одного языка, и в рамках двух языков сразу. Например, сначала сопоставляются несколько параллельных текстов на ИЯ: анализируются язык, на котором они написаны (конкретные лексические единицы, пунктуация, грамматико-синтаксические и фразеологические особенности текстов), стилистика и композиция; находятся и осмысляются сходства и различия сопоставляемых текстов. Затем та же работа переносится на сходные (по тем или иным параметрам) тексты на ПЯ, которые могут быть созданы независимо от текстов на ИЯ, подвергшихся анализу в предыдущей сопоставительной операции. Следующим шагом будет сопоставление полученных результатов. Только после этого можно приступать к собственному переводу того или иного текста.

Параллельные тексты можно брать как в компаниях-заказчиках переводов, так и пользоваться интернет-ресурсами, хотя в последнем случае следует помнить, что материал, представленный в нем, очень неоднороден. Перед тем как анализировать те или иные источники из Интернета, следует убедиться в их надежности и аутентичности.

ЛЕКЦИЯ 5

ПОНЯТИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ

1. Понятие «Переводимость»
2. Понятие «Переводческая эквивалентность», «адекватность перевода».

1. Понятие «переводимость».

Центральной проблемой переводоведения является *эквивалентность*, т.е. специфическое отношение между текстами, позволяющее считать один текст переводом другого. *Переводимостью* называют принципиальную возможность перевести текст. Трудность перевода, связанная со сложностью оформления эстетической информации в тексте, и переводимость – это не одно и то же. К тому же тексты, долгие годы, не поддававшиеся переводу, в конце концов, всегда обретают переводную версию. Проблема переводимости в принципе занимала ученых на протяжении многих веков, и их рассуждения о переводимости приводили к разным результатам. Выводы ученых во многом зависели от того, какую роль они отводили языку в процессе сознания и интерпретации действительности и, следовательно, насколько тесной оказывалась связь языка и культуры.

Существует два кардинально разных подхода к трактованию понятия переводимости. Сторонники *принципиальной непереводимости* (В. Гумбольдт, Л. Вайсгербер), утверждали, что каждый язык содержит уникальную «картину мира», определяющую мировосприятие говорящих на этом языке, где язык и мышление отождествляются. В противоположность упомянутым выше теориям, философия языка эпохи Просвещения (Декарт, Лейбниц, Вольф) манифестировала принцип абсолютной переводимости, утверждая, что все языки есть лишь вариации некоего общего *lingua universalis* и для перевода важна лишь общность понятий. Этот принцип нашел свое продолжение и развитие в *теории универсалий* Н. Хомского и в опоре на денотативную функцию языка. Все взгляды такого рода представляют другую крайность: чрезмерное обобщение приводит

к недооценке роли языка в процессе познания.

Обе точки зрения – и принцип абсолютной непереводаемости, и принцип абсолютной переводаемости – недостаточно полно отражают реальную картину «взаимопереводаемости» языков, поскольку и тому и другому принципу недостает динамичности. Каждый язык представляет собой гибкое, многоликое, отнюдь не единое образование, и каждая культура тоже подвержена непрерывным изменениям. Если связь языка и культуры приводит к созданию уникальных языковых образований (простым примером таких образований являются формулы контакта, фразеологизмы, экзотизмы), то *переводимость будет зависеть от того, существует ли в данный исторический момент коммуникативная взаимосвязь между этими образованиями в разных языках*. Тогда упомянутые формулы контакта, несмотря на свою языковую уникальность, окажутся переводимыми, поскольку в любом языке – это необходимые компоненты коммуникативного акта.

Принципиально переводимыми будут и фразеологизмы, поскольку такой способ образно-обобщенного описания действительности коммуникативно значим в любом языке. Что касается экзотизмов, то, несмотря на то, что они связаны с культурным опытом только одного народа и обозначают предметы действительности, известные только этому народу (например, «сауна» – финская баня), коммуникативный запрос других народов, базирующийся на безграничности познания, делает и эти языковые образования переводимыми: смысл экзотизмов может быть всегда передан описательным способом или усвоен как новая лексема. Но только тогда, когда появится коммуникативный запрос, проявится интерес к этим явлениям со стороны других культур.

Наиболее обоснованным представляется принцип относительной переводаемости, предложенный В. Коллером. Взаимообусловленная связь между языком (отдельно взятый язык), мышлением и восприятием действительности представляется динамичной и постоянно меняющейся. Границы, которые устанавливаются для познания языка и интерпретации действительности, оформленные с помощью языка, сразу находят свое отражение в процессе познания, они изменяются и расширяются; эти изменения, в свою очередь, отпечатываются в

языке (языковом употреблении): языки и, соответственно, носители языков обладают креативностью (креативность языка). Эта креативность выражается, среди прочего, и в методах перевода, с помощью которых заполняются пробелы в лексической системе ПЯ. Таким образом, переводимость не только относительна, но и всегда прогрессивна, делая перевод мы одновременно повышаем переводимость языков.

2. Понятие «Переводческая эквивалентность», «Адекватность перевода».

У термина «эквивалентность» своеобразная история. В современной теории перевода он обозначает соответствие текста перевода тексту оригинала. Эквивалентность имеет объективную языковую основу, и поэтому ее иногда называют лингвистической, чтобы отграничить возможные толкования термина, связанные с литературоведческим подходом к переводу.

Понятие *переводческой эквивалентности* является одним из центральных понятий в теории перевода и включает в себя представление о результате перевода максимально близком к оригиналу, а также представление о средствах достижения этого результата. Понятие «*эквивалентность перевода*» обозначает относительную общность перевода и оригинала при отсутствии их тождества.

В истории перевода складывались различные концепции эквивалентности. Часть из них актуальна и в наши дни. Современный научный взгляд на эквивалентность избавился от прежнего метафизического представления о том, что можно добиться такого перевода, который будет точной копией оригинала. Это соответствовало метафизическому взгляду на текст как арифметическую сумму элементов, из которых каждый в отдельности мог быть воспроизведен в переводе. Поэтому и возникало время от времени сомнение в возможности перевода вообще – всякий раз, когда развитие знаний о языке обнаруживало более сложные закономерности (лингвокультурная специфика; природа знака; психология восприятия речи и т. п.). Выяснилось, что ни стопроцентная передача информации, ни стопроцентное воспроизведение единства текста через перевод невозможны. И это

не означает, что перевод невозможен вообще, а только то, что перевод не есть абсолютное тождество с оригиналом.

Таким образом, переводческая эквивалентность предусматривает достижение максимального подобия; *теория эквивалентности* – это теория возможного, исходя из *максимальной компетентности переводчика*. Однако, говоря о максимальном подобии, необходимо представлять себе условия достижения эквивалентности. В этом случае очевидно, что эквивалентность – понятие комплексное и для ее описания исследователи применяют самые разнообразные критерии и параметры. Степень эквивалентности может быть достаточно объективно определена путем сопоставления текста перевода с оригиналом, и она служит одним из критериев при оценке результатов переводческого процесса. Однако, в целом, такая оценка выводится на основе целого ряда факторов.

В. Коллер, например, называет 5 факторов и видов эквивалентности, задающих определенные условия достижения эквивалентности перевода в целом:

1) *денотативная эквивалентность*: внеязыковое понятийное содержание, передаваемое с помощью текста, и ориентированная на него;

2) *коннотативная эквивалентность*: передаваемые текстом коннотации, обусловленные стилистическими, социолектальными, географическими факторами;

3) текстовые и языковые нормы и ориентированная на них *текстонормативная эквивалентность*.

4) *прагматическая эквивалентность*, т.е. реципиент (читатель), на которого должен быть «настроен» перевод;

5) определенные эстетические, формальные и индивидуальные свойства текста, и ориентированная на них *формально-эстетическая эквивалентность*.

Все эти факторы, так или иначе, отразились в разнообразных исторических концепциях переводческой эквивалентности (концепция формального соответствия, концепция нормативно-содержательного соответствия, концепция культурно-эстетического соответствия, концепция полноценности перевода, концепция динамической эквивалентности, универсальная модель «скопос»,

концепция неогерменевтической модели перевода).

В своей теории В.Н.Комиссаров утверждал, что специфика перевода, отличающая его от всех других видов языкового посредничества, заключается в том, что он предназначается для полноценной замены оригинала и что рецепторы перевода считают его полностью тождественным исходному тексту. Вместе с тем не трудно убедиться, что абсолютная тождественность перевода оригиналу недостижима и что это отнюдь не препятствует осуществлению межъязыковой коммуникации. Дело не только в неизбежных потерях, связанных с трудностями передачи особенностей поэтической формы, культурных или исторических ассоциаций, специфических реалий и других тонкостей художественного изложения, но и в несовпадении отдельных элементов смысла в переводах самых элементарных высказываний, ср.:

The student is reading a book = Студент читает книгу.

В большинстве случаев такой перевод будет вполне правильным и не потребует каких-либо улучшений. Очевидно, однако, что полного тождества здесь нет. В английском оригинале содержится указание, что речь идет о каком-то лице, известном собеседникам, и, напротив, о какой-то неопределенной книге. В переводе такое указание отсутствует, как и информация о том, что действие происходит в момент речи, а не повторяется регулярно. С другой стороны, русский язык вынуждает нас сообщить, что читающий – это лицо мужского пола, хотя в оригинале речь могла идти и о женщине. Все эти потери и добавления обычно не будут препятствовать переводу выполнить свою функцию.

Таким образом, отсутствие тождества между содержанием оригинала и перевода обозначается термином “эквивалентность”. Поскольку важность максимального совпадения между этими текстами представляется очевидной, эквивалентность обычно рассматривается как основной признак и условие существования перевода.

Из такого подхода вытекает несколько выводов.

Во-первых, условие эквивалентности должно включаться в само определение перевода. Так, английский переводовед Дж. Кэтфорд определяет перевод как “замену текстового материала на

одном языке (ИЯ) эквивалентным текстовым материалом на другом языке (ПЯ)”. Аналогичным образом, американский исследователь Ю.Найда утверждает, что перевод заключается в создании на языке перевода “ближайшего естественного эквивалента” оригиналу.

Во-вторых, поскольку понятие “эквивалентность” приобретает оценочный характер, то “хорошим/правильным” переводом признается только эквивалентный перевод.

В-третьих, поскольку эквивалентность является условием перевода, задача заключается в том, чтобы определить это условие, указав, в чем заключается переводческая эквивалентность, что должно быть обязательно сохранено при переводе.

Современные переводоведы обращают внимание на то, что сопоставление переводов с их оригиналами показывает, что существуют несколько типов эквивалентности, в каждом из которых сохраняются разные части содержания ИТ. Изучение уровней эквивалентности позволяет определить, какую степень близости к оригиналу переводчик может достичь в конкретном случае, потому что эффективность межъязыковой коммуникации во многом определяется степенью близости перевода к оригиналу. Вопреки презумпции их идентичности, которая лежит в основе использования рецепторами текста перевода в качестве полноправного репрезентанта оригинала, языковые и культурные различия приводят к нетождественности этих текстов. Коммуникативное приравнение разноязычных текстов в процессе перевода сопровождается более или менее существенными опущениями, добавлениями и изменениями. Переводчику постоянно приходится решать, какими элементами оригинала можно пожертвовать, чтобы сделать возможным полноценное воспроизведение других, коммуникативно более значимых его частей.

Различается теоретически возможная эквивалентность, определяемая соотношением структур и правил функционирования двух языков, и оптимальная – близость, достигаемая в конкретном акте перевода. И в том, и в другом случае эквивалентность не представляет собой фиксированную величину: степень близости перевода и оригинала может быть различной и эквивалентность перевода устанавливается на разных уровнях. Иначе говоря,

существуют разные типы эквивалентности, различающиеся по степени близости двух текстов.

Степень эквивалентности может быть достаточно объективно определена путем сопоставления текста перевода с оригиналом, и она служит одним из критериев при оценке результатов переводческого процесса. Однако, в целом, такая оценка выводится на основе целого ряда факторов. В ряде случаев для успеха межъязыковой коммуникации достижение максимальной эквивалентности оказывается необязательным, а иногда даже нежелательным. Это вызвало необходимость в введении оценочного термина «*адекватность перевода*», обозначающего соответствие перевода требованиям и условиям конкретного акта межъязыковой коммуникации. В соответствии со значениями терминов «эквивалентность» и «адекватность» адекватный перевод включает определенную степень эквивалентности, но эквивалентный перевод может и не быть адекватным.

Соотношение эквивалентности и адекватности в каждом акте перевода определяется выбором *стратегии*, который переводчик делает на основе учета ряда факторов, составляющих переводческую ситуацию. Из числа этих факторов наибольшее значение имеет *цель перевода, тип переводимого текста и характер предполагаемого рецептора перевода*.

Осуществляя межъязыковую коммуникацию, переводчик может ставить перед собой различные цели, стремиться достичь определенных результатов. В основном, эти результаты можно свести к 4-м группам.

Во-первых, задача переводчика может заключаться в обеспечении адекватного понимания рецептором передаваемой информации.

Во-вторых, переводчик может стремиться добиться определенного коммуникативного эффекта, создать у рецептора желаемое эмоциональное отношение к передаваемой информации, вызвать у него соответствующие ассоциации.

В-третьих, переводчик может поставить перед собой цель побудить рецептора к каким-то конкретным действиям, вызвать у него определенную практическую реакцию.

И, наконец, переводчик может использовать свой перевод с целью достижения какого-то «экстрапереводческого» результата, решения каких-то идеологических, политических или бытовых задач, не имеющих ничего общего с адекватным воспроизведением оригинала. И в каждом переводе переводчик может преследовать одну или несколько подобных целей. И каждая из них может потребовать особой прагматической адаптации текста перевода, возможного отказа от максимальной эквивалентности.

Очевидна зависимость стратегии переводчика от типа переводимого текста. Несомненно, перевод художественного романа и перевод технической инструкции требуют разного подхода, разного уровня эквивалентности и разной квалификации переводчика. Выбор стратегии основывается на классификации видов перевода, и переводчик нередко специализируется на переводах определенного вида.

Прежде всего, выделяются два основных функциональных вида перевода: художественный (литературный) перевод и информативный (нелитературный) перевод. Художественный перевод – это перевод произведений художественной литературы. Основная задача переводчика в этом виде перевода – передать художественно-эстетические достоинства оригинала, создать полноценный художественный текст на языке перевода. Ради достижения этой главной цели переводчик более свободен в выборе средств, жертвуя отдельными деталями переводимого текста.

Информативным переводом называется перевод текстов, основная функция которых заключается в сообщении каких-то сведений, а не в художественно-эстетическом воздействии на читателя. К таким текстам относятся все материалы научного, делового, общественно-политического, бытового и тому подобного характера. Основная задача переводчика таких текстов – наиболее полная передача содержащейся в них информации, достижение максимально возможной эквивалентности. Деление на художественный и информативный перевод указывает лишь на основную функцию оригинала, которая должна быть воспроизведена в переводе, фактически же в оригинале, требующем, в целом, художественного перевода, могут быть отдельные части, выполняющие исключительно информационные

функции, и, напротив, в переводе информативного текста могут быть элементы художественного перевода. В каждом из этих основных видов перевода выделяются более мелкие подвиды со своими особенностями, влияющими на выбор переводческой стратегии (см. Лекцию 12).

Значительное влияние на ход и результат переводческого процесса оказывает и характер предполагаемого рецептора перевода. Межъязыковая коммуникация может быть эффективной лишь при условии, что перевод будет должным образом понят и воспринят теми, для кого он предназначен. Переводчик выбирает варианты перевода с учетом знаний и требований предполагаемых рецепторов. В основном, у переводчика имеется выбор между двумя возможностями. Перевод может быть предназначен для определенной группы людей или даже для конкретного рецептора, и переводчик ориентируется на их опыт, знания, возраст, социальный или профессиональный статус. Так, перевод может осуществляться для определенной группы технических специалистов, для детских читателей или для руководителя политической организации или коммерческой фирмы. При этом переводчик должен хорошо знать особенности будущих читателей его перевода. В других случаях перевод не имеет точного адресата, и переводчик ориентируется на так называемого «усредненного рецептора» – предполагаемого типичного представителя культуры языка перевода, который обладает знаниями и представлениями, общими для большинства членов языкового коллектива.

Эффективность межъязыковой коммуникации во многом зависит от языковой и коммуникативной компетенции переводчика, его умения правильно выбрать и последовательно осуществить переводческую стратегию с учетом многочисленных факторов, влияющих на этот сложный вид человеческой деятельности, и особенностей конкретного акта перевода.

ЛЕКЦИЯ 6

ПРОБЛЕМА ЕДИНИЦЫ ПЕРЕВОДА

1. Информация и её разновидности.
2. Понятие единицы перевода.
 - 2.1. Перевод на уровне фонем.
 - 2.2. Перевод на уровне морфем.
 - 2.3. Перевод на уровне слова.
 - 2.4. Перевод на уровне словосочетаний.
 - 2.5. Перевод на уровне предложений.
 - 2.6. Перевод на уровне текста.

1. Информация и её разновидности.

Употребление термина «информация» требует следующей оговорки. Информация понимается в данном случае максимально широко, как объединяющая в себе и план содержания, и план выражения, т.е. формальные средства донесения до реципиента определенного содержания, что важно отметить особенно в отношении художественного текста.

Информация, т. е. сведения о чем-либо, новые или знакомые, передаются различными способами. Информацией пользуются и в ней нуждаются все живые существа. Есть механизмы *автоматической* передачи информации (например, генетический код). Другой способ получения информации - *органы восприятия*. Огромное количество информации живые существа получают через органы восприятия. Это может быть информация из окружающего мира и изнутри живого организма. Холод, свет, предметы, биение своего сердца живой организм воспринимает прямо, через свои рецепторы. Наконец, третий способ передачи информации – *двуступенчатый*, включающий в себя первые два. При третьем способе информация кодируется, т. е. зашифровывается в условные знаки (как при автоматическом кодировании внутри организма), а затем этот код поступает на рецепторы восприятия, и они его расшифровывают. Этот третий способ кодирования информации встречается и у животных, и у человека, но человек создал самое большое разнообразие способов, и самый универсальный из них – языковой код.

Он позволяет закодировать и передать информацию без ограничения тематики и любого типа. Теория информации была сформулирована впервые в 1948 г. К. Э. Шенноном и Н. Винером и существует с тех пор как самостоятельное научное направление. Именно она послужила основой для создания мощнейших информационных систем (компьютер, Интернет).

Однако в применении к переводу нас интересует не внутренняя структура информации, а ее обобщенные типы, накладывающие свой отпечаток на особенности вербальных текстов, в первую очередь – текстов на живых языках.

Различают следующие условно разграничиваемые типы информации:

1. Познавательная (когнитивная) информация – объективные сведения об окружающем мире. Передавая ее, язык выполняет когнитивную, или референциальную (представительскую), функцию.

2. Оперативная информация – предписывает определенные действия или побуждает к ним; язык при этом выполняет апеллятивную (побудительную) функцию.

3. Эмоциональная (экспрессивная) информация содержит сообщение о человеческих эмоциях. Передавая эмоции, язык выполняет экспрессивную функцию.

4. Эстетическая информация – та информация, которая передает человеку чувство прекрасного. Потребность в этом виде информации настолько велика, что человек создал особый тип текстов, специализирующихся на передаче эстетической информации, – художественные тексты. Кодирова эстетическую информацию, язык выполняет эстетическую функцию. Однако нельзя не отметить, что чувство прекрасного – одна из эмоций, поэтому данный тип информации в строгом смысле представляет собой разновидность эмоциональной (экспрессивной) информации, реализующую особую функцию языка.

Универсальность языкового кода заключается еще и в том, что его знаки способны передавать одновременно все четыре типа информации. В высказывании «Горит заря!» одни и те же языковые знаки передают и когнитивную, и оперативную, и эмоциональную, и эстетическую информацию.

2. Понятие единицы перевода

Ранее было определено, что перевод – это процесс преобразования речевого произведения (текста), порожденного на одном языке, в текст на другом языке при сохранении плана содержания и замене плана выражения, т. е. единиц языка. Следовательно, уяснив себе суть процесса перевода и теорию эквивалентности, необходимо найти минимальные единицы, подлежащие переводу, то есть единицы перевода (*unit of translation*), или единицы переводческой эквивалентности, т. е. единицы ИЯ, имеющие эквивалент в тексте ПЯ.

Сам термин «единица перевода» был предложен Ж. Вине и Ж. Дарбельне. В дискуссиях о размерах этой единицы и ее характере ученые пришли к выводу, что размеры этой единицы не стабильны, они могут варьироваться в широких пределах, а сама единица является операционной. Однако многое в характеристике единицы перевода пока не ясно. Не объясненными, например, остаются случаи, когда разные переводчики при переводе одного и того же текста избирают единицы перевода разного объема. Вообще фактор «переводчик» в связи с понятием единицы перевода изучен еще недостаточно.

Существуют различные взгляды на выявление единиц перевода. В основе способа, ориентированного *на оригинал*, лежит сам процесс перевода. Единицей перевода тогда будет считаться минимальный отрезок текста, выступающий в качестве самостоятельного объекта процесса перевода. Такой способ релевантен для устного перевода и предусматривает линейное однонаправленное развертывание текста во времени (звучащая речь). Минимальной единицей перевода в этом случае чаще всего оказывается предложение. Короче единица перевода будет при синхронном переводе, когда переводчик порождает текст почти одновременно с его поступлением, и, как правило, она держится в пределах смысловой группы.

Если ориентироваться *на текст перевода*, то за единицу перевода принимается минимальный набор лексем или граммем ИЯ, который можно поставить в соответствие с грамматической категорией ПЯ. При таком подходе система лексических и

грамматических категорий ПЯ проецируется на язык оригинала. В тексте оригинала выявляются, таким образом, совокупность языковых единиц, и всякий раз их появление в тексте ИЯ сигнализирует о том, что необходимо использовать определенную лексическую или грамматическую категорию ПЯ.

Когда перевод ориентирован только на *план содержания оригинала*, то при таком принципе важен анализ состава содержания оригинала, зависимый от функции текста. Далее предлагается расчленить содержание на «элементарные смыслы», что представляется несколько сомнительным, так как отсутствует единая объективная языковая основа этого расчленения.

Четвертый способ вычленения единиц перевода, также *ориентированный на оригинал*, основывается на принципе семантического единства. С точки зрения практики перевода он наиболее актуален. Единицей перевода здесь считается минимальная языковая единица текста оригинала, воспринимаемая как единое целое с точки зрения семантики. Такой способ не связан с выявлением средств выражения, но имеет непосредственную связь с определением компонентов содержания и инварианта перевода. Имеется в виду такая единица исходного текста, для которой может быть найдено соответствие в тексте перевода, но составные части которой по отдельности не имеют соответствий в тексте перевода. Она может обладать сложной структурой, но части ее, взятые по отдельности, непереводимы. Единицей перевода такого типа может быть единица любого языкового уровня (фонема, морфема, лексема, словосочетание, предложение, текст)

Современные учёные-лингвисты предлагают называть единицу перевода *т р а н с л а т е м о й* по аналогии с другими единицами языка (как в фонологии – фонема, морфологии – морфема, лексикологии – лексема и т.д.). Транслатема – это то, что переводчик стремится обнаружить и с чем он работает в процессе своей переводческой деятельности. Транслатема отражает константу переводческого соответствия плана содержания, обладающего своим конкретным планом выражения на минимальном отрезке оригинала (в ИЯ), плану содержания, обладающему своим конкретным планом выражения на минимальном отрезке в ПЯ. т а к и м о б р а з о м, т р а н с л а т е м а

представляет собой целое, состоящее из двух (или даже более – например, при трехстороннем переводе) компонентов. Первым компонентом транслатемы является некое содержание, определенным образом выраженное средствами ИЯ; вторым – то же содержание, но выраженное уже средствами ПЯ.

Таким образом, транслатема является ключевым понятием в процессе перевода, а её длина может варьироваться от звука (фонемы) до целого текста.

2.1. Перевод на уровне фонем/графем.

Фонема, как известно, не является носителем самостоятельного значения, она играет в языке лишь смысловозначительную роль. Тем не менее, в переводе единицей перевода иногда оказывается именно фонема. Так, чтобы передать на русском языке имя собственное (Goethe), нужно каждой фонеме в составе немецкого слова подыскать близкую по звучанию и артикуляции фонему русского языка: [go:ts] [г'о:тэ]. Такой вид перевода носит название *переводческой транскрипции*.

В случае, если соответствие устанавливается на уровне графем (букв), т. е. передается не звуковой облик, а написание, налицо переводческая *транслитерация*: *Lincoln* - *Линкольн*, *Heine* - *Гейне*. Транслитерация была распространена вплоть до XIX в., когда любой иностранный текст, записанный знаками латинской графики, при прочтении побуквенно приравнивался к латыни – международному языку светского знания. Переведенные таким образом слова включались в культурную традицию и дошли до наших дней. В некоторых случаях транслитерация держалась недолго и сменялась транскрипцией. Это характерно, прежде всего, для перевода французских имен собственных на русский язык, поскольку французский язык к XIX в. окончательно утвердился в России как язык светского общения и его звучание было повсеместно известно. Так, перевод имени писателя *Diderot* «Дидерот» (транслитерация) к середине XIX в. сменился на «Дидро» (транскрипция).

Перевод на уровне фонем регулярно встречается:

- 1) При передаче личных имен и географических названий, хотя и тут есть ограничения, связанные с традицией.
- 2) При передаче экзотизмов:

Fachwerk – фахверк, куртка – *Kurtka*, *Abwehr* – Абвер.

3) При транскрипционном способе заимствования слов других языков, обозначающих новые понятия: *office* – офис, *speaker* – спикер, *teenager* – тинэйджер, *manager* – менеджер.

4) При стихотворном переводе, когда передается звукопись стиха.

2.2. Перевод на уровне морфем.

В некоторых случаях единицей перевода оказывается морфема. Типична, например, передача английских и немецких разложимых композитов по корневым морфемам: *moon/light* – лунный свет, *tea/spoon* – чайная ложка, *Nacht/dienst* – ночная стража, *Haus/aufgabe* – домашнее задание.

Реже соответствие образуется на уровне служебных морфем: *Tisch/e* – стол/ы. В этом случае первой единицей перевода является корневая морфема «*tisch-*», второй – служебная морфема «*e*» (суффикс множественного числа существительных). В целом же морфологическая структура семантически эквивалентных слов в разных языках обычно не совпадает, особенно в области словоизменения и словообразования.

2.3. Перевод на уровне слова.

Гораздо чаще в качестве единицы перевода выступает слово. Тип А. *Mein Freund lebt in Magadan.* Мой друг живет в Магадане.

He can swim. Он умеет плавать.

В этих примерах каждому слову в переводе находится пословное соответствие, тогда как поморфемные соответствия устанавливаются не везде (*Magadan* / Магадане).

Единицей перевода слово выступает и тогда, когда в ПЯ ему соответствует не одно, а несколько слов:

Тип Б. *Die Kinder rodeln.* – Дети катаются на санках.

Er rutscht. – Он катается с горки.

She comes back. – Она возвращается.

Как видно из примеров, соотношение 1-2 (или несколько) может встретиться в любой паре языков. В случаях типа Б можно говорить о разноуровневых соответствиях, в случаях типа А – об одноуровневых.

С переводом на уровне слова переводчик сталкивается при передаче простых, элементарных по структуре предложений. В большинстве сложных по содержанию текстов они не доминируют, и используются следующие два уровня единиц перевода.

2.4. Перевод на уровне словосочетания.

Словосочетание может представлять собой семантическое единство как на уровне языка (А – фразеологизмы, парные словосочетания, формулы контакта, устойчивые наименования организаций, аббревиатуры), так и на уровне речи (Б – реализация контекстуального значения слова).

А. (нем./рус.) *ein Gesetz brechen* – преступать закон,
mit Pauken und Trompeten – с музыкой,
eine lange Leitung haben – быть несообразительным,
Knall und Fall – внезапно,

CDU (Christlich-Demokratische Union) – ХДС (Христианско-демократический союз);

(англ./рус.) *to pull somebody's leg* – дурачить кого-либо,
once in a blue moon – очень редко,
a white elephant – дорогой, но бесполезный подарок.

Б. *Den haben sie tuchtig gemolken* (буквально: этого они усердно подоили), – *У этого парня они выманили все деньги.*

Контекстуальное значение «melken» реализуется в сочетании с обстоятельством «tuchtig» и одушевленным субъектом «Den». Как мы видим, и здесь возможны как одноуровневые, так и разноуровневые соответствия. В переводе любого текста наиболее частотно сочетание 3-го и 4-го типов:

– *Ich bin ein armer, ehrlicher Schneider, – sagte eine feine Stimme, – der um Einlaß bittet!*

– *Ja, ehrlich, – antwortete Petrus. – Wie der Dieb am Galgen. Du hast lange Finger gemacht und den Leuten das Tuch abgezwick* (Br. Grimm. Der Schneider im Himmel).

– *Это я, бедный, честный портняжка, – ответил тоненький голосок. – Впусти меня, пожалуйста.*

– *Как же, честный! – отвечал Святой Петр. – Виселица по тебе плачет! Ты ведь воровством занимался да у людей сукно подрезал.*

В примере выделены словосочетания подленника, представляющие собой семантически единые компоненты перевода.

2.5. Перевод на уровне предложений.

Семантическим единством на уровне предложения обладают пословицы:

(англ./рус.)

Rome wasn't built in a day. – Не сразу Москва строилась.

Never fry a fish till it is caught. – Не дели шкуру неубитого медведя.

(нем./рус.)

Es ist alles in Butter. – Все идет как по маслу.

Jedes Tierchen hat sein Plasierchen. – Каждому свое.

Единицей перевода является предложение и при переводе устойчивых клише и формул: надписей, сигнальных знаков, формул вежливости:

Gute Nacht! – Спокойной ночи!

Gluck auf! – Счастливо!

Rauchen verboten! – Здесь не курят! Не курить!

Commit no nuisance. – Останавливатьсь воспрещается.

Never drink unboiled water. – Не пейте сырой воды.

2.6. Перевод на уровне текста.

Текст в качестве единицы перевода обычно рассматривают на примере поэзии. Не только строгие по построению стихотворно-композиционные формы, такие, как сонет, но и лирические стихи свободной архитектоники переводятся исходя из семантического единства всего произведения. Этим объясняется возможность отсутствия пословных соответствий и кажущаяся «вольность» стихотворного перевода. Однако семантическим единством могут обладать и другие тексты, для которых характерна ярко выраженная функциональность, например тексты рекламы. Это не исключает того, что в таких текстах некоторые особенности

оригинала передаются с помощью единиц перевода меньшего объема.

К тому же между уровнем предложения и уровнем текста, выступающими в качестве единиц перевода, нет отчетливой границы: и запретительные надписи, и формулы контакта, и пословицы можно с определенных функциональных точек зрения рассматривать как целые тексты.

ЛЕКЦИЯ 7

КЛАССИФИКАЦИИ И ВИДЫ ПЕРЕВОДА

1. Классификации перевода.
2. Виды перевода.
3. Устный перевод.
 - 3.1. Устный последовательный перевод.
 - 3.2. Устный синхронный перевод.
4. Письменный перевод.
5. Адекватный, дословный, буквальный, вольный переводы.

1. Классификации перевода.

Много разных факторов лежат в основе научной классификации видов перевода. Переводчики работают в различных условиях. Жанры, тематика и, конечно, язык переводимых ими текстов весьма разнообразны. Переводы осуществляются в устной или письменной форме. Различны и требования, предъявляемые переводчикам, касательно точности или полноты перевода. Поэтому в современной теории перевода переводоведении существуют разные классификации и виды перевода согласно тем или иным критериям.

Лингвисты выделяют две основные классификации видов переводческой деятельности:

жанрово-стилистическая классификация (по характеру переводимых текстов);

психолингвистическая классификация (по характеру действий переводчика в процессе перевода).

Согласно первой, жанрово-стилистической классификации, существует:

1. перевод художественный;
2. перевод информативный (специальный).

Художественный перевод – перевод произведений художественной литературы. Главная цель такого вида перевода заключена в создании на переводящем языке произведения, способного оказывать художественное и эстетическое воздействие на читателя перевода.

Информативный (специальный) перевод – перевод текстов специализированной тематики, главной функцией которых является сообщение какой-либо информации, сведений. В зависимости от того, к какому именно функциональному стилю принадлежит текст, предназначенный для перевода, выделяются отдельные подвиды информативного перевода: общественно-политический перевод, научно-технический перевод, юридический перевод, перевод сайта и т.д.

Вторая, психолингвистическая классификация, учитывает характер действий переводчика в процессе перевода, а именно способ восприятия текста оригинала и способ создания текста перевода, подразделяя переводческую деятельность на:

1. устный перевод;
2. письменный перевод.

Устный перевод – это вид перевода, при котором оригинал и его перевод выступают в нефиксированной форме. Переводчик имеет возможность лишь *однократно* воспринять исходное речевое произведение или его отрезок и выполнить перевод без возможности его последующего анализа, переосмысления и исправления (см. п. 3).

Письменный перевод – это вид перевода, при котором и текст оригинала, и текст перевода выступают в виде фиксированных текстов. Переводчик в процессе осуществления своей деятельности имеет *неограниченную возможность обращаться* как к тексту оригинала, так и к тексту перевода.

2. Виды перевода.

Рассматривая дробное деление видов перевода согласно разным критериям можно различать следующие виды:

1. устно-устный перевод (перевод устного текста-оригинала, выполняемый устно);
2. письменно-письменный перевод (перевод письменного текста-оригинала, выполняемый в письменной форме);
3. устно-письменный перевод (перевод устного речевого произведения, выполняемый в письменной форме);
4. письменно-устный перевод (перевод письменного текста-оригинала, выполняемый устно).

Принимая во внимание критерий времени перевода, можно выделить также такие разновидности устного перевода как:

1. последовательный перевод;
2. синхронный перевод.

По критерию направления перевода можно выделить:

1. односторонний перевод;
2. двусторонний перевод.

Примерами одностороннего перевода служат устный и письменный перевод, выполняемый только в одном направлении, с одного языка на какой-либо другой язык. Пример двустороннего перевода – устный последовательный перевод беседы, выполняемый с одного языка на другой и обратно.

Критерий участия человека в переводческом процессе обуславливает деление видов перевода на:

1. машинный перевод;
2. традиционный перевод, т.е. перевод, выполняемый человеком.

Традиционный перевод может быть выполнен переводчиком, не являющимся одновременно автором текста-оригинала, может быть выполнен автором текста-оригинала (авторский перевод или автоперевод), может быть выполнен переводчиком и апробирован автором текста-оригинала (авторизованный перевод).

Следующее деление видов перевода происходит по критерию полноты, а также способа передачи смысла и содержания произведения-оригинала. Существует полный (сплошной) и неполный перевод. Первый без пропусков и сокращений передает смысловое содержание оригинала, второй допускает пропуски и сокращения.

Неполный перевод, в свою очередь, делится на сокращенный перевод (передача смыслового содержания оригинала в свернутом виде), фрагментарный перевод (перевод отрывка или отрывков текста-оригинала), аспектный перевод (перевод части текста в соответствие с каким-либо заданным признаком отбора), аннотационный перевод (главная тема, предмет и назначение переводимого текста) и реферативный перевод (перевод, в котором содержатся относительно подробные сведения

о реферируемом документе - его назначении, тематике, методах исследования, полученных результатах).

3. Устный перевод. Безусловно, говоря о переводческой деятельности, сразу возникает вопрос о том, как она выполняется – устно или письменно. В свою очередь, устный перевод также имеет свои подвиды – устный последовательный перевод и устный синхронный перевод. Рассмотрим их более подробно.

3.1. Устный последовательный перевод – устный перевод, выполняемый либо после произнесения всего речевого произведения-оригинала оратором, либо в паузах речи оратора. Обычно такие паузы оратор делает после произнесения одного или нескольких предложений. Это тот вид перевода, в котором человечество нуждается больше всего; по-видимому, такая ситуация сохранится и в будущем. Переводчик переводит на слух 1–2 фразы или несколько больший фрагмент устного текста, который произносит оратор (или участник беседы), причем сразу после того, как эти несколько фраз произнесены. Такой вид перевода часто называют абзацно-фразовым переводом.

Чаще всего переводчик находится непосредственно рядом с говорящим, поэтому может видеть его мимику и жестикуляцию, что помогает правильно понять смысл сказанного. Однако иногда переводчик находится вне поля зрения аудитории, в кабине или за сценой, и воспринимает речь через наушники; и в этом случае возможность наблюдать оратора хотя бы издали очень важна.

Задача устного переводчика, переводящего последовательно, заключается в том, чтобы запомнить смысл значительного фрагмента текста и затем воспроизвести его на другом языке, сохраняя не только познавательную информацию, но и по возможности стиль оратора, а также эмоциональную информацию, т. е. те эмоции, которые оратор вкладывает в свою речь. Следовательно, такому переводчику необходимо иметь развитую память, умение на ходу ориентироваться в стиле, обладать некоторыми актерскими данными. К обязательным требованиям в устном переводе относится его высокая скорость. В среднем эта скорость должна находиться у верхнего предела скорости восприятия устной речи. Если оратор говорит быстро, она должна

быть равна речи оратора, если он говорит медленно, переводчик обязан говорить при переводе значительно быстрее, чем оратор. Паузы между речью оратора и речью переводчика должны быть сведены до минимума.

Самый простой для переводчика вариант последовательного перевода – это перевод официального доклада, сообщения или речи. В этом случае, как правило, заранее можно получить текст всего доклада или хотя бы узнать его тему. Переводчик имеет возможность изучить текст доклада, познакомиться со специальной литературой по теме, составить «тезаурус» – списки слов по теме. Однако и в этом случае переводчик не застрахован от неожиданностей, потому что оратор может во время выступления сократить или расширить текст своего доклада, уклониться от темы или даже полностью изменить ее. Поэтому устному переводчику необходимо иметь навык психологической готовности к самому неожиданному повороту событий при переводе.

Наиболее непредсказуемый характер имеет содержание дискуссии, которую приходится переводить переводчику практически на любой конференции. Неважно, в официальной или в неформальной обстановке она протекает, главное, что, помимо общей заявленной проблемы, переводчику не известны ни содержание выступлений конкретных участников, ни суть возможных проблем, которые могут быть подняты в ходе дискуссии. Кроме того, во время переговоров могут вспыхивать конфликты. Поэтому переводчик должен быть досконально знаком с правилами профессиональной этики, четко знать, как ему себя вести, что делать и что переводить в конфликтной ситуации.

Устный последовательный перевод может быть *односторонним и двусторонним*. Односторонний перевод предполагает, что данный переводчик переводит только с иностранного языка на родной, а с родного языка на иностранный переводит другой переводчик (как правило, носитель языка перевода). В современной международной переводческой практике этот вариант считается приоритетным. Двусторонний перевод означает ситуацию, когда один и тот же переводчик переводит все выступления и с иностранного языка на родной, и с родного на иностранный. На российском рынке перевода преобладает спрос на

двусторонний перевод. Отметим, что качество перевода с родного языка на иностранный и качество перевода с иностранного языка на родной несколько различаются. При переводе с иностранного языка на родной итоговый (переведенный) текст получается более связным, единым, правильным, чем при переводе на иностранный язык. Зато не исключены ошибки и недопонимание на этапе восприятия исходного иностранного текста, поскольку при самом высоком уровне знания иностранного языка все-таки воспринимается он не так полно и надежно, как родной. Напротив, при переводе с родного языка на иностранный проблем при восприятии не возникает (они возможны только в случаях плохой слышимости, дефектов речи у оратора и тому подобных субъективных причин); но в переведенном тексте возможны разного рода ошибки: грамматические, стилистические, лексические. Многие переводчики, и опытные, и начинающие, отмечают, что на иностранный язык им переводить легче, чем на родной. Это противоречит бытующему в среде непрофессионалов представлению о сложностях перевода: обычно считается, что на родной язык переводить легче. Парадокс объясняется просто. Во-первых, полнота восприятия – важная основа для полноценного перевода, значит, при переводе с родного языка эта основа надежнее. Надежность восприятия служит и серьезным психологическим организующим фактором: хорошо понимая исходный текст, переводчик меньше волнуется и больше уверен в своих силах. Во-вторых, возможности выбора вариантов при переводе на иностранный язык уже, представления о системе иностранного языка несколько упрощены, переводчик просто-напросто знает меньше иностранных слов и оборотов, чем слов на родном языке. Выбор упрощается, на поиски варианта тратится меньше времени, перевод осуществляется быстрее. Но это не означает, что он качественнее.

Вспомогательным средством запоминания в устном последовательном переводе могут служить записи в блокноте, которые делает переводчик. Наиболее продуктивна для записи переводческая скоропись. В последнее время все большую популярность приобретает и все выше ценится умение переводить устно в последовательном режиме сразу большие фрагменты

устного выступления (длющиеся 10–15 минут) или даже целое выступление (до 40 минут). Переводчик прослушивает этот большой фрагмент или все выступление и с помощью переводческой скорописи (сокращенной записи) записывает основное содержание сообщения, а затем, соблюдая все описанные выше требования (высокая скорость речи, сохранение эмоциональной окраски и стиля оратора), воспроизводит выступление на языке перевода. В умения так называемого конференц-переводчика перевод такого рода теперь включается в обязательном порядке, а само понятие конференц-перевод, которое включало когда-то навыки абзацно-фразового перевода выступлений и умение переводить дискуссию в двустороннем режиме, базируется теперь на переводе цельного текста. Такому переводу обязательно обучают в ведущих высших школах перевода, например в Гейдельберге, а методика обучения устному переводу в некоторых из них целиком базируется на восприятии и воспроизведении целого текста. Наиболее яркий пример такого рода – Высшая школа перевода при Сорбонне. У такой разновидности устного последовательного перевода два очевидных преимущества: первое – он позволяет сделать максимально эквивалентный перевод, поскольку переводчик передает содержание, опираясь на знание всего текста, в то время как при абзацно-фразовом переводе переводчик, как правило, последующего контекста не знает; кроме того, переводчик не привязан к отдельным словам и выражениям и перевод, таким образом, избавлен от буквализмов; второе преимущество заключается в том, что переводчик не прерывает оратора и оратор может в полном объеме передать слушающим эмоциональную информацию: ведь вынужденные паузы разрушают, в первую очередь, эмоциональный фон выступления.

Важным профессиональным качеством устного переводчика является знание литературной нормы языка оригинала и языка перевода, поскольку тексты устных выступлений, как правило, держатся в рамках устного варианта литературной нормы языка. Редки случаи, когда в устной речи необходимо применение функциональных доминант какого-то другого стиля. Это, скажем, похоронная, траурная речь, где доминирует высокий стиль. Устная

литературная норма, в отличие от письменной, имеет некоторые черты устной разговорной речи. Из них наиболее частотны две: эмоциональный порядок слов и наличие фразеологизмов.

Текст устного последовательного перевода, как правило, нигде не фиксируется, поскольку он необходим только в момент устного контакта. Однако иногда его записывают на диктофон или, реже, стенографируют, скажем, в целях создания письменных текстов материалов конференции. Основой для создания письменных текстов или получения конкретной информации могут служить также сокращенные записи в блокноте переводчика.

3.2. Устный синхронный перевод. Синхронный перевод – устный перевод, выполняемый переводчиком одновременно с произнесением произведения-оригинала оратором. Т.е. при таком виде перевода происходит синхронное восприятие услышанного и порождение его перевода. Синхронный перевод может либо немного отставать от речи оратора, что носит название синфазности перевода (или фазового сдвига), либо немного опережать речь оратора, благодаря специальной технике вероятностного прогнозирования.

При синхронном переводе текст переводится почти одновременно с его произнесением (с небольшим отставанием). Поскольку он требует от переводчика навыка одновременно *слушать, понимать, переводить и говорить*, этот вид перевода общепризнанно считается самым сложным. Известный переводчик Г. Э. Мирам даже назвал его «психофизиологической аномалией в качестве профессии». Действительно, необходимость одновременно слушать и говорить требует от человека особой натренированности, поскольку из естественного языкового опыта не следует.

При синхронном переводе переводчик находится в изолированной кабине и оратора видит либо издали через специальное окно, либо на экране монитора, а слышит его речь через наушники. Поскольку перевод транслируется в зал также через наушники, которыми снабжено каждое кресло в конференц-зале, особенно важно сохранять чистоту эфира, не допускать посторонних шумов, разговоров, покашливаний, так называемого

эфирного «сора». Еще большее значение, чем при последовательном переводе, приобретает чистота речи переводчика, его дикция, артикуляционная правильность устной речи, отсутствие сорных слов и звуков типа «м-м-м», «э-э», «значит», «как бы». Также чистым, «поставленным», должен быть и тембр голоса. Неизбежная опасность при синхронном переводе - перенапряжение голоса, поскольку скорость речи, как правило, выше нормальной за счет отсутствия пауз. У каждого синхронного переводчика свой способ поддержания голоса: стакан воды (без газа!), специальные таблетки от кашля, кофе со сливками.

Важна также интонационная культура синхронного переводчика. Интонации его перевода должны быть ровными, не агрессивными, но уверенными, убедительными – это наиболее «комфортное» сочетание для слушателей.

Синхронные переводчики работают в парах, сменяясь каждые 10-20 минут. Переводчик, сменившись, продолжает следить за речью оратора и использует свободное время, наводя необходимые справки по словарям и материалам конференции, а если надо, то и помогает своему напарнику. Синхронный перевод осуществляется по очень коротким сегментам текста, которые и служат в данном случае минимальными единицами перевода, поэтому ведущим навыком при этом виде перевода, помогающим обеспечить его эквивалентность, является навык прогнозирования. Но и при развитом навыке прогнозирования, т. е. предвидения того, что скажет оратор, ошибки неизбежны. Ошибки переводчик старается исправить, вводя корректирующую информацию в свою последующую речь, и на это тратится некоторое время. Вместе с тем переводчику ни в коем случае нельзя отстать от оратора, иначе он потеряет нить смысла. Такой временной прессинг заставляет синхронного переводчика сжимать, компрессировать свою речь, выбирать наиболее короткие слова и наиболее компактные обороты речи, а также выпускать второстепенную, на его взгляд, информацию. Таким образом, при синхронном переводе, прежде всего, задействованы аналитические и речевые навыки и в меньшей степени память. Как и при последовательном переводе, переводчику необходимо иметь колоссальный объем лексики в активном запасе.

В среднем ораторский текст, который приходится переводить синхронисту, это произносимый в довольно быстром темпе (поскольку почти всегда на официальных мероприятиях существует регламент) целого текста и существенный недостаток: пока оратор не завершит свою речь, аудитория, которая не знает языка оратора, в ожидании перевода явно скучает.

Важным профессиональным качеством устного переводчика является знание литературной нормы языка оригинала и языка перевода, поскольку тексты устных выступлений, как правило, держатся в рамках устного варианта литературной нормы языка.

4. Письменный перевод.

Как говорилось ранее, письменный перевод – это вид перевода, при котором и текст оригинала, и текст перевода выступают в виде фиксированных текстов. Поэтому основным критерием для письменного перевода является именно текст, а именно – его жанрово стилистическая направленность и функциональный аспект, поскольку каждый вид текста, принадлежащий к тому или иному жанру, имеет свои особенности, а, следовательно, и особенности его перевода (см. Лекцию 12).

5. Адекватный, дословный, буквальный и вольный перевод.

В современной теории перевода выделяют также адекватный, дословный, буквальный и вольный перевод.

Адекватный (или «полноценный») **перевод** предполагает «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему». (А.В.Фёдоров «Основы общей теории перевода». М., 1968, с. 151). Под функциональным соответствием понимается использование таких языковых средств, которые могут и не совпадать формально с элементами подлинника, но выполняют в данном контексте такую же функцию. Другими словами, адекватный перевод - *это единственный вид перевода, воссоздающий единство содержания и формы средствами другого языка*. Но это будет уже новое единство, соответствующее нормам переводящего языка. Множество разговорных выражений английского и немецкого

языков требуют использования в переводе совершенно иной формы, т.е. других слов и словосочетаний, для правильной передачи смысла высказывания.

Подстановка словарных соответствий, т.е. буквальный перевод, разрушил бы единство содержания и формы в русском переводе. Например: *Help yourself* – ни в коем случае не переводится «*помогите себе*» или «*помогайте себе*». Как правило, это вежливое приглашение «*ешьте, пожалуйста*», «*берите сами, пожалуйста*», «*угощайтесь*». Именно такая форма соответствует содержанию высказывания. Другой пример: *Wet paint* – «*Осторожно, окрашено*».

Английская сводка погоды должна и в переводе оставаться метеорологической сводкой: «*Mist covered a calm sea in the Straits of Dover last night. Туман покрывал спокойное море в Па-де-Кале прошлой ночью*». Такой перевод скорее напоминает строку из стихотворения в прозе, чем метеорологическую сводку. По существу, это предложение содержит два сообщения, и по-русски логичней передать их отдельно. «*Прошлой ночью над Па-де-Кале стоял легкий туман. Море было спокойно*». Для русского языка, разумеется, более свойственно начинать сообщение не с подлежащего, а с второстепенных членов предложения. В данном случае – с обстоятельств времени и места.

Ещё один пример из той же области. *Freezing fog and black ice gripped the Home Counties last night*. Здесь мы уже поставлены перед полной невозможностью хотя бы для проверки понимания воспользоваться предварительным дословным переводом, так как он приводит к абсурду: *Ледящий туман и черный лед охватили... Home Counties* переводится в словаре как «*графства, окружающие Лондон*». Выяснив с помощью англо-английского толкового словаря, что *black ice* (словарь Мюллера этого сочетания не дает) – это гололед, и логически расчленив первое сочетание причастия *freezing* с существительным *fog*, мы постараемся придать переводу предложения форму сводки погоды: «*Прошлой ночью в центральных графствах стоял туман. Резкое понижение температуры вызвало гололед на дорогах*». Как видно, функциональное соответствие подлиннику достигается и путем

полного изменения конструкций, и путем замены и добавления слов.

Дословный перевод состоит в передаче структуры предложения без изменения конструкции и без существенного изменения порядка слов. С грамматической точки зрения такой перевод можно назвать «прямым». В тех случаях, когда русское предложение имеет структуру аналогичную немецкому или английскому языку и ее можно использовать без нарушения грамматических норм и логического хода мысли; дословный перевод допустим. Трудно возражать против дословной передачи таких предложений, как, например:

- *Poverty is not vice.* Бедность не порок.

- *The First World War had far-reaching economic, political, and social consequences in all the capitalist countries of the New World.* Первая мировая война имела далеко идущие экономические, политические и социальные последствия во всех капиталистических странах Нового света.

- *Heute ist das Wetter sehr schön.* Сегодня погода очень хорошая.

Чаще всего, дословным или приближающимся к дословному может оказаться перевод научно-технического или иного специального текста, изобилующего терминами и близкого по своей структуре синтаксису русского языка. Дословный перевод может быть вполне адекватным, но гораздо чаще он является лишь первой наметкой, еще далекой от адекватного соответствия подлиннику.

Буквальный перевод всегда приводит или к искажению мысли подлинника, или к нарушению норм русского языка. Буквальный перевод бывает основан или на внешнем сходстве иностранного слова с русским (этимологический буквализм), или на использовании при переводе основного или наиболее распространенного значения английского слова без учета значения всего высказывания в целом (буквализм семантический). Обе разновидности буквализма - болезнь начинающих переводчиков. Поддаваясь сходству некоторых английских, немецких и русских слов – графическому или фонетическому, такой переводчик дает их ошибочное раскрытие, например: *complexion* – комплекция вместо цвет лица, *compositor* – композитор вместо наборщик, *decade* –

декада вместо десятилетие, *lunatic* – лунатик вместо сумасшедший. *High school* - не высшая, а средняя школа, *Public house* - не публичный дом, а пивная. Характерным примером семантического буквализма является перевод возгласа *Hear! hear! Слушайте! Слушайте!*, с которым часто сталкиваемся в отчетах и рассказах о собраниях и заседаниях. Можно было бы привести десятки примеров буквального, вводящего в заблуждение перевода этого восклицания, причем даже в работах высококвалифицированных переводчиков. Между тем и Англо-русский словарь В. К. Мюллера, и Англо-русский фразеологический словарь А. В. Кунина (3-е, исправленное издание, М., «Советская энциклопедия», 1967) дают единственно правильный перевод этого фразеологизма, полученного путем удвоения слова: *Правильно, правильно!*, с объяснением: «Возглас, означающий согласие с выступающим». И этимологический и семантический буквализм одинаково недопустимы, так как и тот и другой или искажают смысл, или нарушают нормы русского языка.

Свободный или вольный перевод применяются в особых случаях, когда не требуется передача стиля подлинника (например, перевод старинных текстов с информационной целью) или когда перевод делается для информации узкого круга лиц. Вольным может быть и прозаический перевод стихотворных текстов. В вольном переводе можно сокращать подлинник, опуская второстепенные подробности и интерпретируя трудные для понимания места. Конечно, вольный перевод специальных текстов может быть квалифицированно выполнен лишь специалистом.

ЛЕКЦИЯ 8

КЛАССИФИКАЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРИЁМОВ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

1. Классификация «закономерных соответствий» Я.И. Рецкера.
2. Определение «Соответствий» в современном переводоведении.
 - 2.1. Однозначные эквиваленты.
 - 2.2. Вариантные соответствия.
3. Подстановки и трансформации.

1. Классификация «закономерных соответствий» Я.И. Рецкера.

Во второй половине XX в. появляются попытки создать классификацию переводческих приёмов, в связи с чем в теории перевода появилось множество трактовок одного и того же явления, что привело к терминологическому «плюрализму» молодого научного направления. Задача переводчика – найти соответствие единиц ИТ для ПТ. Таким образом, возникли разные классификации таких соответствий. Одной из первых можно считать классификацию «закономерных соответствий», предложенную в 1950 г. Я. И. Рецкером. В своей теории он различает 3 категории закономерных соответствий:

- 1) эквиваленты – однозначные соответствия;
- 2) аналоги – соответствия, полученные с помощью выбора одного из синонимов;
- 3) адекватные замены – соответствия, выбранные исходя из целого (художественного, идейного и т. п.).

В дальнейшем классификация Я.И. Рецкера неоднократно уточнялась им самим, а также послужила базой для последующих версий. В частности, в целом ряде работ аналоги получили название вариантных соответствий, а адекватные замены стали называть трансформациями.

Исходя из теории «закономерных соответствий» *эквивалент* – это слова или словосочетания, имеющие полное соответствие в другом языке. В свою очередь эквиваленты бывают полными

(покрывающими значение иноязычного слова полностью) и частичными (соответствие относится только к одному из значений); абсолютными (принадлежащими к тому же функциональному стилю и имеющие такую же экспрессивную функцию, что и слово ИЯ) и относительными (соответствующими по значению, но имеющие другую стилистическую и/или экспрессивную окраску).

Функциональный *аналог* (вариантные соответствия) - языковая единица исходного языка передается такой единицей ПЯ, которая вызывает сходную реакцию у зарубежного читателя.

Адекватные замены (трансформации) - способ перевода, использующийся в тех случаях, когда не существует никакой другой возможности передачи языковой единицы вследствие отсутствия эквивалентов и аналогов в ПЯ. Трансформации (описательный перевод) заключается в передаче значения иностранного слова при помощи более-менее распространенного объяснения. Сущность процесса трансформации заключается в «преобразовании внутренней формы слова или словосочетания или в полной ее замене для адекватной передачи содержания высказывания».

2. Определение «соответствий» в современном переводоведении.

В западном переводоведении термин «трансформация» встречается крайне редко; по большей части используется понятие «соответствие». Причём под соответствиями понимаются как однозначные эквиваленты, так и разного рода преобразования, которые переводчик совершает в процессе перевода.

В. Коллер, например, предлагает количественный параметр для разграничения соответствий: один – один (Eins-zu-eins-Entsprechung), один – много (Eins-zu-viele-Entsprechung), много – один (Viele-zu-eins-Entsprechung), один – ноль (Eins-zu-Nuli-Entsprechung) и один – часть (Eins-zu-Teil-Entsprechung).

Переводческая эквивалентность достигается на практике на основе вычленения единиц перевода. Далее переводчик производит межъязыковые преобразования. Он находит для единиц перевода соответствия в арсенале языковых средств ПЯ.

Соответствия между текстами оригинала и перевода могут классифицироваться сразу по нескольким признакам.

Во-первых, все они подразделяются на *языковые и речевые соответствия*. Языковые соответствия связаны с объективными закономерностями языка как системы. Речевые соответствия обусловлены функционированием этой системы в ее конкретной реализации - в речи.

Во-вторых, сама процедура нахождения соответствия может выглядеть по-разному, и здесь разграничиваются три варианта переводческих действий (или три различных приёма):

1) переводчик берет готовое соответствие, не имея выбора (однозначные эквивалентные соответствия);

2) переводчик производит выбор из нескольких вариантов (вариантные соответствия);

3) переводчик порождает собственное соответствие в рамках закономерностей языка (трансформации).

В-третьих, фрагмент ИТ и его соответствие – фрагмент ПТ – могут быть оформлены с помощью разных языковых средств, точнее, с помощью средств разных условно разграничиваемых языковых уровней. Если языковой уровень средств, использованных в ИТ и ПТ, не совпадает, имеет смысл говорить о разноуровневых соответствиях.

При учете названных параметров типичные случаи соответствий определяются и описываются следующим образом:

2.1. Однозначные эквиваленты.

К ним относятся все случаи, когда вне зависимости от контекста переводчик имеет в своем распоряжении лишь одно соответствие. В основном такие взаимно-однозначные соответствия, независимые от контекста, встречаются в области лексики; они и получили наименование эквивалентных соответствий или эквивалентов. Однако представление о том, что эквиваленты являются непременно лексическими, не вполне соответствует действительности; оно связано, видимо, с тем, что однозначные эквивалентные отношения при переводе устанавливаются в подавляющем большинстве случаев именно в области лексики.

Грамматические и стилистические однозначные эквиваленты встречаются крайне редко; для этих языковых средств в любом языке характерна вариативность, наличие некоторого ресурса избыточности. Этот ресурс избыточности в сфере грамматических явлений некоторые теоретики языка именуют грамматической синонимией. Тем не менее, однозначные грамматические эквиваленты все же изредка встречаются. Например, для многих пар языков, где есть падежи, оформление подлежащего с помощью именительного падежа не имеет грамматических вариантов – тогда при переводе можно говорить об однозначном эквиваленте.

К лексическим однозначным эквивалентам в любом языке относятся определенные группы лексики:

1) Термины: (англ./рус.) *setaceous* – щетинистый (термин биологии), *motivity* – двигательная сила (термин физики); (нем./рус.) *die Bronchitis* – бронхит (термин медицины), *die Brechung* – преломление (термин лингвистики); (фр./рус.) *moule* – матрица (полиграфический термин), *gaillet* – подмаренник (термин ботаники) и др.

Термины лишь изредка, в виде исключения, могут иметь дублиеты: числительное – (нем.) *das Zahlwort* или *die Numerale*.

2) Имена собственные: (англ./рус.) *Vienna* – Вена, *Lewis* – Льюис; (нем./рус.) *Париж* – Paris, *Heinrich* – Генрих; (фр./рус.) *Магос* – Марокко, *Pierre* – Пьер.

3) Наименование организаций, партий и т. п.: (англ./рус.) *UNO* – ООН, *International Labor Organisation* – Международная организация труда, МОТ; (нем./рус.) *BRD* – ФРГ, *Siemens* – Сименс; (фр./рус.) *FIFA* – ФИФА (Международная федерация футбольных ассоциаций).

Как видно из последнего примера, такие лексемы тоже могут иметь дублетные варианты; впрочем, они всегда равноправны. Эквивалентные соответствия обнаруживаются также среди некоторых других групп лексики (числительные, личные местоимения и др.).

2.2. Вариантные соответствия.

Название «*вариантные соответствия*» используется обычно для обозначения лексических соответствий, зависящих от

контекста. К ним относят все многозначные лексемы, конкретное значение которых реализуется в контексте: (англ.) *fine*: 1) *fine skin* – нежная кожа, 2) *fine edge* – острое лезвие, 3) *the fine arts* – изобразительные искусства.

Контекст в данном случае должен пониматься предельно широко: на выбор, который производит переводчик, оказывает влияние и микроконтекст (сочетаемость), и тип текста, и жанр произведения, и ситуативный контекст. При этом учет микроконтекста делает выбор однозначным; учет других видов контекста оставляет переводчику более широкий диапазон свободы выбора. Так, учет художественного контекста, включающего индивидуальный стиль автора, время написания, жанр, литературное направление, не препятствует множественности возможных соответствий; варианты соответствия обеспечивают принципиальную вариативность языковых средств в таком тексте.

Так, сочетание *wilder Wind* (нем.) может иметь целый ряд допустимых вариантных соответствий: «буйный ветер», «бушующий ветер», «сильный ветер», «раздольный ветер» и т. д. Таким образом, наличие диапазона вариантных соответствий, обладающих приблизительно равными функциями в тексте, объясняет (отчасти, конечно) причины множественности, вариативности языкового оформления одного и того же текста при переводе его разными переводчиками. Именно наличие арсенала вариантных соответствий оправдывает существование различных индивидуальных переводческих стилей, позволяет переводчику творчески реализовать свои индивидуальные пристрастия в словоупотреблении.

Может возникнуть впечатление, что множественность вариантов ПТ свойственна художественным, публицистическим и т. п. текстам и не должна быть свойственна научному или техническому тексту, где доминируют термины, переводимые, как мы знаем, с помощью однозначных эквивалентов. Но из практики перевода известно, что и эти тексты, вышедшие из-под пера разных переводчиков, будут различаться. Дело в том, что и в научном тексте существует ресурс лексики, которая передается с помощью вариантных соответствий, причем контекстуальный выбор их вариативен.

Речь идет о нейтральной лексике общенаучного описания, которая в каждом языке обладает большим количеством вариантов, равноправных с точки зрения контекстуального употребления. Проверить это можно на материале русского языка. Ряды синонимов: «существует», «имеется», «есть», «имеет место»; «исследовать», «изучать», «анализировать»; «реализовать», «осуществить» и т. п. создают базу равноправного синонимического варьирования, опираясь на которую переводчик создает свою версию текста, лишь формально отличную от версии другого переводчика, но тем не менее эквивалентную.

В области грамматических средств языка варианты соответствия также распространены достаточно широко. Контекст заставляет переводчика при переводе определительного придаточного с английского или немецкого языка в одном случае выбирать определительный причастный оборот, а в другом – придаточное, а при передаче формы синтетического прошедшего времени с русского языка на английский или немецкий – нужную форму из арсенала форм со значением прошедшего времени: претерит, перфект, исторический презенс и т. п. Такой выбор регулируется закономерностями преференции.

Исходя из вышеизложенного, можно говорить о том, что вариативные соответствия можно определять как трансформации, т.к. в данном случае речь идёт о тех или иных преобразованиях в процессе перевода.

3. Подстановки и трансформации.

Наиболее удачной классификацией переводческих приёмов, на наш взгляд, является классификация современных переводоведов (Л.К. Латышева, А.Л. Семёнова), которые считают, что переводческие приемы, которые вычленяются при сопоставлении ИТ и ПТ, легко и естественно распадаются на два класса: *подстановки и трансформации*. С подстановками переводчик имеет дело, когда отрезок текста переведен «слово в слово», а трансформации – это тот случай, когда перевод в более или менее существенно степени удаляется от оригинала.

ЛЕКЦИЯ 9

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

1. Толкование термина «Трансформации» в переводоведении.
2. Типы трансформаций по языковым уровням.

1. Толкование термина «Трансформации» в переводоведении.

Термин «*трансформация*» стал толковаться в переводоведении все более широко, что привело к его неоднозначному употреблению. В. Н. Комиссаров, с одной стороны, толкует трансформацию как преобразование отрезка оригинала в отрезок перевода по определенным правилам, т. е. как процесс. Однако тут же учёный называет трансформацию «приемом перевода», т. е. признает за ней статус операционной единицы этого процесса и подразделяет эти приемы на лексические (транскрипция, калькирование, лексико-семантические замены: конкретизация, генерализация и модуляция), грамматические (дословный перевод, членение предложений, объединение предложений и грамматические замены) и лексико-грамматические (антонимический перевод, описательный перевод и компенсация). Затем автор отграничивает от трансформаций «переводческие соответствия», определяя их как «единицы ПЯ, регулярно используемые там же для перевода данной единицы ИЯ», т. е. заранее известные, для применения которых в переводе не нужно использовать особых приемов. Однако тут же автор отмечает, что многие соответствия являются множественными и выбор надлежит делать опять-таки переводчику. Значит, переводчик все-таки применяет некий прием: он совершает выбор. При уточнении диапазона соответствий оказывается, что некоторые из них являются лексическими заменами и «создаются с помощью лексических трансформаций», а иногда и с помощью описательного перевода, который был отнесен к разряду лексико-грамматических трансформаций. Налицо очевидная классификационная путаница.

Т. Р. Левицкая и А. М. Фитерман делят все соответствия на эквиваленты и трансформации и понимают под эквивалентами не только лексические, но и грамматические соответствия. Трансформациями авторы называют соответствия, появляющиеся в переводе в тех случаях, когда эквивалент отсутствует; они разграничивают грамматические, лексические и стилистические трансформации. Но те же авторы рассматривают и сам «перевод как некую трансформацию», подчеркивая тем самым, что термин «трансформация» может обозначать не только разновидность соответствия, но и процесс его получения.

В современном переводе наиболее удачными являются такие толкования, как подстановка и трансформации. Подстановка – это способ перевода, основывающийся на максимальном семантико-структурном параллелизме заменяющих средств ПЯ и заменяющих средств ИЯ, в то время как трансформация – мотивированный отход от такого параллелизма. В эту группу помещаем все соответствия, которые переводчик «выстраивает» сам, не пользуясь готовым арсеналом средств. Таким образом, *под трансформациями понимаем межъязыковые преобразования, требующие перестройки на лексическом, грамматическом или текстовом уровне.*

2. Типы трансформаций по языковым уровням.

Каждый тип трансформаций может быть использован на различных языковых уровнях, поэтому выделяют также структурно-уровневые трансформации (морфологические, синтаксические, лексические) и содержательные.

2.1. Структурно-уровневые трансформации

Для структурно-уровневых трансформаций характерно изменение языкового статуса трансформируемых единиц, в результате чего замещающая единица ПЯ получает иной языковой статус, чем тот, который имеет замещаемая единица ИЯ. Что касается изменений транслируемого содержания, то они при осуществлении структурно-уровневых трансформаций не учитываются. Однако такие изменения в той или иной мере неизбежны, и это следует иметь в виду.

2.1.1. **Морфологические трансформации.** Наиболее «индифферентны» в содержательном плане, т. е. в наименьшей мере сказываются на чистоте трансляции исходного содержания, морфологические трансформации, которые заключаются в замене частей речи (исходная единица передается в переводе с помощью единицы, относящейся к другой части речи):

Ich hatte das Glück, an der Konferenz teilnehmen zu können. Я имел счастливую возможность принять участие в работе конференции

Es wurde die beiderseitige Überzeugung zum Ausdruck gebracht...
Обе стороны выразили уверенность...

Such befahl: "Soldat Buhl, Soldat Leinweber: Festnahme und Durchsuchung!" Зух приказал: «Рядовой Бюль и рядовой Ляйнвебер, взять и обыскать»...

Основной причиной, обусловившей первую трансформацию (Glück, können), является расхождение систем немецкого и русского языков; немецкая конструкция с модальным глаголом не имеет русского аналога. Вторая трансформация вызвана расхождением норм ИЯ и ПЯ: по-русски в принципе можно сказать «двустороннее убеждение», практически же так не говорят. Третья трансформация сделана ради соблюдения русского узуса. Русские военные команды обычно имеют глагольную (часто инфинитивную) форму.

Аналогичные явления характерны и для перевода с английского языка: *His advice went unheeded.* – Его совет проигнорировали.

Перевод *его совет ушел не принятым во внимание* невозможен по той причине, что для русского языка при описании объекта более характерны безличные конструкции. Поскольку в аналитическом английском языке чаще употребляются прямые дополнения, при переводе на русский (синтетический) язык очень часто возникает необходимость трансформации прямого дополнения, а косвенное:

He could not feed us, only lodge and drink us. – Он не мог нас кормить, только давал нам пристанище и снабжал выпивкой.

I'll drink your good health. – Я пью за Ваше здоровье.

Герундий, часто употребляющийся в качестве подлежащего в английском предложении, требует значительной категориально-морфологической трансформации при переводе:

Watching television is a waste of time. – Смотреть телевизор – это пустая трата времени.

Категориально-морфологические трансформации применяются в процессе перевода весьма широко (естественно, если в ИЯ и ПЯ существуют категории частей речи). Они весьма органичны и не влекут за собой сколько-нибудь заметных изменений исходного содержания. Они наименее затруднительны и для самого переводчика осуществляются легко и естественно, поскольку необходимые решения лежат на поверхности. Конкретные типы категориально-морфологических трансформаций крайне разнообразны: практически возможны все комбинации «заменяемых» и «заменяющих» частей речи.

2.1.2. Синтаксические трансформации. Синтаксические трансформации, как правило, тоже не связаны с существенными изменениями в транслируемом содержании. К ним относятся такого рода модифицирующие операции, в результате которых взаимозэквивалентные единицы ИЯ и ПЯ представляются разными членами предложения.

Fräulein Muller bekam rote Bäckchen und blitzende Augen... Щечки фройляйн Мюллер порозовели, глаза заблестели...

Im ganzen Haus ist Krach. – Все в доме перессорились.

В первом случае части сложного фразеологизированного сказуемого *rot* и *blitzend*, *Bäckchen* и *Augen* трансформировались соответственно в глагольные сказуемые *порозовели* и *заблестели* и в подлежащие *щечки* и *глаза*, а подлежащее *Fräulein Müller* в переводе заняло место несогласованного определения. Во втором примере значения слов, выполняющих в исходных фразах функцию определений, воспроизведены с помощью слов, выполняющих синтаксическую функцию подлежащего: *beiderseitig* - *обе стороны*, *ganz* - *все*. Здесь подлежащее трансформировалось в обстоятельство места, а дополнение - в подлежащее. Возможны и иные конкретные виды трансформаций членов предложений в переводе.

Причиной трансформаций явились: в первом случае - расхождение систем ИЯ и ПЯ, во втором - синтаксическая трансформация была проведена ради достижения максимальной узуальности.

Статистический анализ текстов на английском языке показывает, что в них чаще, чем в русских текстах, используются простые предложения. Поэтому в англо-русском переводе необходимость в синтаксических трансформациях возникает достаточно часто:

These birds must have a wonderful power of location. – У этих птиц, должно быть, есть замечательная способность определять местонахождение.

Her treatment of her husband earned her the label of the most hated woman in our town. То, как она вела себя с мужем, завоевало ей славу самой отвратительной женщины в нашем городе.

В первом случае подлежащим в ПТ стало прямое дополнение из оригинала. Во втором - появилось придаточное предложение с формальным подлежащим. Без этих синтаксических трансформаций можно было бы обойтись без ущерба для смысла, но в стилистическом плане русский текст пострадал бы значительно. Как видно из приведенных примеров, синтаксические трансформации часто сочетаются с категориально-морфологическими.

К синтаксическим трансформациям относятся также преобразования одного типа предложения в другой, например:

Sie dachte oft an diesen Mann, obwohl sie ihn nie gesehen hat. – Она часто думала об этом человеке, которого никогда не видела.

Wahrend Diederich noch erschuttert schwieg, klingelte es, und Herr von Barnim sagte... Barnim sagte... – Потрясенный Дидерих молчал. В эту минуту раздался звонок, и фон Барним объяснил...

В первом случае придаточное определительное трансформировалось в переводе в придаточное уступительное, во втором - придаточное временное в самостоятельное предложение.

Аналогичные процессы происходят и в англо-русском переводе:

If they are poor, they are at rate happy. – Пусть они бедны, но, по крайней мере, счастливы.

It takes time to get used to it. Чтобы к этому привыкнуть, нужно время.

2.1.3. Лексические трансформации. Ценность структурно-ярусной классификации переводческих трансформаций заключается в том, что она показывает переводчику пути поиска в ПЯ средств выражения, отличающихся в парадигматическом плане от средств выражения ИЯ. Еще одним типом структурно-уровневых переводческих трансформаций являются трансформации лексические. Их суть заключается в передаче исходного содержания неадекватными лексическими средствами ПЯ, которые как единицы лексической системы («словаря») ПЯ неэквивалентны использованным средствам ИЯ.

При этом масштабы и разнообразие лексических трансформаций далеко выходят за узкие (стандартные) рамки описанных выше лексически неадекватных, позиционно обусловленных подстановок:

...er war plötzlich still und sah ihn, über den gekrümmten und vors Gesicht gehaltenen Arm hinweg, voll scheuer Hingabe an. – ...он вдруг затих и, все еще закрываясь локтем, посмотрел на него с робкой преданностью.

Одно и то же положение руки относительно лица субъекта в переводе и в оригинале описано «разными» словами, если только это выражение применимо к разным языкам. Мотивом для данной трансформации явилось стремление избежать тяжеловесной и неестественной для русской речи конструкции, т.е. в конечном счете, стремление к максимальной узуальности.

Лексические преобразования в гораздо большей степени, чем все перечисленные виды трансформаций, могут затрагивать содержательный аспект перевода, вести к реально видимым изменениям транслируемого содержания:

Sie betete mit dem Kind „aus dem Herzen“, nicht nach Formeln, und bekam dabei gerotete Wangenknochen. – Она молилась вместе с ребенком «сердцем своим», а не по заученным формулам, и при этом щеки у нее разгорались.

Очевидно, что слова *Wangenknochen* и *щеки* означают не совсем одно и то же. Но переводчик, по-видимому, не без основания посчитал, что более точный вариант скулы будет

слишком уж чужеродным (неузуальным) в тексте романа на русском языке. Однако нельзя сказать, что данная переводческая трансформация ничего не меняет в содержании. Щеки горят, разгораются обычно от мороза, от здорового возбуждения (например, танцев), от выпитого вина, от стыда. В сцене, описываемой Г. Манном, речь идет о другом - о фанатическом возбуждении забитой, несколько истерической женщины во время молитвы. В этих случаях характер покраснения лица иной: щеки могут быть бледными, а на скулах появляются красные пятна, как это и описывает Г. Манн.

Та же ситуация просматривается и в английском примере:

Her treatment of her husband earned her the label of the most hated woman in our own. – То, как она вела себя с мужем, завоевало ей славу самой отвратительной женщины в нашем городе.

Понятия клеймо (label) и слава далеки друг от друга, но в данном случае трансформация вполне оправдана. Сочетаемость слова слава в русском языке значительно шире, чем слова reputation в английском языке. Этим и воспользовался переводчик.

В переводоведении принято различать 7 видов лексических трансформаций:

1) **Приём дифференциации (сужение значения).** Многие слова с широкой семантикой в английском и немецком не имеют полного соответствия в русском языке. Словари не могут дать полной семантики слова иностранного языка. Очень часто прием дифференциации используется для передачи слов, явлений и процессов, которые не передаются таким образом в другом языке.

The bolted racks - Полки, скрепленные болтами.

2) **Конкретизация значения** - замена широкого значения единицы ИЯ более конкретным в ПЯ;

Лексике русского языка свойственна большая конкретизация, чем соответствующим лексическим единицам английского или немецкого языка. Конкретизация всегда сопровождается дифференциацией и невозможна без нее.

Возьмем для примера английское слово *meal* - принятие пищи, еда. При переводе фразы *Have you had your meal?* переводчику приходится конкретизировать слово meal в зависимости от

времени: *Вы уже позавтракали? (пообедали, поужинали?)*
Конкретизации подвергаются такие слова, как: *to go, to get, to come, to say, bad, nice, good, fine, thing, side* (англ.) и др.

Наглядным примером недифференцированного употребления слов с широкой семантикой может служить существительное *student*, которое в английском языке используется в значении *студент, учащийся, ученый* (БАРС). Однако в переводе на русский язык часто необходима конкретизация значения.

Preparation for college in the United States involves a succession of choices. The student does not have to make a choice at an early age as to whether or not he will go to college.

Здесь *student*, конечно, не «студент», а учащийся средней школы. ...Контекст не дает возможности спутать ученого или студента со школьником.

Всякая лексическая трансформация требует от переводчика чувства меры и досконального знания переводимого текста и связанной с ним обстановки.

3. Генерализация значения (расширение значения) - замена частного общим, видового – родовым.

Прием генерализации значений противоположен приемам дифференциации и конкретизации. Он заключается в замене частного общим, видового понятия родовым.

Необходимость генерализации может быть вызвана стилистическими нормами, принятыми в русском языке и литературе. В художественных произведениях на русском языке не принято указывать точный рост и вес персонажей, поэтому при переводе используется генерализация: высокого, среднего или невысокого роста. Генерализации подвергаются такие слова как *arm u hand* - рука, *foot u leg* - нога и т. д. В книге «Теория перевода и переводческая практика» Я. И. Рецкер пишет: «Необходимость генерализации может быть вызвана и опасностью искажения смысла при переводе слова или словосочетания его словарным соответствием. Так, в течение целого ряда лет английский парламент обсуждал законопроект об отмене смертной казни. Английские газеты неизменно называли его **N0 Hanging Bill**. Но законопроект об отмене повешения скорее всего был бы понят как

замена одного способа казни другим, например, расстрелом. Единственно правильным в данном случае является генерализирующий перевод: Законопроект об отмене смертной казни».

Одно и то же слово может подвергаться дифференциации (сужению значения) и генерализации (расширению) значения.

Наряду с дифференциацией, конкретизацией и генерализацией при переводе используются и другие приемы, такие как прием целостного преобразования и компенсации, антонимического перевода.

4. Контекстуальный перевод - «замена словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним». В данном случае переводчик обращает внимание на соответствия, которые слово может иметь в контексте в отличие от его значений, приведенных в словаре. Содержание слова передается, таким образом, при помощи трансформированного соответствующим образом контекста, причем важную роль играет и передача коннотативного значения языковой единицы;

5. Антонимический перевод - его суть заключается в том, что некоторые единицы ИЯ в переводе замещаются единицами ПЯ с противоположным значением. Для того чтобы все высказывание в переводном варианте не получило противоположный смысл, в ПТ вводится еще одно отрицание, т. е. имеет место нечто вроде математического правила: «минус на минус дает плюс».

Every cloud has a silver lining. – Нет худа без добра.

Она читает мало. – *She does not read much.* (англ.)

Некоторые словарные соответствия могут быть антонимическими. Такие сочетания как to keep off, to keep out переводятся на русский язык антонимически – не приближаться, не допускать и т. д.

Антонимический перевод может быть единственной возможностью правильной передачи мысли, когда прямой перевод приводит к абсурду.

No sooner had he arrived than he fell ill. - Едва он успел приехать, как заболел.

We had no end of good time - Мы превосходно провели время.
No flies on him. - Его не проведешь.

Существенную помощь при антонимическом переводе может оказать словарь синонимов или английский толковый словарь, содержащий синонимы и синонимические словосочетания.

Антонимический перевод может быть в результате не только лексической, но и грамматической трансформации, если перевод рассматривается с точки зрения грамматики.

Der Kapitan spielte mit den weißen Fingern von Winnitou Schwester, die zart errotend ihm die Hand überließ. - Викарий играл белыми пальчиками сестры Виннету, которая зардевшись, не отнимала у него руки. (Франк Л. Шайка разбойников)

В этом случае антонимическая замена лексем (*überlassen* отнять) уравнивается введением отрицания *ne*, а обусловлена она отсутствием лексико-семантического аналога этого немецкого глагола, который можно было бы использовать в качестве удовлетворительного переводческого эквивалента в данном контексте (мотивировка - расхождение систем ИЯ и ПЯ, расхождение узусов).

It is not uncommon to find people here who know several languages. – Здесь нередко можно встретить людей, которые знают несколько иностранных языков.

He did not write us until last week. Он не писал нам до прошлой недели.

6. Целостное преобразование – преобразование «внутренней формы отрезка речевой цепи, причем преобразование не по элементам, целостное».

7. Компенсация. Сущность приема заключается в том, что, допустив некоторые потери при передаче определенного образа, переводчик восполняет их, создавая другой образ такой же стилистической направленности. К приему компенсации следует прибегать только тогда, когда другие способы передачи стилистических особенностей оригинала невозможны.

2.1.4. Элементарные типы трансформаций. В современном переводе существует ещё одна версия классификации трансформаций, она схожа в определённой степени с предыдущей, однако имеет более простую структуру. Выделяют 7 видов элементарных типов трансформаций: 1) перестановки; 2) замены; 3) добавления; 4) опущения; 5) антонимический перевод; 6) компенсация; 7) описательный перевод.

Разграничение элементарных типов условно, так как трансформации редко встречаются в чистом виде и представляют собой, как правило, комплексные преобразования (на всех уровнях языка).

1.1. Перестановка - это изменение в переводе расположения (порядка следования) языковых элементов, соответствующих языковым элементам подлинника. Перестановкам могут подвергаться слова, словосочетания, части сложного предложения, элементарные предложения внутри сложного, самостоятельные предложения в системе целого текста. Наиболее частотны перестановки членов предложения – изменение порядка слов.

Du weißt doch, dass ich heute zu Hause bleiben muss. - Ты ведь знаешь, что мне сегодня необходимо остаться дома.

I'll come late today. – Сегодня я приду поздно.

Перестановка в придаточном предложении связана с объективными различиями в закономерностях порядка слов в русском и немецком, русском и английском языках.

Probleme hast du! – Ну и проблемы у тебя!

Синтаксическая перестановка обусловлена разными способами выражения эмфазы через порядок слов в русском и немецком языках.

1.2. Замена. Это наиболее распространенный вид переводческих трансформаций.

1) Замены форм слова часто зависят от расхождений в грамматическом строе языков:

- ед. ч./мн. ч.: *die Schere* ножницы; *beans* – фасоль;

- падежные замены при различии в управлении: *Ich verabschiede mich von ihm* (дат. п.) – Я прощаюсь с ним (тв. п.)

Ich bediene mich der Brille (род. п.) - Я пользуюсь очками (тв. п.), Я использую (ношу) очки (вин. п.)

2) Замена Präsens Historicum в немецком языке на прошедшее время в русском языке. Такая замена связана с традициями вхождения Präsens Historicum как стилистического приема в русскую литературу. В немецких текстах он распространен шире, чем в русских, и переводчик в ряде случаев вправе сократить количество употреблений этой формы, иначе это может создать эффект неестественности, искусственности стиля.

2) Замены частей речи:

- Замена сложного существительного немецкого языка на сочетание прилагательное+существительное или существительное+существительное в русском переводе. Эти замены объективны и иногда представляют собой однозначные соответствия: *Herbststimmung* – осеннее настроение, *Sommerluft* – воздух лета.

Аналогичные замены можно наблюдать и при переводе с английского языка: *popular protest* - протест населения (прил. + сущ. – сущ. + сущ.), *Latin American peoples* - народ Латинской Америки (прил.+ прил.+ сущ.сущ.+ прил.+ сущ.).

- Замена отглагольного существительного со значением деятеля в немецком и английском языках на глагол в русском языке.

Er ist guter Redner / He is a good speaker. – Он хорошо говорит.

Er war ein freundlicher Nachbar, nichts sonst, ein Pfeifenraucher.
– Просто приветливый сосед, ничего больше, он еще трубку курил.

Во втором примере замена объективна, так как соответствие существительному «Pfeifenraucher» отсутствует в русском языке. В первом примере выбор перевода зависит от реализации существительного «Redner» в контексте.

- Прономинализация, или замена первичной номинации на вторичную (например, существительного на личное или указательное местоимение). Эта замена основывается на решении переводчика, который имеет основание применять прономинализацию только при переводе таких типов текста, где актуальна компрессия текста при переводе (устный последовательный и синхронный перевод официального текста) и в

содержании нет эстетического компонента (следовательно, прономинализация вряд ли возможна в художественном переводе).

3) Замены членов предложения необходимы тогда, когда происходит перестройка синтаксической структуры:

- Замена немецкого пассива на активный залог при переводе на русский язык влечет за собой смену субъектно-объектных отношений. Эта замена характерна для перевода разговорной речи, где пассивный залог в русском тексте не типичен:

Er wurde von meiner Schwester empfangen. – Его встретила моя сестра.

В следующем примере замена членов предложения (предикатив-субъект) также связана с традициями ситуативного словоупотребления:

Im Zimmer war es ausnehmend heiß. – В комнате стояла страшная жара.

Замены такого рода, разумеется, не являются обязательными и единственно возможными. В данном случае вариант: «В комнате было страшно жарко» тоже возможен; следовательно, трансформация-замена может иметь в качестве альтернативы комплекс вариантных соответствий.

4) Синтаксические замены в сложном предложении:

- Замена сложного предложения простым предложением.

Diese Literatur war es, die man romantische genannt hatte. – Именно эту литературу называли романтической.

Diesmal war es Leopold, der von einem Drachen träumte und deshalb schlecht schlief. – На этот раз именно не кто иной как Леопольд грезил о драконе.

В обоих примерах продемонстрирован типичный случай замены немецкого сложноподчиненного предложения с предикативным придаточным на простое. Функцию актуализации субъекта главного предложения берет на себя в русском переводе лексический компонент (именно, не кто иной как).

- Замена простого предложения на сложное. Хорошим примером может служить перевод на русский язык предложения, содержащего конструкцию *accusativus cum infinitivo*, которая в русском языке отсутствует и может передаваться либо с помощью

модального придаточного, либо с помощью объектного придаточного:

Ich sehe ihn vorbeigehen. – Я вижу, как (что) он идет.

Помимо двух видов сложноподчиненных предложений, данное предложение может быть передано с помощью сложносочиненного бессоюзного: *Я вижу: он идет.*

Подобные синтаксические замены практически всегда сопровождаются заменой форм слов и заменой частей речи.

- Замена сложносочиненного предложения на сложноподчиненное. Объективными могут считаться замены немецкого предложения с сочинительным союзом причинного значения «denn» на русское сложноподчиненное с союзом «поскольку»; замены сложноподчиненного немецкого предложения с двухчастным сочинительным союзом «zwar.. aber» на русское сложноподчиненное с «хотя».

- Замена союзной связи в сложноподчиненном русском предложении на бессоюзную в немецком также объективна, хотя и факультативна, поскольку в немецком союзное объектное придаточное со значением косвенной речи также возможно:

Он сказал, что видел меня. – *Er sagte, er hatte mich gesehen. Er sagte, dass er mich gesehen hatte.*

5) Лексические замены. Этот разряд замен описан многими авторами. Однако и определения, предлагаемые исследователями, и иллюстрирующий их фактический материал приводят к путанице, которая лишает понятие «лексические замены» определенных границ.

Так, Т. Р. Левицкая и А. М. Фитерман, комментируя все виды лексических замен в разделе «Лексические трансформации», в основном ведут речь о контекстуально обусловленных соответствиях, т. е. о вариантных соответствиях. Авторы не дают развернутого определения лексических трансформаций, но отмечают, что данные явления обусловлены различиями в смысловой структуре слова и различными нормами сочетаемости в двух языках. Но такими характеристиками обладает вся лексика языка, за исключением той, которая передается с помощью однозначных эквивалентных соответствий.

Лексические трансформации выделяет В. Н. Комиссаров. Отмечая, что «лексические трансформации описывают формальные и содержательные отношения между словами и словосочетаниями в оригинале и переводе», – а это можно сказать о любом виде соответствий – автор в качестве первого же примера приводит транскрипционные соответствия, которые, как мы наблюдали, представляют собой однозначные эквиваленты.

Среди случаев лексических замен наиболее часто встречаются, пожалуй, четыре: *частичное изменение семного состава исходной лексемы, перераспределение семного состава исходной лексемы, конкретизация и генерализация.*

- Частичное изменение семного состава исходной лексемы. Как уже отмечалось, применение такого рода лексической замены обусловлено контекстом, как широким, в том числе ситуативным, так и узким – сочетаемостью в рамках литературной нормы ПЯ.

- Перераспределение семного состава исходной лексемы. Такое перераспределение необходимо, если исходная лексема содержит в своем составе семы, которые невозможно передать одной лексемой ПЯ, а также в случае, если есть опасность нарушить правила сочетаемости:

In den Biographien steht, Brochs Haft in Aussee habe ihm einen tiefen Schock und nie mehr zu bannende Todesgedanken vermittelt... – В биографиях написано, что заключение в Аусзе было глубоким потрясением для Броча и породило в нем уже неотвратимую мысль о смерти...

В переводе семантика слова «vermitteln» передана с помощью двух глаголов: «было» и «породило». Причиной лексической замены является сочетаемость с двумя прямыми дополнениями, которые в переводе переданы вариантными соответствиями «потрясение» и «мысль о смерти»; для них не нашлось глагола нужной семантики, который бы сочетался и с тем, и с другим дополнением, да вдобавок обладал бы нужной семантикой.

- Конкретизация. Конкретизацией обычно называют замену слова или словосочетания ИЯ с более широким референциальным значением на слово или словосочетание ПЯ с более узким референциальным значением. Конкретизация может быть языковой и контекстуальной.

Er ist gekommen. – Он прибыл (приплыл, приехал, прилетел, пришел).

Контекстуальная конкретизация осознанно вводится переводчиком и зависит не только от меры постижения им оригинала, но и от индивидуальных пристрастий, формирующих индивидуальный стиль переводчика:

Die Dichtung ist es, die uns das Herz eines anderen Volkes erschliesst... – художественная литература - вот что открывает нам душу другого народа...

Лексическая замена слова «Dichtung» (поэзия, литературное творчество) на более конкретное понятие, обозначаемое словом «художественная литература», связана с опорой на контекст всего публицистического произведения, где обсуждается творчество крупнейших прозаиков.

- Генерализация. Это замена, обратная конкретизации, когда в переводе появляется слово с более широким референциальным значением, нежели слово ИЯ. Причины применения этого вида лексических замен в письменном тексте – те же, что и причины появления конкретизации. Однако генерализация имеет еще одну, очень обширную область применения – устный перевод, и здесь причины ее возникновения другие. Она помогает переводчику в обстановке дефицита времени быстро найти соответствие, особенно если он не знает конкретного термина или забыл его, но знает, что означает слово в общих чертах.

1.3. Добавления. Добавления представляют собой расширение текста подлинника, связанное с необходимостью полноты передачи его содержания, а также различиями в грамматическом строе. В первом случае, как правило, добавляются слова с собственным референциальным значением, и тогда мы можем говорить о лексических добавлениях; во втором - формальные грамматические компоненты (артикли, корреляты, вспомогательный глагол), и тогда речь идет о грамматических добавлениях.

- Языковые: Он дурак. – *Er ist ein Dummkopf.*
Грамматическое добавление связано с требованием обязательной двусоставности немецкого предложения и экспликацией категории

соотнесенности (неопределенный артикль «ein»), для выражения которой в русском языке нет специальных средств.

- Контекстуальные:

Der alternde Beethoven ringt sich empor aus den Leiden durch die befreiende Macht des schaffenden Denkens. – С помощью освободительной силы созидательной мысли стареющий Бетховен возвышается над *бездной* страданий.

1.4. *Опущения.* Опущения часто представляют собой операцию, обратную добавлениям, если речь идет об объективных расхождениях между языками. Контекстуальные опущения бывают связаны с видом перевода (в устном последовательном и синхронном переводе они связаны с компрессией текста и не затрагивают только инвариантные соответствия). В других случаях они охватывают избыточные компоненты традиционного словоупотребления:

Es ist wichtig, wie dieses Wort verwendet und benutzt wird. – Важно, как это слово употребляется.

Из двух глаголов «verwendet» и «benutzt» в переводе оставлен один, поскольку избыточное употребление двух близких по семантике глаголов – характерная черта многих типов немецкого письменного текста, не находящая аналогичной традиции в русском языке.

По мнению Й. Альбрехта, традиция эта восходит к средневековым переводам с латыни, когда переводчики рядом с калькированным словом или приблизительным соответствием ставили транскрибированное слово (напр., в «Kudrun», середина XIII в.: *decke und kuvertiure*). До сих пор наличие таких синонимических пар в древнем тексте считается у текстологов признаком того, что текст является переводом. А сам метод, который укоренился, прежде всего, в немецкой и французской переводческой традиции, превратился затем в стилистический прием письменной речи, выйдя за рамки переводных текстов, но не имея параллелей во многих европейских языках. Можно предположить, что в немецкой традиции стойкость этого приема связана с другой традицией – использованием парных словосочетаний (*klipp und klar, Hab und Gut*).

1.5. *Антонимический перевод*. Особый вид трансформации представляет собой антонимический перевод. Он применяется тогда, когда прямой путь невозможен или нежелателен. Это комплексная лексико-грамматическая замена, которая заключается в трансформации утвердительной конструкции в отрицательную конструкцию:

Er sagte nichts. – Он промолчал.

Sie sah nicht besonders glücklich aus. – Вид у нее был довольно несчастный.

Man kann da recht sicher sein. – В этом можно не сомневаться.

Die Sprache erzählt uns manches, wovon keine andere Geschichtsquelle zu berichten weiß. – Язык рассказывает нам некоторые вещи, о которых умалчивают другие исторические источники.

Как видим, антонимический перевод обычно сопровождается оформлением отрицания действия или качества лексическими средствами («промолчал», «несчастный», «умалчивают»), либо, наоборот, явление, качество, свойство или действие, из семантики которых следует их отрицание, заменяются в переводе на лексические соответствия с семантикой наличия данного качества, свойства и т. п., но сопровождаются формальными аналитическими компонентами отрицания (рус. «нет», «не»; нем. «kein», «nicht», «nichts»).

Этот тип трансформации является контекстуальным и зависит от выбора переводчика, причем выбор этот во многих случаях представляется равноправным. Такая равноправная свобода выбора особенно значима в устном переводе и является важным психологическим фактором уверенности переводчика в своих силах.

1.6. *Компенсация*. Компенсация также относится к разновидностям трансформации. Она касается функциональных доминант текста, занимающих в иерархии компонентов содержания верхние ступеньки: инвариантных и вариантно-вариабельных компонентов. Различается позиционная и разноуровневая (или качественная) компенсация. В качестве примера одноуровневой позиционной компенсации может служить

передача в переводе фразеологизмов. Помимо функции передачи когнитивной информации в тексте, они одновременно выполняют функцию передачи просторечно-разговорной окраски текста (в художественном тексте, бытовом устном тексте) или функцию фигуры стиля в официальной речи, являясь там разновидностью ораторского афоризма. Однако, как известно, не всякий фразеологизм находит в языке идиоматическое соответствие, в таком случае фразеологизм с другим образом вводится в текст в другом месте, поскольку важен сам факт наличия определенного числа фразеологизмов в данном тексте – для создания колорита просторечное.

Широко применяется компенсация при переводе народной сказки, где ряд инвариантных признаков системы ее стиля: сказовый порядок слов, устойчивые эпитеты, беспредикатные структуры, архаично-просторечная лексика должны с достаточной степенью частотности наполнять текст, но не привязаны к конкретным словам. Поэтому при невозможности передать в данном месте конкретное средство (например, беспредикатную структуру) предлагается разноуровневая компенсация, скажем, в виде сказового порядка слов:

«*Nicht lange - so klopfte jemand an*». - «Сидел он, сидел – вдруг слышит: стучит кто-то!»

Компенсация встречается в поэзии, она неизбежна, если текст написан на диалекте.

1.7. Описательный перевод. Эту многофункциональную трансформацию применяют в самых разных случаях: в устном переводе для передачи значения слова, для которого переводчик почему-либо не может подобрать соответствие (как мы помним, в той же функции выступает и генерализация); во всех видах перевода - для разъяснения значения экзотизма или другого слова, которое нуждается во внутреннем комментировании; при адаптации.

Описательный перевод представляет собой лексическую замену с генерализацией, сопровождаемую лексическими добавлениями и построенную по принципу определения понятия:

Das ist ein besonderer Fall in der Neuropathologie. - В науке о нервных болезнях это - особый случай.

2.2. Содержательные трансформации.

На переводческие трансформации можно посмотреть и под иным углом зрения. Можно задаться вопросами: что происходит с содержанием в процессе переводческих преобразований, как оно видоизменяется и перераспределяется в процессе перевода, какие используются приемы и чему они служат?

Из трансформаций, ведущим признаком которых является изменение содержания, в переводе наиболее часто используются ситуативно-семантические. Любая ситуация действительности складывается из ряда образующих, которые можно обозначить такими понятиями, как «действие», «процесс», «состояние», «свойство», «деятели», «объект», «адресат», «орудие», «место», «направление», «время» и т. д.

В лингвистической литературе эти образующие ситуаций действительности имеют разные (и не всегда удачные) наименования - актанты, партиципранты, семантические аргументы, глубинные падежи. Их число невозможно установить точно, ибо оно варьирует в зависимости от степени дробности при членении логико-семантического континуума. В речи состав и структура ситуации действительности могут передаваться либо прямо (изоморфно), либо косвенно.

Так, в предложении *«Петров разбил своим трактором дорогу»* ситуативный (т. е. подлинный) деятель выступает одновременно и в качестве «синтаксического деятеля» (т. е. подлежащего); происходящее действие обозначено посредством сказуемого в форме финитного глагола со значением действия; ситуативный объект действия представлен синтаксическим объектом (прямым дополнением); инструмент действия - синтаксической категорией инструменталиса (существительного в творительном падеже). Иначе говоря, состав и структура описываемой ситуации действительности в синтаксической структуре предложения отображены прямо (изоморфно). В предложении *«Трактор Петрова разбил дорогу»* ситуативный

инструмент на синтаксическом уровне превратился в деятеля (т. е. в подлежащее), а ситуативный субъект - в признак деятеля (несогласованное определение). В перестроенном предложении «Дорога разбита трактором Петрова» ситуативный объект выражен через синтаксический субъект (подлежащее). Следовательно, в двух последних предложениях рассматриваемые образующие ситуации действительности в синтаксисе речевых произведений выражены косвенно, т.е. не изоморфно. Аналогичные примеры служат подтверждением положения о весьма частом противопоставлении синтаксического аспекта речи отражаемому им реально-ситуативному аспекту действительности, т.е. синтаксическая структура и состав членов предложения далеко не всегда изоморфны структуре и составу отраженной в нем ситуации действительности.

Описывая ту или иную ситуацию, отправитель речи упоминает отнюдь не все ее образующие. Их полное перечисление не только не нужно, но и невозможно. Одну и ту же ситуацию можно описать, выбрав разные ее образующие. Сравните: *Он вдруг выхватил нож. В его руке вдруг появился нож. Все вдруг увидели в его руке нож. Вдруг в его руке сверкнул нож.* В первом случае ситуация описана через действие субъекта (выхватил); во втором она представлена как результат этого действия (в руке появился); в третьем отражает восприятие зрителей; в четвертом обозначена через упоминания оптического эффекта, сопровождающего действие. Синтаксическое перефразирование, синтаксические переводческие трансформации происходят на поверхностном уровне, не затрагивая выбор образующих описываемой ситуации, лишь изменяя синтаксический статус слов, е помощью которых она передана.

В процессе ситуативно-семантических трансформаций меняется уже сам выбор составляющих описываемой ситуации: ситуация, оставаясь той же самой, в речи отображается с помощью иных, чем в оригинале, признаков (образующих).

1. *Neben ihm auf der Bank hatte ganz deutlich eine Kröte gegessen, halb so groß wie er selbst!* – Он ясно видел, что рядом с ним, на скамье, сидела огромная жаба, чуть не в половину его роста.

2. *Kurzlich erzählte Frau v. Daan allerhand Lustiges von ihren verschiedenen Flirts.* – Недавно фрау фон Даан рассказывала веселые истории про своих ухажеров в молодости. (Дневник Анны Франк)

3. *Es ist wieder eine Menge passiert.* - У нас опять куча новостей.

Для каждого из представленных здесь случаев перевода характерна смена выбора образующих ситуации, использованных для ее описания:

1. Событие – восприятие события.
2. События – субъекты этих событий.
3. События – информация о них.

В переводе весьма часто применяется *перераспределение содержания*. Суть этой трансформации, которую А.Д. Швейцер именуется перегруппировкой семантических компонентов, заключается в том, что в переводе содержание получает как бы иную группировку, по-иному распределяются морфемы, лексемы, синтагмы.

Достаточно продуктивной группой переводческих приемов являются различного рода *экспликации содержания*. Этот прием состоит в нахождении при передаче содержания ИТ формы, более четко очерчивающей соответствующие обстоятельства:

Was Diederich stark machte, war der Beifall ringsum, die Menge, aus der heraus Arme ihm halfen, die überwaltigende Mehrheit drinnen und draussen. - Эту силу ему давали всеобщее одобрение, толпа, из которой протягивались руки ему на помощь, подавляющее большинство в школе и за ее стенами.

В данном примере экспликация малозаметная, но она существует. Мотивом для переводческой трансформации послужило стремление к узуальности русского текста, хотя прямой перевод теоретически возможен (большинство извне и внутри), но для русской речи он весьма непривычен и даже малопонятен.

Экспликация содержания при необходимости может приобретать более выраженный характер: «*Wissen Sie etwas über das Fahrzeug?*» «*Es war das Brotauto... «Wieso?»... «Wer kenn hier nicht den Lieferwagen mit der Aufschrift von der Grossbackerei!*» (Wurzberger K. Alarm am Morgen) – Можете ли вы что-нибудь сказать о машине? – Это был хлебный фургон. – Почему вы так

решили? – Да, кто же не знает машину с названием большой пекарни на кузове! (Вурцбергер К. «Тревога на рассвете»).

В следующем английском примере не описывается никакое действие (даже нет ни одной глагольной формы), вместе с тем явно выражено хорошее настроение действующих лиц, что создает благодаря использованию при переводе эксплицитного приема:

Good-bye, Miss Thornton, awfully jolly evening, eh what? До свидания, мисс Торнтон, было чертовски весело, правда?

В ряде случаев суть экспликации содержания заключается в том, что косвенное высказывание преобразуется в прямое, т. е. нечто сказанное намеком, говорится прямо. Этот вид экспликации уловно можно назвать выпрямлением содержания:

Gustav erzählte mir, dass er bald heiraten wolle. Es sei was Kleines unterwegs, da helfe alles nichts. (Remarque E. M. *Drei Kameraden*) Густав сказал, что скоро собирается жениться. Его невеста ожидает ребёнка, и тут, мол, уже ничего не поделаешь. (Ремарк Э. М. *Три товарища*).

Сопоставительное изучение оригиналов и переводов позволяет выделить более специфические случаи расхождений, а на их основе обозначить и охарактеризовать специальные переводческие приемы. Так, например, внимание лингвистов и переводоведов давно привлекают *конверсные преобразования*, которые иногда определяются как отражение того же самого отношения, но взятое в ином направлении. Когда исходное и переводное высказывания расходятся по аналогичному признаку, целесообразно говорить, что имела место конверсная переводческая трансформация:

Langsam, genussüchtig isst Sophie. Sie isst alles auf, was sie bekommt. (Fallada H. *Wolf unter Wolfen*) - Зофи обедает не спеша, со вкусом. Съедает все, что подали. (Фаллада Г. *Волк среди волков*).

Итак, из вышеизложенного следует, что процесс порождения перевода как «вторичного» текста – явление синтетическое, включающее в себя априорное знание о различиях языков, и вряд ли он содержит этап «проверки» текста на наличие эквивалентов. Скорее всего, попытка применения всех трех описанных приемов поиска соответствий происходит одновременно, и вероятность

успеха (что переводчик найдет раньше: нужный эквивалент или нужную трансформацию) прогнозировать очень трудно.

В переводоведении последних лет появилось понятие *межъязыковая интерференция*. Это понятие обозначает проецирование специфических черт ИТ на ПТ, результатом которого оказывается нарушение норм, конвенций и дискурса ПТ. Эти нарушения могут затрагивать лексический состав, грамматический строй, предметносодержательные, лингвотекстуальные и культурные аспекты текста. Следовательно, межъязыковая интерференция представляет собой препятствие для достижения эквивалентности.

Наиболее частотными при межъязыковой (переводческой) интерференции являются нарушения языковых норм как в тексте, так и при говорении. Так, на лексическом уровне давно замечена так называемая терминологическая интерференция, приводящая к возникновению *faux amis*, «ложных друзей переводчика». Она возникает на базе частичной межъязыковой омонимии, когда слово ИЯ звучит почти так же, как слово ПЯ, и переводчик, опираясь на свой языковой опыт, считает, что оба слова совпадают в своем значении (англ. *artist* – «художник» и рус. артист; лат. *Angina pectoris* – «стенокардия» и рус. ангина и мн. др.). В настоящее время прикладное переводоведение занимается составлением словарей «ложных друзей переводчика», призванных помочь переводчику преодолеть межъязыковую интерференцию.

Встречается и грамматическая интерференция. Сравнительный анализ переводов научных текстов и их оригиналов с немецкого языка на русский показывает, что в русском переводе часто появляется неестественный «немецкий» порядок слов (глагол всегда на 2-м месте); распространенное определение с большим числом распространителей, которое не свойственно русскому научному тексту, и т. п. Кроме этих качественных нарушений, в области грамматических явлений типичными являются количественные: слишком частое использование в переводе на русский язык пассивных конструкций (их пропорция в русском нормативном языке тем самым нарушается); злоупотребление *praesens historicum*, который в русских текстах используется реже.

В процессе перевода обнаруживается и культурная интерференция. Она связана с различиями в культурных конвенциях, т. е. в правилах ситуативного словоупотребления, которые приняты в разных культурных сообществах. Так, в немецком, французском, испанском, русском языках существенно различаются культурные конвенции, связанные с обозначением отрезков времени, с формулами вежливости, с употреблением междометий.

Интерференция при переводе является неизбежным явлением, и вместе с тем механизм перевода вполне способен ее преодолеть. Само наличие интерференции зависит от профессиональной компетентности переводчика, и переводчик может уменьшить ее с помощью специальных поправок, осознавая меру расхождений между теми двумя языками, с которыми он работает. Иначе межъязыковая интерференция приводит к блокированию передаваемой текстом информации, которая не будет воспринята реципиентом.

ЛЕКЦИЯ 10

ЗНАЧИМОСТЬ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ И ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ПЕРЕВОДЧИКА

1. Понятие «фоновые знания», «фоновая информация», «имплицитная информация».
2. Лексика, содержащая фоновую информацию.
3. Экзотизмы и окказиональные заимствования.
4. Неологизмы и окказиональные слова в оригинале и в переводе.

1. Понятие «фоновые знания», «фоновая информация», «имплицитная информация».

Фоновые знания (далее – ФЗ) определяются как общая информация, которая обеспечивает взаимопонимание участников коммуникативного акта при общении. Синонимом для термина «фоновые знания» может быть слово «тезаурус».

Выделяются три основных вида ФЗ в зависимости от степени их распространенности: *общечеловеческие*, *страноведческие* (региональные), *социально-групповые* (свойственные определенным социальным общностям людей – врачам, педагогам, водителям и т. п.).

Общечеловеческие ФЗ означают знания, добытые и освоенные человеком в процессе его исторического развития. Это величайшая сокровищница мировой культуры.

Основное внимание, однако, в переводе уделяется анализу *страноведческих фоновых знаний*, т.е. сведениям, которыми располагают все члены определенной этнической или языковой общности. Эти знания являются частью национальной культуры, результат исторического развития данной этнической или государственной общности в равной мере. Они образуют часть того, что социологи называют массовой культурой, т. е. они представляют собой сведения, безусловно, известные всем членам национальной общности. ФЗ как элемент массовой культуры, подчиняясь ее общей закономерности, разделяются на актуальные фоновые знания и фоновые знания культурного наследия.

Среди страноведческих ФЗ выделяется также та их часть, которая обладает свойством всеобщей (для данной этнической группы или национальности) распространенности и называется *взвешенными* ФЗ. Именно взвешенные страноведческие ФЗ имеют особое значение в процессе преподавания иностранных языков, так как являются источником отбора и необходимой минимизации страноведческого материала для целей обучения. Страноведческие ФЗ исключительно важны для массовой коммуникации: писатель или журналист, пишущий для некоторой усредненной аудитории, интуитивно учитывает взвешенные страноведческие фоновые знания и апеллирует к ним.

Региональные ФЗ определяются исторически сложившимся объемом знаний, характерным для данной геосоциальной зоны или для данной нации.

Когда мы говорим о фоновых знаниях, безусловно, следует вспомнить, что такое культура. Культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, накопленных и накапливаемых определенной общностью людей. Ценности одной национальной общности, которые отсутствуют у другой или существенно отличаются от них, составляют национальный социокультурный фонд, так или иначе находящий свое отражение в языке. Именно эту часть культуры и эту часть языка следует изучать и в переводе в целях более полного и глубокого понимания оригинала и воспроизведения сведений об этих ценностях в переводе с помощью языка другой национальной культуры.

Социокультурные сведения, которые характерны лишь для определенной нации или национальности и отраженные в языке данной национальной общности, называются *фоновой информацией* (далее – ФИ). Это только те знания (сведения), которые отражены в национальном языке, в его словах и сочетаниях. Содержание ФИ охватывает специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия, всё то, что в теории перевода обычно именуют реалиями. Под реалиями понимаются не только сами

факты, явления и предметы, но также их названия, слова и словосочетания. И это не случайно, потому что знания фиксируются в понятиях, у которых вербальная (словесная) форма существования.

Большинство понятий являются общечеловеческими, хотя и воплощенными в различную вербальную форму. Однако те понятия, которые отражают реалии, носят национальный характер и материализуются в так называемой безэквивалентной лексике, т.е. в словах, служащих для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующим в культуре Б, а также слова, не имеющие перевода на другой язык одним словом, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат.

Кроме обычных реалий фоновую информацию содержат в себе ассоциативные реалии, связанные с самыми различными национальными историко-культурными явлениями и закрепившиеся в самых обычных словах (значение цвета, природного явления и т.д. для человека). Именно эта группа слов, несмотря на видимую легкость перевода, создаёт чрезвычайные трудности для переводчика при передаче их содержания.

Понятие фоновой информации тесно связано с более широким понятием *имплицитной* или *подразумеваемой* информацией. Сюда относится т.н. подтекст, т.е. имплицитный, скрытый смысл, который сосуществует с явно выраженным, эксплицитным смыслом в одном и том же высказывании и который должен быть понят рецептором. Подтекст раскрывается с помощью содержащихся в тексте материальных языковых индикаторов. Они могут относиться к разным языковым уровням: а) слов и словосочетаний, когда по этим указателям рецептор догадывается о скрытом содержании; б) предложения или части текста, когда выраженное сообщение вызывает у читателя или слушателя восприятие имплицитной информации; в) произведения в целом, когда весь текст ассоциируется со вторичным имплицитным смыслом или текстом. Подтекстовое содержание может соотноситься со сферой языка, литературы, фольклора, мифологии,

с самой действительностью, социальной средой, с бытовыми фактами и т. п.

Поскольку ФИ – это явление историческое, она существует и актуализируется в реальном времени, но может устаревать и становиться достоянием прошлого либо, не успев закрепиться, забывается носителями языка, стирается из их памяти. Поэтому ФИ можно разделить на долговременную и кратковременную информацию. Первая составляет основу национальной духовной культуры и передается из поколения в поколение (в книгах, словарях и т.п.). Кратковременная ФИ быстро входит в употребление, но так же быстро забывается и именно поэтому не находит отражения в словарях. Речь идет о модных словечках, выражениях, присказках, названиях популярных кафе, ресторанов, именах и прозвищах кумиров и т. п. Именно кратковременная ФИ – один из источников переводческих трудностей.

2. Лексика, содержащая фоновую информацию.

Запас лексических единиц, передающих ФИ подразделяется на ряд тематических групп:

1) бытовые реалии:

- жилище, имущество (*ранчо, фазенда*);
- одежда, уборы (*пончо, сомбреро*);
- пища, напитки (*тортилья, текила*);
- виды труда и занятия (*родео* (сгон скота), *дома* (объездка дикой лошади));
- денежные знаки, единицы меры (*песо*);
- музыкальные инструменты, народные танцы и песни, исполнители (*маракас, марака*);
- народные праздники, игры (*родео* (праздник скотоводов, на котором состязаются в бросании лассо, укрощение диких лошадей);
- обращения: *ниньо* (молодой хозяин, господин), *нинья* (госпожа, хозяйка), *тайта, таита* (отец, папаша – кечуа);

2) этнографические и мифологические реалии:

- этнические и социальные общности и их представители: *инки, аймара, кечуа, гуарани, майа, ацтеки* или *астеки* и др.;

- божества, сказочные существа, легендарные места: *уака* (божества, духи предков у индейцев Андского нагорья), *пачакамак* (высшее существо у инков);

3) реалии мира природы:

- животные: *лама, гуанако* (разновидность ламы);
- растения: *кебрачо, омбу, сейба, хукаро, манго*;
- ландшафт, пейзаж: *саванна* (венесуэльские и колумбийские степи);

4) реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (актуальные и исторические):

- административные единицы и государственные институты: *территория* (Аргентина, Венесуэла и др.);
- общественные организации, партии и т.п., их функционеры и участники: *гремие* (профсоюзы – Аргентина, Уругвай и др.);
- промышленные и аграрные предприятия, торговые заведения: *инхенио* (сахарный завод с плантацией);
- основные воинские и полицейские подразделения и чины: *карабинер* (полицейский – Чили)
- гражданские должности и профессии, титулы и звания: *мачетеро* (рубщик сахарного тростника).

5) ономастические реалии:

- антропонимы (общие имена и фамилии и индивидуальные имена и фамилии);
- топонимы (реальные географические объекты), некоторые из которых заключают в себе кроме указания на геообъект дополнительную смысловую информацию (*Китайский квартал* - средоточие притонов и публичных домов в Барселоне);
- имена литературных героев. В художественных текстах постоянно встречаются упоминания о персонажах других произведений литературы. В переводах сообщаемые такими именами сведения обычно комментируются (*Дон Кихот, Санчо Панса*);
- названия компаний, музеев, театров, дворцов, ресторанов, магазинов, пляжей, аэропортов и т. п. Все эти имена содержат определенные страноведческие сведения, которые переводчику важно знать для правильного понимания и воссоздания текста.

В литературных произведениях и других текстах встречается немало реальных и вымышленных имен собственных. В литературном переводе имена собственные не только выполняют

функции наименования, названия существа или объекта, но и являются теми немногими словами, сама форма которых указывает на национальную принадлежность наименованного предмета мысли. Таким образом, собственные имена способствуют сохранению в переводе национального колорита оригинала.

б. Ассоциативные реалии

- вегетативные символы (*кипарис* как символ траура, скорби, горя; как символ бессмертия и т. п.).
- анималистические символы: *кабуре* – хищная птица, перья которой, согласно поверью, обладают магической силой;
- цветовая символика: *зеленый* – 1. Цвет надежды, символ лучшего будущего (Панама, Чили), 2. Символ плодородия, удачи, чувственности, сексуальности (Испания); *желтый* – цвет траура (Испания, средние века); *темно-лиловый, фиолетовый* – цвета траура (Испания, Чили и др.); *белый* – символ партии бланко в Уругвае; *красный* – символ партии Колорадо в Уругвае и т. д.
- Фольклорные, исторические и литературно-книжные аллюзии. В них содержатся намеки на образ жизни, поведение, черты характера, деяния и т. п. исторических, фольклорных и литературных героев, на исторические события, на мифы, предания, литературные произведения и т. п.
- Языковые аллюзии. Они содержат намек на какой-либо фразеологизм, поговорку, крылатую фразу или ходячее выражение.

3. Неологизмы, экзотизмы, окказиональные заимствования в оригинале и переводе.

Современные лингвисты, регистрируя в речи появление новых слов, обычно выделяют среди них два типа: общеязыковые неологизмы и индивидуальные, речевые неологизмы, или, как их чаще называют, окказиональные слова, окказионализмы. Как известно, обычные *неологизмы* – это закрепляющиеся в языке новые слова или значения, которые называют новые предметы мысли. В век научно-технической революции и ускоренного духовного прогресса таких слов появляется множество, и образуются они по различным продуктивным моделям языка. Именуют их и по-другому: стилистические (индивидуально-стилистические)

неологизмы, литературные неологизмы, индивидуальные слова, одноразовые неологизмы, неологизмы контекста, слова-самоделки, эгологизмы и т. п.

Неологизмы относятся к фактам языка, т.к. они вызваны к жизни не столько экспрессивно-эмоциональными надобностями индивидуума, сколько коммуникативной потребностью общества, словесно детерминирующего новые предметы, явления, факты, понятия и т. п.

В сфере перевода при воссоздании неологизмов обычно не возникает особых проблем. Они переводятся по общим правилам: либо с помощью эквивалентного неологизма, имеющегося в языке перевода (сходные процессы научно-технического роста, присущие развитым странам, и быстрое распространение научных, технических, бытовых и культурных новшеств приводят к почти одновременному возникновению многих равнозначных неологизмов в различных языках), либо транскрибируются или переводятся описательно.

Специальной переводческой проблемы, связанной с общеязыковыми неологизмами, видимо, не существует, но в диахронном плане она, безусловно, есть и в литературоведении, и в теории перевода. Восприятие, например, художественной литературы – категория историческая. У оригинала текст канонический, а восприятие его меняется от поколения к поколению. Многие из слов, которые для читателя конца XIX в. были неологизмами, стали для нашего современника обычными словами. А некоторые обычные слова того века превратились в архаизмы.

Экзотизмы (греч. *exotikos* чуждый, иноземный) – это заимствованные слова, обозначающие реалию другой страны или иного культурного сообщества, например, наименования денежных знаков, жилищ, кушаний и т. п. – ранчо, мачете, анаконда, родео, песо, сентаво, ацтеки, майя, креол, лама, гаучо, пампа, сельва и др. Названные понятия и вещи не связаны с нашей действительностью. Эти книжные слова необходимы для понимания иноязычной культуры и истории. Они сравнительно часто употребляются в различных переводных латиноамериканских текстах и в оригинальных трудах, посвященных Латинской Америке.

Интересным является замечание по поводу «фоновой лексики», сделанное А. А. Реформатским: «... особенно важно сохранение таких слов при переводах с чужих языков, где вовсе не все надо переводить, а иной раз необходимо сохранять названия, данные в чужом языке, лишь транскрибируя их. Многие такие «транскрипции» получают права гражданства и входят уже в запасной (для специальных нужд) словарный состав. Таковы обычно личные собственные имена (ономастика), названия монет, должностей, деталей костюма, кушаний, напитков, обращения и т. д., что при переводе всего остального текста сохраняет и местный колорит...».

Любой язык нуждается в некотором количестве заимствований, называющих реалии иноязычной культуры. В русском языке есть небольшие пласты широкоизвестных слов, передающих национальный колорит конкретной страны или региона. Наряду с номинативными и художественными функциями часть таких слов используется для создания и сохранения стереотипных представлений о сущности того или иного народа, которые чаще всего не имеют ничего общего с подлинной характеристикой его национальных особенностей.

Окказионализмы (от лат. *occasionalis* – случайный) – это индивидуально-авторский неологизм, созданный поэтом или писателем согласно существующим в языке непродуктивным словообразовательным моделям и использующийся исключительно в условиях данного контекста, как лексическое средство художественной выразительности – *бимбалете, бомбачи, чирипа, чурро, грапа, тиско, алмуд, рондадор, маламбо, боличе, гуанако, тиньоса, омбу* и т. д. Переводчик транскрибирует эти иностранные слова на русский язык, поскольку в родной речи прямых соответствий нет. Транскрибированные слова обнаруживают в переводном тексте информацию, которая была в них имманентной, скрытой в обычном для них контексте и стала явной и значимой на иноязычном фоне.

Окказиональные заимствования воспринимаются как иностранные слова и благодаря этому выполняют не только номинативную функцию, называя реалии, но и художественную, помогая воссоздавать национальный колорит подлинника. Этой

функции в оригинале у них обычно не бывает. Правда, в приведенных примерах есть индейские слова, вроде *тайта*, *уака*, *хирки* и др., которые не вошли в испанский язык Латинской Америки, и в испаноязычной прозе им присущи функции окказиональных заимствований. Таким образом, латиноамериканский автор, используя в испанском тексте индейские слова, уподобляется переводчику, транскрибирующему испанское слово-реалию. А русский переводчик, работающий с испаноязычным текстом, в котором встречаются описания индейцев и их быта, порою воссоздает два национальных лексических пласта, в которых отражены элементы культуры аборигенов и элементы сложных эклектичных культур латиноамериканских наций, сформировавшихся после открытия Америки.

Ассоциативные реалии только начинают изучаться с научной точки зрения. Различия между «национальным фоном», присущим вербальной форме, т. е. лексической единице, и выраженным этой же единицей интернациональным понятием являются источником разнообразных фоновых несовпадений у понятийно-равнозначных слов разных языков. Воспроизведение в переводе ассоциативных реалий – занятие сложное и сугубо творческое. Теснейшая связь ассоциативных реалий с духовной культурой народа и его языком часто заставляет переводчиков прибегать к подстрочным комментариям или, в лучшем случае, к описательному переводу и различным пояснениям, вводимым в переводной текст.

Предлагаемая и, видимо, неполная классификация лексических единиц, содержащих фоновую информацию, неопровержимо свидетельствует, сколь глубоко уходят в народный язык сколь широко разветвляются в нем корни национальной культуры. Язык, будучи сам своеобразнейшей частью национальной культуры, отражает в себе почти все ее элементы, сохраняет в письменных текстах свидетельства о самых разнообразных культурных ценностях и, кроме того, является единственным и неповторимым материалом, из которого создаются шедевры национальной и мировой литературы.

Сохранить национальное своеобразие подлинника в переводе – задача особой трудности. Она выполняется не только и, может

быть, не столько за счет различных приемов передачи фоновой информации средствами переводящего языка, сколько творческим воссозданием всего идейно-художественного содержания произведения, передачей мироощущения автора. Его стиля и манеры письма средствами родного языка, который тоже детище и творец национальной культуры. Воспринимая оригинал как целостную художественную систему, переводчик пытается создать равноценное литературное произведение и выразить в нем отраженные в подлиннике национальные формы жизни, психологию народа и его культуру.

Так, И. Кашкин утверждает, что ощущение чужеземности в переводе достигается не внешней формальной экзотикой, не поверхностным копированием чужезычия, а путем глубоко понятой и чутко переданной сути, в которой заключена национальная особенность оригинала... Национальный колорит достигается точным воспроизведением портретной живописи подлинника, воспроизведением бытовых особенностей, уклада жизни, интерьера, трудовой обстановки, свывчаев и обычаев, воспроизведением пейзажа данной страны во всей его характеристике, воспроизведением народных обрядов, поверий и т. д.

Поэтому переводчик, сталкиваясь со словом, называющим реалию, должен ответить, как справедливо заметили С. Влахов и С. Флорин, по крайней мере на два вопроса: называет ли слово реалию в данном тексте, и если да, то следует ли это слово «брать взаймы»? Переводчику в этом случае не следует поддаваться гипнозу иноязычного мира и видеть за каждым словом реалию. Необходимо помнить, что, употребляя слово-реалию, писатель не всегда подчеркивает, не обязательно выявляет им сущность самой реалии, т. е. не акцентирует внимание читателя на отличии от других предметов того же рода.

ЛЕКЦИЯ 11

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА

1. Определение безэквивалентной лексики.
2. Способы перевода безэквивалентной лексики.

1. Определение безэквивалентной лексики.

Лексические единицы ИЯ, не имеющие в ПЯ соответствующего эквивалента, именуется безэквивалентной лексикой. При этом безэквивалентность не следует понимать как полное отсутствие в ПЯ средств для передачи значения данной лексической единицы ИЯ. Такие средства, как правило, имеются. *Под безэквивалентностью лексической единицы ИЯ понимаем лишь то, что не имеет аналога в лексической системе ПЯ, т. е. такого готового слова или устойчивого словосочетания, которые можно подставить вместо нее в контексте конкретного перевода.*

Причины лексической безэквивалентности:

1) лексическая единица ИЯ обозначает явление достаточно хорошо известное его носителям и устойчиво вошедшее в лексическую систему ИЯ, однако оно не известно или очень мало известно носителям ПЯ и поэтому, естественно, не отражено в их лексической системе. Обычно это так называемые *реалии, слова-реалии, т.е.* явления, характерные для материальной и духовной жизни данного народа и отсутствующие у других.

На определенном отрезке времени безэквивалентными могут оказаться также те или иные *научно-технические термины*. Затем, по мере распространения информации о научно-технических новшествах, обозначаемых безэквивалентными терминами, они приобретают эквиваленты или кальки в других языках.

2) *Вторая причина лексической безэквивалентности обусловлена несколько иным видением мира разными культурными и этническими сообществами.* Это проявляется, в частности, в том, что ПЯ не всегда фиксирует в понятиях и значениях своих лексических единиц то, что уже зафиксировано в ИЯ. То, что для последнего уже стало отграниченным определенными признаками

фактом, выделенным из массы подобных словом-названием, для первых таковым еще не является и его выделение происходит по мере необходимости (когда о нем заходит речь) с помощью «спорадических» речевых средств. Так, например, в сознании немцев четко закреплен отрезок суток, именуемый словом *Vormittag*. У русских это время специально не выделено и лексически не закреплено, но в случае необходимости его можно описать словосочетанием с *утра до полудня*. У немецких спортивных комментаторов и болельщиков есть выражение (сложное слово) *Abstaubergelegenheit*, характеризующее ситуацию, когда мяч от нападающей команды неожиданно попадает к игроку противника, получающему тем самым возможность беспрепятственно пройти к воротам и забить гол (*Abstaubertor*). В русском языке эту ситуацию и гол, забитый после нее, можно передать только описательно, с помощью развернутого речевого сообщения.

Казалось бы, простейшее английское слово *tea* образует многочисленные словосочетания, которым из-за разницы национальных традиций достаточно трудно найти удобные эквиваленты в русском языке. Например, *afternoon tea*, *high tea*, *meat tea* обычно переводятся описательно: плотный ужин с чаем, хотя между этими тремя английскими словосочетаниями есть существенные различия, отражающие социальные пристрастия.

2. Способы перевода безэквивалентной лексики

Существует несколько способов передачи безэквивалентной лексики.

2.1. Транслитерация. Суть этого приема заключается в заимствовании иностранного слова, которое затем на письме изображается буквами ПЯ, а в устной речи произносится согласно произносительным правилам этого языка. Немало слов, рожденных этим методом, прочно вошли потом в язык перевода. Так, из немецкого в русский язык перешли слова *штрейкбрехер* (*Streikbrecher*), *рейсфедер* (*Reißfeder*) и др. Среди новейших заимствований такого типа из английского языка следует упомянуть *дисплей* (*display*), *грейпфрут* (*grape-fruit*), *ноу-хау* (*know-how*).

Не всегда перевод с помощью транслитерации и последующее введение в речевой обиход слова, созданного таким способом, необходимы и оправданы. Сравните: *эскалация напряженности*, *усиление напряженности*, *наблизити* и *популяризация*. Создаваемые без необходимости слова-кальки засоряют язык перевода. Однако в ряде случаев без транслитерации трудно обойтись. Этому приему, например, всегда подвергаются при переводе названия газет и журналов, географические названия, другие имена собственные.

Достоинством транслитерации как способа перевода безэквивалентной лексики является ее надежность. Транслитерируя слово, обозначающее нечто малознакомое, недостаточно изученное и понятное носителям ПЯ, переводчик, по сути дела, передает лишь его звуковую оболочку. Содержательная сторона слова раскрывается только через контекст. Тем самым переводчик избегает толкования нового понятия и связанного с этим риска неверной интерпретации.

Недостаток транслитерации как переводческого приема состоит в том, что механическая передача безэквивалентного слова (каковой транслитерация, по сути дела, и является) не способна достаточно полно раскрыть содержание нового понятия, которое может либо остаться вообще непонятным для многих получателей текста, либо будет лишь весьма приблизительно понято из контекста. Этот недостаток транслитерации компенсируется примечаниями переводчика, помещенными в скобках или вынесенными в сноски, например: *Richtfest* - *рихтфест** (*традиционный праздник немецких строителей по случаю завершения сооружения кровли дома. - *Примеч. пер.*). Или: *blinker* - *блинкер** (*автоматический магнитный индикатор-дозатор. - *Примеч. пер.*).

Здесь одновременно используются два способа передачи безэквивалентной лексики: транслитерация и описательный (разъяснительный) перевод - прием, который будет охарактеризован ниже.

2.2. *Калькирование*. Суть этого приема заключается в том, что составные части (морфемы) безэквивалентного слова или словосочетания заменяются их буквальными соответствиями на

ПЯ, например: (*die Geschäftsbank* - деловой банк, *der Dienstwagen* - служебная автомашина. Или: *upper chamber* - верхняя палата, *committee of directors* - совет директоров, *Security Council* - Совет Безопасности).

Степень раскрытия описываемого явления с помощью калькирования зависит от того, насколько лексическая единица ИЯ сама отражает его суть, сравните: *der Betriebsrat* - производственный совет, *Bundesamt für Verfassungsschutz* - федеральное ведомство по охране конституции. Первый эквивалент понятнее, чем второй, поэтому значение второго термина может быть пояснено с помощью примечания (ведомство Госбезопасности). Так же и для английского языка: *Committee for Reciprocity Information* - Комитет взаимной информации (подразделение канцелярии Государственного Секретаря Штата по вопросам информационного обеспечения экономической деятельности). В этих случаях также использовано одновременно два способа передачи безэквивалентной лексики: калькирование и описательный (разъяснительный) перевод. Калькирование с разных ИЯ стало источником множества новых терминов в русском языке. Например, по аналогии с английским возникли словосочетания *роза ветров* (*wind rose*); *цепная реакция* (*chain reaction*) и др.

2.3. *Описательный (разъяснительный) перевод* – способ передачи безэквивалентной лексики, заключающийся в раскрытии значения единицы ИЯ с помощью развернутого описания (в словосочетаниях и фразах) на ПЯ, например: *das Mitbestimmungsrecht* - право трудящихся принимать участие в управлении предприятием или *Q-switched laser* - лазер, работающий в режиме импульсной добротности.

Достоинством описательного перевода является возможность наиболее полного раскрытия сути описываемого явления. Именно поэтому этот прием именуется также разъяснительным переводом, а его недостаток - в определенной громоздкости. Как правило, такие конструкции изобилуют причастными оборотами, сложными дополнениями и развернутыми (часто избыточными) определениями нового слова (термина). Это и понятно - ведь разъяснение нередко бывает избыточным. Кроме того, развернутое словосочетание не способно выполнять функцию «метки» так же

успешно, как слово или компактное словосочетание. С помощью громоздкого словосочетания трудно выделить разъясняемое явление действительности из ряда других и закрепить его в сознании носителей ПЯ как понятие, в то время как для создания понятия необходимо емкое краткое и удобное название. В отличие от первых двух описанных выше способов передачи безэквивалентной лексики - транслитерации и калькирования носящих механический характер, описательный перевод требует от переводчика проникновения в суть передаваемых явлений, глубокого знания реалий.

2.4. *Приближенный (уподобляющий) перевод* – способ передачи безэквивалентной лексики, который заключается в том, что обозначения иностранной реалии в ПЯ подыскивается понятие, которое хоть и не совпадает полностью с исходным, но имеет с ним значительное семантическое сходство, и в известной мере способно раскрыть для получателя перевода суть описываемого явления. Например, понятия *Sant Nikolaus (Santa Claus)* и *Дед Мороз* нельзя считать идентичными, однако в ряде случаев они могут заменять друг друга при переводе. Вряд ли правомерно утверждать, что русское понятие *кандидат наук* и европейское *doctor* идентичны, однако поскольку они означают в общем одну и ту же ступень в научно-иерархической лестнице, то европейские ученые, общаясь с российскими коллегами, титулуют кандидатов наук докторами.

Достоинством приближенного перевода является его доходчивость. Однако этот метод передачи безэквивалентной лексики все связан с определенной опасностью, проистекающей из самой сущности, в основе которой лежит замена исходного понятия приблизительным его соответствием. Поэтому пользоваться приближенным переводом нужно весьма осторожно. Приближенный перевод всегда таит в себе опасность недопустимой национально-культурной ассимиляции. Во всей их совокупности способы перевода безэквивалентной лексики нельзя отнести ни к подстановкам, ни к трансформациям. В них имеются черты и того и другого, но также есть своя собственная, присущая только им специфика. Поэтому способы перевода безэквивалентной лексики целесообразно рассматривать как отдельную, специфическую группу переводческих приемов.

ЛЕКЦИЯ 12

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА.

1. Виды текстов.
2. Особенности перевода текстов разных стилей и жанров.
 - 2.1. Перевод научно-технических текстов.
 - 2.2. Перевод научно-популярных текстов.
 - 2.3. Перевод официально-деловых текстов.
 - 2.4. Особенности перевода публицистических текстов.
 - 2.5. Особенности перевода текстов, относящихся к разговорному стилю.
 - 2.6. Перевод художественных текстов.

1. Виды текстов.

Аспекты эквивалентности перевода не исчерпываются только культурологическими особенностями. Еще одним весьма важным её аспектом является учет типологии, стиля и структуры переводимого текста.

Нормативные требования, предъявляемые к тем или иным видам текстов, связаны не только с их языковой наполняемостью. Не вызывает сомнения их культурная обусловленность, культурная конвенциональность. Другими словами, то, как, какими лингвистическими средствами следует оформлять тот или иной текст, каковы должны быть его экстралингвистические параметры, зависит от того, в рамках какой культуры он создается, каковы традиции, диктующие автору или авторам правила его построения и в плане выражения, и в плане содержания.

Основные жанровые характеристики определяемых видов текста похожи друг на друга и в какой-то степени универсальны. Поэтому следует говорить о функциональных стилях, к которым принадлежат тексты, а именно – научном стиле изложения, официально-деловом, публицистическом, разговорно-бытовом и художественном.

Разнообразие текстов как произведений речи чрезвычайно велико. Иногда его образно называют «галактикой Гуттенберга». Попыткой хоть как-то разобраться во всем этом, кажется, необозримом разнообразии и является классификация текстов. Для ее со-

ставления формулируются критерии, согласно которым проводится разграничение текстов на типы. Наиболее распространенной и удобной для перевода представляется функционально-стилистическая классификация текстов. Согласно этой классификации, каждый текст относится к одному из ограниченного числа так называемых функциональных стилей. Многие стилистические исследования в отечественной филологии основываются на системе функциональных стилей (иногда называемых также функциональными разновидностями языка), разработанной ещё академиком В.В. Виноградовым.

Чаще всего различают следующие функциональные стили: официально-деловой, публицистический, научный, информационный, художественный, разговорно-бытовой. При этом основной идеей является то, что все произведения речи создаются, чтобы выполнять определенные функции, главными из которых являются передача информации и произведение художественного эффекта на читателя или слушателя.

Задачами переводчика при этом являются умение характеризовать переводимые тексты с точки зрения принадлежности к одному из вышеназванных функциональных стилей, обращать внимание на то, какими свойствами обладают тексты, принадлежащие к одному и тому же функциональному стилю, чтобы затем распространить полученные выводы на переводные тексты (научно-технические тексты, официально-деловые тексты, публицистические тексты, разговорно-бытовые тексты, художественные тексты).

Сразу следует отметить, что представленная классификация, основанная на функционально-стилистической шкале типов текстов, носит в большой степени теоретический характер. На практике, как известно, границы между стилями и, соответственно, типами текстов, гораздо менее четкие, более размытые.

Наиболее насыщенными когнитивной информацией являются научно-технические тексты. Более эмоционально-ориентированными – публицистические, разговорно-бытовые и художественные. Однако и в научном тексте может быть известная доля эмоционального участия автора, и тем более в художественном, который с полным правом можно назвать

протеистическим (от имени древнегреческого бога Протея, бога, умевшего менять свою форму), могут быть черты других функциональных стилей, поскольку писатели часто подражают им в своих произведениях.

Отрывок из романа популярного современного американского писателя М. Крайтона «Конго» (*M. Crichton. Congo*):

«Certainly microelectronics did not look like a moribund technology. In 1979, microelectronics was a major industry throughout the industrialized world, accounting for eighty billion dollars annually in the United States alone; six of the top twenty corporations in the Fortune 500 were deeply involved in microelectronics. These companies had a history of extraordinary competition and advance, over a period of less than thirty years. In 1958, a manufacturer could fit 10 electronic components onto a single silicon chip. By 1970, it was possible to fit 100 units onto a chip of the same size – a tenfold increase in slightly more than a decade...»

Данный отрывок представляет собой типичный пример научно-популярных экскурсов в ту или иную сферу деятельности современного человека. Романы Крайтона отличаются такими микроисториями важнейших достижений научно-технической революции, и даже заканчиваются списком литературы по затронутым темам. Таким образом, художественное произведение выходит у Крайтона за рамки собственно художественного и приобретает черты научно-популярного издания. Тем не менее, перед нами художественный текст. Другой вопрос, что написан он как научно-популярный. А потому при переводе, естественно, нужно ориентироваться на тот же научно-популярный стиль изложения, очевидный в переводе романа на русский язык.

«Но пока микроэлектроника не собиралась сдавать позиции. В 1979 году она стала важнейшей отраслью промышленности во всех развитых странах. Только в США годовой оборот этой отрасли превышал восемьдесят миллиардов долларов. Шесть из двадцати крупнейших корпораций были тесно связаны с микроэлектроникой. Меньше чем за тридцать лет эти корпорации пережили удивительную историю, полную поразительных успехов и конкуренции неслыханной остроты.

В 1958 году на одной кремниевой микросхеме удавалось разместить десять бескорпусных электронных компонентов. К 1970 году на микросхеме такого же размера монтировали уже сто компонентов. Следовательно, за десятилетие с небольшим произошло десятикратное повышение емкости полупроводниковых устройств (перевод А.К. Андреева).

В отношении классификации текстов важно понимать еще и то, что внутри каждого из функционально-стилистических типов есть своя, порой довольно многочисленная иерархия текстов.

2. Особенности перевода текстов разных стилей и жанров.

2.1. Перевод научно-технических текстов.

Особенностью этих текстов является то, что тема научного текста никак не влияет на способ его оформления. Все научно-технические тексты в плане выражения унифицируются. Стиль изложения всегда один и тот же. Студентам хорошо знакома стилистическая унификация научных текстов по тем требованиям, которые предъявляются к их курсовым и дипломным работам. Например, во введении к любой курсовой или дипломной работе обязательно должны быть изложены ее тема, цель, материал, метод и структура. Научные работы пишутся с использованием нейтральной лексики, книжных оборотов и т.д.

Всякий тип текста характеризуется тем, кто выступает в качестве его автора и адресата. Автор научно-технического текста – это специалист, ученый, работающий в данной области знаний, исследователь, изобретатель, технический эксперт и т.д. При этом автор всегда указан. Анонимных научно-технических текстов не бывает. Все, в чем автор научно-технического текста может позволить себе отойти от общепринятого канона изложения, – это время от времени незначительное отступление от академичности, степень сложности или, наоборот, простоты подачи материала и употребление своих любимых оборотов речи, слов и выражений, которые, однако, не выходят за рамки нейтрального, книжного языка.

Уже в научном тексте наблюдаются некоторые особенности стиля изложения, имеющие национально обусловленный, культурологический характер. Так, отход от академичности

изложения неодинаков в разных культурно-языковых сообществах. В русском или, скажем, немецком языке автор научно-технического текста имеет меньше свободы, в то время как в англоязычной традиции отход от академичности присутствует в большей степени.

План выражения научно-технических текстов включает в себя как вербальные, так и невербальные знаковые системы. Например, очень частотны в таком типе текста схемы, графики, рисунки и иллюстрации, математические символы, которые могут встречаться по отдельности и объединяться в формулы. Понятно, что для переводчика они не представляют сколько-нибудь значительной сложности, так как имеют интернациональный характер и потому просто переносятся из текста оригинала в текст перевода без изменений. Другое дело – языковые (вербальные) средства. Пожалуй, единственное, что объединяет их с невербальными средствами изложения, – это то, что и те и другие должны способствовать максимально объективной подаче обсуждаемого материала.

Если говорить о вербальных средствах, то объективность изложения достигается с помощью целого ряда лингвистических средств. Так, подлежащим чаще всего выступает имя существительное, нередко термин из данной области знаний. Им также может быть одно из так называемых средств вторичной номинации, т.е. языковых средств (чаще всего местоимений), которые указывают на уже названное существительное, например: *это, указанное свойство, качество, обстоятельство* – в русском языке; *the former, the latter, the above-mentioned* – в английском языке.

Что касается автора, то в русском и немецком языках он редко упоминает себя в качестве субъекта действия, выраженного подлежащим. Он может себе позволить лишь употребление так называемого ритуального «мы», да и то нечасто. Напротив, в англоязычной традиции гораздо чаще подлежащим предложения оказывается местоимение первого лица единственного числа. Переводчик должен это учитывать.

В научно-технических текстах вообще предпочитается «безличность» описания экспериментов, рассуждений, изложения

процесса достижения результатов и прихода к тем или иным выводам. Для этого в русском языке используются глагольные конструкции пассивные или с пассивным, неопределенно-личным или безличным значением (вместо *я предпринял попытку показать... – была предпринята попытка показать...*; вместо *в своей работе я затрагиваю ряд важных вопросов – в настоящей работе затрагивается ряд важных вопросов*; вместо *мы приходим к следующему выводу – можно сделать следующий вывод*).

Опять-таки степень «безличности» изложения может быть разной в разных языках. Например, если переводить с английского языка на русский фразу *In my work, I consider several fundamental questions...*, предпочтительней вариант (1) *В настоящей работе затрагивается ряд важных вопросов*, а не конструкция (2) *В своей работе я затрагиваю ряд важных вопросов*. Иначе, казалось бы, при абсолютно правильном варианте перевода английской конструкции русской (2) переводчик рискует создать у реципиента неправильное впечатление об авторе и его этическом облике как ученого.

Необычайно частотны сочетания *существительное + десемантизированный глагол*. Так, в русском языке вместо *это значит следующее* мы чаще встретим фразу *это имеет следующее значение*.

Наиболее характерной частью специальной лексики являются термины. Термин – это слово или словосочетание, которое обозначает то или иное понятие из какой-либо специальной области научного знания или практической деятельности. Термины специально предназначены для передачи именно когнитивной информации. Он включается в системные отношения с другими терминами и стремится к однозначности (моносемичности) в данной области знания или деятельности. Термины, кроме наиболее распространенных и общепринятых, во избежание разного их толкования, как правило, снабжаются определениями при первом упоминании в каждой конкретной научной работе. Термины характеризуются стилистической нейтральностью и не зависят от контекста.

При переводе нужно сохранять все эти характеристики термина, что достигается благодаря переводу термина термином.

Не допускается никакая подмена, никакой приблизительный, синонимический перевод термина каким-либо, по мнению переводчика, близким по смыслу словом или выражением.

Хотя бы отчасти решить проблему перевода терминов помогают двуязычные специализированные толковые словари, совмещающие в себе характеристики, присущие как двуязычным, так и толковым словарям. Ввиду того, что подобного рода толковые двуязычные словари созданы еще далеко не для всех областей науки и техники, алгоритм работы переводчика со словарями должен быть следующим. При обнаружении неизвестного термина в тексте ИЯ он сначала должен найти его определение в толковом словаре языка оригинала, после чего он смотрит, какие эквиваленты дает на этот термин двуязычный словарь, и проверяет их по толковому словарю ПЯ. Несмотря на трудоемкость процедуры, вариант перевода, полученный подобным образом, будет наиболее достоверным.

Еще одной заслуживающей обсуждения проблемой перевода терминов является перевод терминов-неологизмов. Для того чтобы обеспечить репрезентативность переводящего текста, рекомендуется переводить термины-неологизмы, создавая новые термины в ПЯ по той же словообразовательной модели, что и в оригинале. При этом не следует пренебрегать возможностью (если таковая есть) проконсультироваться со специалистами.

Основным источником пополнения терминосистем являются многокомпонентные термины, которые очень частотны, например, в немецком и английском языках. Это объясняется объективными причинами, ведь в любом языке запас лексических ресурсов хотя и обширен, но все же ограничен, а все новые и новые достижения НТР требуют и новых точных наименований.

Переводя подобного рода терминологические образования, следует понимать, в каком порядке нужно «расшифровывать», раскрывать их значение. В так называемых неустойчивых лексических образованиях (*unstable compounds*) в английском языке в качестве смыслового ядра выступает последнее (крайнее справа) слово составного термина. Все слова, которые находятся слева от этого ядра, выполняют функцию определения. Поэтому перевод на русский язык таких терминов нужно начинать с конца. Например,

если мы переводим терминологическое сочетание *radio wave propagation*, мы начинаем со слова *propagation* – распространение, затем *wave* – волна (волны) и, наконец, *radio* – радио. Получается: *распространение радиоволн*. Нередко подобного рода терминологические образования бывают довольно пространными: *frequency division multiplex terminal equipment* – *оконечная аппаратура частотного уплотнения*; *frequency modulated voicefrequency telegraph equipment* – *аппаратура тональной телеграфии с частотной модуляцией*.

Второй лексический пласт научных текстов – общеязыковая лексика. Относится она к семантическим полям, описывающим анализ, процесс (проведения эксперимента, развития чего-либо и т.п.), вывод, и характеризуется отсутствием эмоциональной окраски и коннотативности. Это нейтральная современная, как правило письменная, литературная норма. Слова и словосочетания данного лексического пласта научных текстов образуют развитую систему взаимозаменяемых синонимов. Так, важность чего-либо можно выразить следующими словами и сочетаниями: *имеет важное значение, существенно, играет важную роль, важно и т.п.* При этом возможна равноправная замена всех этих слов и словосочетаний другими, синонимичными, словами и словосочетаниями. Переводчик, однако, должен следить за тем, чтобы не допускать контаминации типа *играть значение, иметь роль*.

Все такие словосочетания представляют собой клише, стереотипные слова и фразы, стертые метафоры. Репрезентативность перевода этих лексических единиц достигается путем перевода не одной за другой частей переводимого выражения, как мы видели в случае терминологических образований, а соответствующими цельными клише из ПЯ. Так, выражение *в заключение* переводится на английский язык *to conclude*; возникает закономерный вопрос – *the question is bound to arise; что касается...* – *as for/as far as something is concerned...* Переводчик должен знать наиболее распространенные клише и готовые фразы, а также постоянно пополнять эту часть своего словаря из общеязыкового фонда.

В научно-технических текстах очень высока плотность когнитивной информации. В частности, она достигается за счет использования сокращений. Они могут быть как общеизвестными для данной области знаний, таки и из общеязыкового словаря, тоже частотных в обсуждаемом типе текстов, например и т.д. (и так далее), etc. (et cetera), usw. (und so weiter), напр, (например), z.B. (zum Beispiel) и др.

Все упомянутые типы сокращений следует переводить соответствующими сокращениями, принятыми в ПЯ. Если говорить о контекстуальных сокращениях или авторских индивидуальных сокращениях, то их рекомендуется переводить, сохраняя способ сокращения оригинала. Так, если это усеченное слово, то и переводить его нужно, усекая соответствующее слово в ПЯ. Если перед нами акроним (сокращение по первым буквам), то и в ПЯ лучше всего сохранить акронимический принцип сокращения.

Для языка научно-технической прозы (например, в философии, юриспруденции) характерно довольно активное использование латинских и – реже – греческих, а также немецких, английских, французских слов и выражений, терминологических образований. Как правило, переводчик просто переносит эти вкрапления в текст на ПЯ без изменения. Если необходимо, он сопровождает то или иное выражение, которое может оказаться непонятным для реципиентов текста, соответствующим примечанием с переводом или более развернутым пояснением. От некоторых латинских слов и выражений в современных языках остались сокращения, причем широко известные. В английском языке это сокращения типа e.g. (*exempli gratia, например*), i.e. (*id est, то есть*).

Субъективность в научно-техническом, и особенно в техническом, тексте сводится к минимуму. И тем не менее в научно-исследовательском по своему характеру тексте встречаются различные формулы модальности, как грамматической, так и лексической, выражающие субъективность высказываемого мнения. Примерами лексически выраженной модальности могут служить слова и выражения: *по всей вероятности, вероятно, как представляется, как кажется, in my opinion, as it may seem,*

obviously, to be sure и др. Нередки апелляции к предшествующему научному опыту: *as is well known, как известно* и т.п.

В целом, с точки зрения плана содержания, для стиля изложения научно-технического материала характерными являются ясность, точность и последовательность. Изложение материала строится на строгой логичности, а не на ассоциативно-образных связях.

Синтаксис научно-технического текста может быть довольно сложным. Однако переводчик, помня о том, что в такого рода текстах план содержания превалирует над планом выражения, может прибегать к различного рода синтаксическим перестройкам и даже разбивать одно предложение на два или, наоборот, объединять два в одно, если это обеспечивает большую ясность и недвусмысленность изложения.

Несколько слов следует сказать о переводе собственных имен и названий. Лучшим является перевод (транслитерация или транскрипция) имен собственных, который тут же (в скобках) снабжается первоначальным написанием этих имен (при первом упоминании). Например: *...в работе Г. Тиль (G. Thiel); из этой статьи проф. Дж. Вудсворт (J. Woodsworth) становится ясно..., ...известный немецкий учёный В. Фляйшер (W. Fleischer)...* и т.д. Иначе по русскому переводу имен почти невозможно или довольно непросто определить их написание на латинице, что может, в свою очередь, воспрепятствовать узнаванию соответствующих имен читателями, которые знают их в таком написании.

Научно-технические тексты отличает предельная прозрачность структуры. Так, во введении или вступительной части более или менее развернутого текста часто указывается, о чем говорится в каждом разделе. Кроме того, научно-технический текст содержит немало того, что условно можно назвать перекрестными внутритекстовыми ссылками: *см. выше/ниже...* Выражения этого типа следует переводить соответствующими устойчивыми выражениями ПЯ, а не буквально, поскольку они носят исключительно конвенциональный, формульный характер.

При переводе научно-технических текстов очень важен этап подготовительной (к собственно переводу) работы. Хотя этот этап важен и при переводе, например, художественного текста, суть

подготовки будет, принципиально разной. Во время подготовки к переводу научной статьи или брошюры, книги или другого вида научно-технического текста переводчик должен вникнуть в тему, проблематику и способы выражения этой темы (термины, характерные обороты). Иначе он рискует просто не понять, о чем идет речь, а если понять, то не сумеет выразить это средствами ПЯ. Кроме того, он должен узнать как можно больше об авторе текста, историческом периоде, в который он жил (если это не ныне живущий ученый), статусе данного труда среди других его работ, сути научных дискуссий поданной проблематике и т.д.

2.2. Перевод научно-популярных текстов. Среди научных текстов следует выделить научно-популярные (учебники, статьи т.д.), в которых снижается академичность изложения, отстраненность и объективность, исключение индивидуальной вовлеченности в стиль письма и т.д., но упрощается стиль изложения. Однако, несмотря на то, что стиль изложения упрощается, существенно усложняется коммуникативная задача. Теперь переводчик должен совмещать при переводе и научность, и популярность. Для этого необходимо видеть долю того и другого в общем целом. В вузовском учебнике популярность проявится в том смысле, что определениями будут снабжаться не только вновь вводимые автором термины, но и уже принятые и утвердившиеся в данном научном направлении. В школьном учебнике отход от академической строгости научно-технического текста становится еще более заметным. Нейтральность стиля в целом хотя и сохраняется, но сдвигается в сторону разговорно-бытового стиля.

Авторство в научно-популярном тексте такого типа становится уже не номинальным, а вполне конкретно и недвусмысленно проявленным. Автор остается все тем же специалистом высокого класса, ученым, исследователем в данной области знания, но теперь он много говорит от себя лично, приводит примеры из собственной жизни и практики, а не просто выступает представителем научной общественности. Автор обращается к читателю напрямую, употребляет отходящую от нейтрального стиля лексику (разговорные, просторечные выражения, оценочные определения), даже иногда придумывает условных персонажей, желая сделать повествование максимально

динамичным и интересным для малоподготовленного к восприятию сложной и, может быть, иногда очень специальной информации. В научно-популярном тексте возможны различные истории, анекдоты, которые тоже помогают автору облегчить восприятие излагаемого материала.

К научным и научно-популярным текстам примыкают тексты *искусствоведческие*. Они могут быть более или менее нагружены специальной лексикой терминологического характера, но насколько более или насколько менее, будет зависеть от адресата текста. Например, в музыковедческом тексте вполне могут встретиться итальянские обозначения музыкальных темпов или характера исполнения, реже – немецкие и французские, что, понятно, будет зависеть оттого, музыка композиторов каких стран анализируется. При этом тексты будут снабжаться переводом или кратким пояснением, если музыковедческий текст рассчитан на широкую аудиторию. И наоборот, если текст рассчитан на специалистов, то никакого перевода может не быть (как, скажем, у латинских терминов в юридическом тексте): *В сонатном Allegro композитор неожиданно вводит хор a cappella за сценой...*

В статье или книге о живописи, архитектуре, литературе или кино будут свои термины, но то, что позволяет объединить все искусствоведческие тексты, – это существенно больший по сравнению с естественно-научными текстами и текстами из сферы точных и гуманитарных наук процент ярких эпитетов, сравнений и даже метафор, что объясняется особенностями предмета повествования. Репрезентативность перевода такого текста резко снизится, если не передать яркость и образность его языка.

2.3. Перевод официально-деловых текстов.

Это один из самых древних типов текста. Во многом именно с него начиналась письменность, поскольку письменный официально-деловой текст является не просто текстом, а документом, подтверждающим наличие чего-либо где-либо, заключение сделки; закрепляют чьи-то права и обязанности по отношению к другим лицам и т.п. уже не просто слова «в воздухе», а слова, зафиксированные с помощью каких-то материальных носителей.

Говоря об официально-деловом стиле, чаще всего имеют в виду письменные тексты. Однако существуют и устные официально-деловые тексты (выступления на официальных приемах, торжествах, встречах, заседаниях, собраниях, заявления официальных лиц в средствах массовой информации и т.д.).

Мысль в текстах данного функционального стиля так же, как в научном стиле, разворачивается логически последовательно, а не ассоциативно. Более того, в некоторых типах официальной документации (например, в деловых письмах) существует стандартный порядок изложения информации: представление адресанта, сообщение о том, откуда он узнал об организации-адресате или о той или иной проблеме; изложение просьбы, предложения, жалобы и т.п.; предъявление требований; предложение путей устранения возникших проблем и т.п.; заключение с подписью автора, дата.

Обеспечение репрезентативности оригинала при переводе текстов официально-делового стиля очень важно, поскольку относящиеся к нему тексты обслуживают ответственные сферы человеческой жизни и международных отношений. Официально-деловой стиль представлен двумя подстилями: официально-документальным и обиходно-деловым. К официально-документальному относятся юридические тексты (тексты законодательных и дипломатических актов), к обиходно-деловому – служебная переписка и деловые бумаги.

Законодательный текст имеет сходные черты как с научным текстом, так и с текстом инструкции. Языковые средства юридического текста отбираются таким образом, чтобы полностью исключить двусмысленность и разночтения. К этому должен стремиться и переводчик юридических текстов.

Официально-деловой стиль вообще и стиль юридических текстов в частности отличаются высокой степенью клиширования. Недаром практически во всех официальных организациях есть шаблоны основных документов (контрактов, договоров, справок, свидетельств и т.п.), специально издаются сборники образцов шаблонных документов и т.д. В этом смысле переводчик, собственно, не переводит, а просто составляет из новых данных документы по старым образцам.

В официально-деловом стиле функционирует большое количество терминов, причём термины встречаются как известные только юристам, так и понятные широкой публике. Они несут в себе когнитивную информацию. В отношении юридических терминов следует сказать, что среди них немало интернациональной лексики (*апелляция, кассация, репатриация, коммюнике, реституция, дуайен, реторсии, атташе* и т.д.), а она, как известно, часто представляет собой определенную опасность. Дело в том, что среди такого рода лексических единиц очень много «ложных друзей переводчика» – слов, формально сходных (что и понятно, ведь у них одно и то же происхождение, чаще всего латинское или греческое), но различающихся либо полностью, либо частично по значению. Очень немногие юридические термины-дериваты от одного и того же латинского слова одинаковы по объему значения. Поэтому всякий раз, сталкиваясь с внешне похожими терминами, нужно обязательно выверять их по специальным справочникам или консультироваться со специалистами на предмет выяснения, совпадает ли и в какой степени объем значения данного термина в ИЯ и ПЯ. Иначе можно допустить грубейшие фактические ошибки, что сделает перевод не репрезентирующим оригинал и приведет к серьезным последствиям.

Объективность подачи информации обеспечивается далее преобладанием абсолютного настоящего времени глаголов и пассивными конструкциями. Предписывающий характер информации передаётся с помощью глагольных структур с модальностью необходимости и возможности. Наряду с существительными широко используются местоимения с обобщающей семантикой. Одни и те же слова, особенно если это термины, могут повторяться из предложения в предложение. Требование избегать таких повторений, предъявляемое к письменной речи, здесь теряет актуальность. Стилистические красоты приносятся в жертву ясности и предельной четкости выражения мысли.

В юридическом языке нередко встречаются латинские фразы. Но они здесь, в отличие от научного стиля, не придают речи особую «ученость» и рафинированность, а являются

терминологическими образованиями. Следует заметить, что латинские слова и выражения, употребляющиеся как термины, не переводятся, поскольку обычно хорошо известны специалистам в юриспруденции или дипломатии. Однако переводчику, если он специализируется на переводе юридической документации, в которой встречается этот пласт лексики, следует ознакомиться с ней, иначе он просто не сможет понять ход рассуждений автора оригинала.

Еще одним существенным свойством текста официально-делового стиля вообще и юридического в частности является более или менее значительная, но, как правило, почти всегда представленная архаизация языка. Предпочитаются отглагольные существительные, являющиеся типичными для разновидности официально-делового языка, получившей название канцелярит (*запрещение, разрешение, отклонение апелляции, повышение, понижение* и т.п.).

Более компактны тексты обиходно-деловой разновидности официально-делового функционального стиля. Впрочем, компактность изложения достигается в них за счет исключительно того, что автор, минуя или сводя к минимуму обсуждение различных второстепенных вопросов, приступает непосредственно к сути дела.

Важным для структуры текста, принадлежащего к официально-деловому функциональному стилю, является его графическое оформление. Оно должно подчеркивать семантико-синтаксическое строение текста, упрощать работу с ним. Поэтому так распространены специальные бланки, формы, в которые авторы юридических текстов просто вносят свои данные. Понятно, что подобного рода документы должны переводиться с учетом национальных традиций и общепринятых форм и оборотов речи ПЯ. Ни в коем случае невозможно отступление, искажение или изъятие тех или иных нюансов содержания переводимых документов. Переводчик должен следить за выдержанностью стиля языка перевода, особенно если он переводит на иностранный для него ПЯ. Последнее обстоятельство, понятно, предполагает обязательность отличного знания переводчиком стандартов и норм написания документов на ПЯ.

2.4. Особенности перевода публицистических текстов.

В данном случае одновременно работают и когнитивная, и эмоциональная информации. С одной стороны, публицистические тексты нацелены на сообщение фактов, сведений, описание событий, с другой – это уже не объективная их подача, как было в научном стиле изложения. Публицистика активно вмешивается в жизнь общества, формируя общественное мнение путем открытого комментирования фактического материала, который попадает в поле ее зрения. Её основным коммуникативным заданием является сообщение новых сведений, навязав им при этом определённую оценку.

А в поле зрения публицистики попадает самый широкий спектр происходящего, происходившего и даже того, что еще только будет происходить, что планируется или начинается. Публицистика отслеживает масштабные социальные, политические и экономические процессы, причем в разные их моменты – зарождения, развития и расцвета, угасания и упадка. Масштабными эти процессы можно назвать потому, что они могут касаться всех и каждого, кто живет сегодня на нашей планете.

Поскольку тематически публицистический стиль отличается огромным разнообразием, это не может не влиять на спектр представленных в нем жанров и видов текстов. Это и устные (теле-, радиожурналистика), и письменные тексты (все, что связано с газетно-публицистическим стилем). И те и другие, соответственно, требуют различных приемов и методов обработки. Для переводчика разделение публицистических текстов на устные и письменные также имеет важное значение именно с точки зрения различных приемов передачи оригинала и перевода.

Разделение на устную и письменную речь в публицистическом стиле имеет более «серьёзные» последствия для стиля изложения и особенностей перевода. В теле- или радиопрограмме стиль изложения, как правило, предельно упрощается, поскольку рассчитан на самые широкие зрительско-слушательские массы. В этом случае публицистический текст приближается к разговорно-бытовому функциональному стилю. Перевод, безусловно, должен отразить эту особенность, иначе

будут нарушены условия, обеспечивающие репрезентативность перевода.

В письменной публицистике – особенно в отраслевых журналах и газетах, рассчитанных на профессионалов и специалистов в той или иной области знания или деятельности, – речь журналиста, автора той или иной статьи, будет приближаться к научному или официально-деловому стилю. Это скажется на характере избираемых для изложения лингвистических средств: будет больше терминов, будет специфически письменный, более сложный синтаксис и т.д. Конечно, все эти черты должен будет вобрать в себя и перевод. Подача информации в публицистическом тексте может разворачиваться, в отличие от текста научного, не только сообразуясь с логикой, но и следуя ассоциациям. В этом смысле руководящим принципом построения текста будет стремление автора не только и не просто проинформировать реципиента, а еще и достичь определенного эффекта, определенным образом воздействовать на аудиторию, чему подчинены все средства выразительности, в том числе и способ организации текста.

Уже было сказано, что информация, которая представлена в текстах публицистического функционального стиля, складывается из сочетания информации когнитивной и эмоциональной. Понятно, что, как и в случае с научно-популярной литературой, такое сочетание заметно усложняет коммуникативную задачу, решение которой должен в той же степени, что и в оригинале, обеспечить в своем переводе переводчик. Это требует от него внимательного прочтения текста, умения уловить грань между информацией когнитивной и сопутствующей ей информацией эмоциональной, и эту грань не переступать, не нарушать баланса соотношения этих двух типов информации.

Особую важность приобретает тот критерий репрезентативности, который требует от переводчика максимально верно отразить именно позицию автора текста, в данном случае журналиста, которую очень легко исказить и тем самым больше проявить свою позицию, позицию переводчика, а это недопустимо, даже если переводчик как личность с позицией автора совершенно не согласен. В таких случаях профессионал в переводчике должен

брать верх над его личностью с ее гражданской позицией, убеждениями, представлениями и т.д.

Для публицистического стиля характерно максимальное использование эмоционального потенциала слов и выражений, их коннотативности, хотя, конечно, слова здесь реализуют и свою функцию сообщения. В публицистике также немало терминов и терминологических образований, поскольку этого требует тематическое многообразие освещаемого СМИ материала. Если речь идет о политике, в тексте появляются политические термины (*демократия, инаугурация, кабинет министров, переговоры на высшем уровне, нота протеста, персона нон грата* и др.); если об экономике, то, соответственно, появляются экономические термины (*маркетинг, биржа, инфляция, демпинг* и др.). В то же время журналист, пишущий статью или готовящий репортаж на какую-то тему, внимательно следит за тем, чтобы его текст понял неспециалист в данной области (исключение составляют публикации в отраслевых СМИ). Другими словами, им строго соблюдается принцип общедоступности и понятности материалов. Поэтому употребляемые в жанре публицистики термины являются либо уже широко известными и общепонятными, либо они снабжаются специальным пояснением или определением, но в целом их употребляется гораздо меньше, чем в научно-технических текстах.

Очень частотна в публицистике лексика с определенно выраженной оценочностью и образностью: эпитеты (*ужасающий, великолепный, ошеломляющий, странный*); слова, принадлежащие к нейтральным пластам лексики (архаизмы: *веха, витиеватость, радеть, казенный*; субстандартная лексика: *мочить, сортир*; слова, образованные по продуктивным, с яркой эмоциональностью моделям: *штурмовщина, заседанье, слабоватый*); библеизмы (*козел отпущения, имя им – легион, на круги своя, разверзшиеся хляби небесные*); специальная лексика, но в переносном значении (*предвыборный марафон, политический фарс*).

Наконец, пожалуй, едва ли не главной особенностью публицистического текста являются клишированные словосочетания и выражения. Но клише здесь особые, они более разнообразны и у них больше функций. Во-первых, они служат для

максимального упрощения нос приятя за счет легкой узнаваемости слов и выражений. Журнальное газетный текст или устный репортаж воспринимаются «гладко». Реципиент такого текста будто скользит по нему, воспринимая исключительно факты и их оценку. При этом время от времени журналист прибегает к помощи ярких словесных образов, чтобы привлечь внимание своей аудитории к тому или иному важному, с его точки зрения, моменту. Во-вторых, журналистские клише черпаются из самых разных тематических сфер в зависимости от того, о чем в данном случае идет речь. Но особенно любимы журналистами клише из разговорного и литературного стилей – метафоры, устойчивые эпитеты и другие так называемые речевые штампы (*жест доброй воли, кризис доверия, демографический взрыв, гром аплодисментов, мрачные прогнозы, радужные перспективы, скороспелые выводы* и т.д.). С помощью таких клише журналистика балансирует между яркостью и общедоступностью выражения.

Если говорить о переводе всего этого лексического многообразия, то здесь, конечно, возникает немало сложностей. Отнюдь не всегда можно найти соответствие слову или выражению, которое удовлетворительно представляло было их в ПЯ. Этого можно достичь за счет сохранения образности по аналогии с переводом фразеологизмов, т.е. вначале следует выделить семантическое ядро высказывания, а затем подобрать аналогичный фразеологизм в языке перевода.

В отношении синтаксиса публицистического функционального стиля можно сказать, что он в значительной мере нацелен на воспроизведение конструкций разговорной речи. Кроме того, разговорные синтаксические конструкции наиболее лаконичны, емки и выразительны. Часто произведения речи, относящиеся к данному функциональному стилю, выстраиваются по типу разговорной речи диалогического характера (даже тогда, когда формально перед нами монолог). Синтаксису в публицистике свойственны различные риторические построения (параллельные, анафорические конструкции, вопросительные и восклицательные предложения). В целом же он (вместе с другими языковыми средствами) помогает подчеркнуть значимость какой-либо информации, противопоставить ее чему-то будничному.

Конечно, как и любой другой функциональный стиль, публицистический представлен целым спектром текстов, относящихся к различным жанрам и видам (очерк, фельетон, репортаж, информационное сообщение и др.) со своими структурно-типологическими особенностями. Чтобы обеспечить репрезентативность перевода каждого из них, переводчик должен тщательно изучить и передать эти особенности в переводе.

2.5. Особенности перевода текстов, относящихся к разговорно-бытовому стилю.

Разговорно-бытовой стиль реализуется в ситуации общения. Это речь устная, неподготовленная, свободно развивающаяся в процесс развертывания коммуникативного акта, ситуации общения, в чем она принципиально отличается от научной и официально-деловой речи. В ней много пауз, перебивок, вставок для заполнения паузы, пока говорящий подбирает нужное слово (*...это самое well...*). В разговорной речи активную роль играют мимика, жесты, понимание участниками разговора ситуативного контекста. Все эти экстралингвистические факторы помогают собеседникам понять друг друга, несмотря на всю кажущуюся дефектность и неполноту лингвистических компонентов общения.

Разговорная речь – это либо диалог, либо полилог, в разговоре участвуют либо двое, либо больше собеседников. В ней очень редки монологи, а если они и случаются, их протяженность относительно невелика. Таким образом, разговорную речь можно определить как диалогическая и устная речь, для которой характерны неофициальность, непосредственность, неподготовленность и спонтанность.

Применительно к переводу следует несколько модифицировать определение условий реализации разговорно-бытового стиля. Конечно, вряд ли можно себе представить ситуацию, в которой перевод понадобится близким людям, вступающим в разговор. Но в том-то и дело, что разговорная речь реализуется не только между близко знакомыми людьми, а происходит в более широком контексте общения, который называют социально-бытовым. Понятия автора (источника) и реципиента (адресата) текста в данном функциональном стиле

существенно меняются вследствие его диалогического характера. Здесь всегда по меньшей мере два собеседника-автора. Они же выступают поочередно в роли реципиентов: сначала высказывается первый, т.е. проявляет себя как автор какого-либо высказывания, а второй воспринимает это высказывание; затем роли меняются – второй собеседник реагирует на сказанное первым. И так разворачивается диалог.

Так как участники коммуникативного акта сообщают друг другу какие-то сведения, новости, рассказывают о каких-то происшествиях и т.п., то в данном случае работает когнитивная информация. При этом очень весомой становится и эмоциональная информация, которая нередко превосходит информацию когнитивную.

Прежде всего, слову, употребляемому в рамках разговорно-бытового стиля, свойственна семантическая неопределенность. Такие слова, как *вещь, штука, der Ding, thing* и мн. другие могут означать почти все что угодно. Что конкретно они означают в том или ином разговоре, определяется контекстом, ситуацией, обстановкой. Переводчик может расшифровывать эти слова, называя обозначаемые ими вещи «своими именами», а может, учитывая функционально-стилистическую особенность текста-оригинала, произведения разговорной речи, и условия, в которых протекает общение, сохранять эти слова, подбирая им при этом культурологически оправданное соответствие в ПЯ.

Для разговорно-бытового стиля характерно использование так называемых семантических стяжений, имеющих свой определённый подтекст (*малолитражка* (стяжение от *малолитражный автомобиль*), *малолетка* (от *малолетний*, т.е. ребенок или подросток), *многотиражка* (от *многотиражный*)). Довольно распространены в разговорной речи различного рода сокращения, которые емко и экономно выражают значительные пласты ее содержания. При этом сокращения чаще замещают собой официальные полные названия. Любой в России знает, что такое *КГБ или чека (ЧК)*. Любой в США поймет вас, если вы скажете *LA (Los-Angeles)*. Любой в Германии поймёт, что речь идёт об автомобиле *Volgswagen*, хотя вы просто скажете *VW*. Причем от первичных сокращений (которые по происхождению могут быть и

не разговорными) появляются вторичные, чисто разговорные: *КГБ* – *(ка)гэбэшник*. Частотны в разговорном стиле и различного рода специфически сниженные названия-клички. Названия городов тоже часто претерпевают такие изменения: *Санкт-Петербург* становится *Путером*, *San-Francisco* – *Frisco*.

Переводчик обычно расшифровывает лексические сокращения, поскольку иначе их просто невозможно перевести, ведь в ПЯ не существует соответствий той же стилистической окраски. В этом случае репрезентативность на уровне передачи стиля оригинала либо страдает, поскольку переводчик нейтрализует стилистическую игру оригинала, либо переводчик восполняет утраченный эффект с помощью другого элемента высказывания.

Очень активно в разговорном стиле используются местоимения. Вместо имен существительных, прилагательных бывает легче употребить ограниченный круг их заменителей. Кроме того, в процессе порождения спонтанной речи люди часто забывают какие-то слова (они «вылетают из головы», их не могут вспомнить, хотя они и «крутятся на языке»).

В разговорный стиль активно проникают книжная лексика, термины, которые тут же, однако, подвергаются специфической разговорной обработке, в результате чего их терминологически строгая семантика размывается. Но именно благодаря этой своей восприимчивости.

Активно используются продуктивные и не очень словообразовательные модели. Уменьшительно-ласкательные или гиперболизирующие суффиксы *-ищъ-* и *-еньк-* довольно продуктивны в современном русском языке. С их помощью образуются различные новые словоформы, большинство из которых, впрочем, тут же забывается (*автомобилище, магазинище, оранжеевенький, коричневатенький*). Большую часть разговорной речи, менее консервативной по сравнению с книжной, составляют заимствования из различных иностранных языков. Некоторые заимствования вытесняют слова и термины, предписываемые институтами, призванными кодифицировать и определять языковые нормы.

Синтаксис разговорной речи также имеет свою специфику. Его, прежде всего, характеризуют многочисленные простые и часто неполные предложения. Распространены эллиптические конструкции (*Я ей слово, она – десять!*). При переводе такие конструкции обычно представляются в более полном виде, что объясняется стремлением переводчика пояснить ситуацию, более полно описав ее.

Перевод разговорно-бытовых произведений речи двусторонний. Переводчик должен уметь переводить в обе стороны (на родной для него язык и с родного), так как это требование предъявляет к нему реальность осуществления перевода в социально-бытовом контексте.

2.6. Перевод художественных текстов

Художественная литература – это тексты, специализированные на передаче эстетической информации. Художественный стиль – пожалуй, наиболее полно описанный из функциональных стилей, он самый подвижный и творчески развиваемый из стилей. Если научный и официально-деловой стили стремятся к тому, чтобы четко очертить круг используемых в них средств выражения того или иного содержания, а разговорно-бытовой и публицистический, хотя и более открыты для нового, мобильны и изменчивы, все же из-за своей слишком значительной демократической ориентированности не выходят за известные границы новизны и творческой изобретательности, то художественный стиль буквально не знает никаких преград на пути своего движения к новому, ранее неизвестному. Более того, новизна и необычность выражения становится условием успешной коммуникации в рамках этого функционального стиля. Несмотря на ограниченный круг тем, затрагиваемых в художественных текстах (жизнь человека, его внутренний мир), средства, которые используются для раскрытия их, неограниченно разнообразны. При этом каждый подлинный художник слова стремится не к тому, чтобы слиться со своими коллегами по перу, а наоборот – выделиться, сказать что-то по-новому, привлечь внимание читательской аудитории к вечным вопросам, для чего просто

вынужден искать новые средства художественной выразительности.

Отличительной чертой в истории переводов художественной литературы является то, что оригиналы не устаревают, в то время как старые переводы сменяются новыми. И это также объяснимо: перевод, не воспроизведя в ПЯ и культуре ПЯ всего «организма» оригинала, отразил лишь какую-то одну из его возможных трактовок. Общество, развиваясь, становится способным постичь новые содержательные планы великого произведения-оригинала и вызывает к жизни новые (но, по сути, такие же этапные) переводы.

В художественных текстах можно говорить о сплаве этих двух видов информации – информации эмоционально-эстетической. Когнитивная информация, хотя тоже может быть представлена в художественном тексте, все же не играет в нем ведущей роли, как в научном или официально-деловом стилях, или даже разговорно-бытовом и публицистическом.

Источником художественного текста является художник Слова, талантливый человек, писатель. Он всегда представляет себя лично (между прочим, поэтому так нестойки и недолговечны различного рода творческие объединения, группировки). Автор абсолютно свободен в выборе темы, способов ее выражения и т.п. Все, что общество может сделать, чтобы хоть как-то повлиять на творческую свободу художника, – это отказать ему в обнародовании его произведений. Впрочем, как правило, настоящего художника это хотя и несколько огорчает, но не останавливает: он пишет «в стол», но все-таки пишет так, как считает нужным. И история не так уж редко оказывается именно на его стороне.

Реципиентом художественного текста может выступать любой человек. Естественно, для этого нужно проявить интерес к художественному тексту, захотеть воспринять его, развить себя эстетически для того, чтобы это стало возможным. Но и в вопросе восприятия художественного текста есть свои особенности. Каждый реципиент художественного текста имеет право вычитывать и реально вычитывает в нем нечто свое, что позволяет говорить о таком его свойстве, как амбивалентность, т.е.

неоднозначность, открытость для нескольких (многих, даже бесконечного количества) интерпретаций.

Нередко художественный текст оказывается словно бы многослойным: за поверхностным уровнем фабулы могут проступать более глубокие уровни символов, образов, идей и т.п. Вот почему так сложно переводить по-настоящему талантливый художественный текст. В нем есть немало плохо поддающегося передаче в иной культурно-эстетической среде, и практически невозможным оказывается сохранение всего объема художественных средств и содержательных планов в их сбалансированности и взаимодействии. Именно поэтому даже великие переводчики и художники слова впадали в крайность, отрицая возможность художественного перевода, а заодно и перевода вообще.

Вряд ли можно составить хоть сколько-нибудь полный перечень всех языковых средств и механизмов, к которым прибегает автор для того, чтобы выразить свои мысли и чувства и донести их до своего читателя, тем более что набор этих средств меняется от эпохи к эпохе (что отчасти отражается в динамике литературно-эстетических школ, направлений, эпох), от автора к автору. Потенциально весь объем языка, все действующие в нем механизмы могут стать и в ту или иную историческую эпоху становились средствами художественной выразительности. Не случайно состояние национальной литературы, ее развитость и утонченность, ее история и традиции, богатство ее языка в многообразии его выразительных средств, стилистических уровней и ярусов свидетельствуют о развитии национального языка и национальной литературы во многом благодаря весомому вкладу великих художников слова.

Пожалуй, самой яркой отличительной чертой именно художественного текста является чрезвычайно активное использование тропов и стилистических фигур речи. Это свойство текстов художественного функционального стиля было замечено еще в древности. Тропы и фигуры речи являются мощнейшим способом обновления планов выражения, соответствующих одному и тому же плану содержания, а ведь именно в этом, как уже было сказано, состоит главный принцип, лежащий в основе создания и функционирования художественного текста: при ограниченности

интересующих искусство тем и проблем автор располагает неограниченной (или ограниченной лишь самим языком) палитрой художественных средств и приемов.

Говоря о репрезентативности перевода художественного текста, надо заметить, что количество ее критериев здесь заметно возрастает. Переводчик должен удовлетворить большему числу требований, чтобы создать текст, максимально полно представляющий оригинал в иноязычной культуре. Среди таких критериев, конечно, следует назвать сохранение по возможности большого количества стилистических фигур речи как важную составляющую художественной стилистики того или иного произведения. Перевод должен сигнализировать об эпохе создания оригинала: если перед нам античный текст, то и перевод должен создавать впечатление античного текста; репрезентировать по крайней мере основные особенности того или иного литературного направления, к которому относится автор; воспроизводить индивидуальный стиль автора оригинала.

К переводу поэзии, которая является, пожалуй, самым сложным видом перевода, предъявляются еще более строгие требования. Он должен воспроизводить не только содержание и не просто лишь какие-то (основные) черты плана выражения (чего в прозе, как правило, может быть достаточно), но стремиться к воспроизведению ритмических и метрических особенностей, сохранению количества и принципа чередования стоп (если они неодинаковы). Кроме того, переводчик поэзии должен воспроизводить особенности рифмы. По возможности переводчик должен передавать и звукопись подлинника. Таким образом, критерии репрезентативности в случае поэтического перевода становятся гораздо более многочисленными.

Говоря о художественном переводе, имеется в виду исключительно письменный перевод, причем в абсолютном большинстве случаев речь идет о переводах с иностранного языка на родной язык. Это вполне понятно и легко объяснимо, т.к. нужно быть носителем языка, чтобы создавать на нем художественные произведения, тем более что далеко не каждый носитель языка на такое способен.

ЛЕКЦИЯ 13

ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

1. Понятие переводческой стратегии в современном переводоведении.
2. Предпереводческий анализ текста.
3. Аналитический вариативный поиск.
4. Анализ результатов перевода.

1. Понятие переводческой стратегии в современном переводоведении.

В практике перевода понятие переводческой стратегии утвердилось давно. Под ним понимается *порядок и суть действий переводчика при переводе конкретного текста*. Иногда в этом случае применяется понятие «действия переводчика».

Однако в поле зрения переводоведов понятие переводческой стратегии попало сравнительно недавно. В последние годы оно разрабатывается такими теоретиками и практиками, как Д. Селескович, М. Ледерер, С. Басснетт-Макгайр, Х. Крингс, а среди первых исследователей, начавших анализ переводческих действий, можно назвать Ю. Хольц-Мянттяри.

Существуют и практические пособия, обучающие умению вырабатывать стратегию перевода. Среди наиболее популярных - учебное пособие для студентов Х. Г. Хенига и П. Кусмауля «Strategie der Übersetzung» (5-е издание вышло в 1999 г.), которое ставит своей целью обучить будущих переводчиков принимать верные решения на обширном материале примеров.

Вместе с тем с теоретическими обоснованиями понятия «переводческая стратегия» мы встречаемся крайне редко. К тому же при обсуждении стратегий преобладают директивные рекомендации. Скорее всего, это происходит потому, что его суть вытекает из практической деятельности переводчика и кажется само собой разумеющейся.

При этом следует разграничить понятия «переводческие действия» и «переводческая стратегия». Переводческими

действиями называют всю совокупность возможных действий по осуществлению перевода, а переводческой стратегией - осознанно выбранный переводчиком алгоритм этих действий при переводе одного конкретного текста (или группы текстов).

Х. Фермеер характеризует *переводческие действия* как экспертную деятельность по осуществлению межкультурной коммуникации, как ситуативно обусловленные действия, направленные в каждом конкретном случае на определенную цель; теорию «скопос» он считает составной частью этого более широкого понятия - теории переводческих (транслаторных) действий.

Ю. Хольц-Мянттяри подчеркивает, что смысл переводческих действий заключается в первую очередь не в экспертной коммуникативной деятельности, а в создании определенного продукта для других людей и во имя определенной цели, который она называет «дизайнерским продуктом». К этой характеристике переводческих действий Х. Рискю добавляет необходимость участия переводчика в общении с реципиентами. Это общение должно избавить переводчика от иллюзии, что он сам знает, какой текст нужен реципиенту.

Описывая переводческие действия как процесс создания «дизайнерского продукта», Ю. Хольц-Мянттяри перечисляет действия, необходимые для осуществления «дизайна текста»:

- уточнить свои представления о продукте и о потребности в нем;
- составить план действий;
- создавать текст;
- держать этот процесс под контролем;
- производить поиск средств перевода;
- модифицировать найденный материал, приспособив его для данного случая;
- аргументировать свои решения;
- производить постоянную адаптацию своих действий.

Большинство исследователей при обсуждении переводческих действий и порядка их следования (т. е. стратегии) имеют в виду письменный перевод. На этом фоне особенно ценным представляются выводы, сделанные М. Ледерер на материале

синхронного перевода: они показывают, что переводческие действия в большинстве своем одинаковы для любого вида перевода.

Так, М. Ледерер выделяет 8 операций, комбинация которых наблюдается во время работы переводчика-синхрониста:

1. Восприятие устной речи.
2. Понимание услышанного.
3. Интегрирование понятых единиц смысла в предыдущие знания, извлеченные из текста оригинала.
4. Формирование высказывания на ПЯ на базе когнитивной памяти.
5. Восстановление элементов высказывания на основе ИЯ с использованием прямых соответствий, осуществляемым автоматически.
6. Восстановление элементов высказывания на основе вербальной памяти (поиск слов для выражения понятого).
7. Слуховой контроль переводчика за собственной речью.
8. Осознание окружающей обстановки.

Из названных операций при письменном переводе отсутствует лишь седьмая - слуховой контроль за собственной речью. Остальные в том или ином виде имеют право на существование, но с некоторыми модификациями. Восприятие устной речи аналогично восприятию письменной, с той разницей, что при восприятии письменной речи задействованы зрительные рецепторы. Понимание базируется на этом восприятии. Интегрирование понятых единиц текста при письменном переводе включает и единицы смысла, воспринятые переводчиком не только из предшествующего, но и из последующего текста. Осознание окружающей обстановки можно для случая письменного перевода интерпретировать как осознание ситуативного контекста.

Следует отметить, что даже при синхронном переводе отдельные переводческие действия (операции) осуществляются последовательно, хотя, безусловно, существует феномен их наложения и даже одновременности. Так, восприятие и понимание в ситуации устного перевода накладываются и могут происходить *почти* одновременно, но все же понимание не может

предшествовать восприятию и т. п. Целый ряд исследователей видит процесс перевода как череду этапов. Так, Ж. Делиль предлагает различать 3 этапа: понимание, перевыражение и подтверждающий анализ, а каждый из этих этапов разбивает на несколько стадий. С. Басснетт-Макгайр считает, что существует определенная, объективно обусловленная последовательность переводческих действий, которая является залогом создания эквивалентного перевода.

Во всех упомянутых выше трактовках переводческих действий и их последовательности подспудно содержится представление о *переводческой стратегии*. Первым на понятие собственно переводческих стратегий остановил свое внимание Х. Крингс. Опираясь на экспериментальный материал, собранный с использованием методики *think aloud* («думания вслух»), он предложил понимать под стратегиями перевода потенциально осознанные планы переводчика, направленные на решение конкретной переводческой задачи. Х. Крингс различает макростратегию - способы решения ряда переводческих задач и микростратегию - способы решения одной задачи. С точки зрения макростратегии в процессе перевода автор отмечает 3 этапа: предпереводческий анализ, собственно перевод и постпереводческую обработку текста. Поскольку Х. Крингс опирается на экспериментальный материал, связанный с самосознанием личности, первый и третий этапы, согласно свидетельствам некоторых переводчиков, оказываются факультативными.

Х. Крингс отмечает также различия в алгоритме переводческих стратегий при переводе с иностранного языка и на иностранный язык. Примечательно, что при переводе на иностранный язык, когда переводчик испытывает трудности при поиске эквивалента просто по той причине, что языковой системой чужого языка он владеет не в полной мере, ему приходится сначала зачастую перевыражать мысль на языке оригинала, чтобы облегчить себе поиск эквивалента. При переводе с иностранного языка, напротив, приходится делать выбор в арсенале ПЯ (родного языка), системой которого переводчик владеет в совершенстве.

2. Предпереводческий анализ текста.

Предположим, что перед переводчиком текст оригинала и чистый лист бумаги или пустой экран компьютера. Долгое время - пока не придет окончательная зрелость - переводчика одолевает соблазн поступить «просто», т. е. взять да и начать переводить текст с начала и подряд, время от времени заглядывая в словарь.

Но с опытом понимаешь, что так ты потратишь времени значительно больше. Потому что после первой страницы вдруг становятся непонятными в тексте оценочные слова, которые ты сходу заменил нейтральными; на четвертой страницеобразишь, что язык текста вовсе не такой сухой и казенный, каким ты его делаешь, и что он близок к разговорной речи, да и термины нужно было передавать не в строго научном варианте, а в варианте околонучного жаргона. И начнутся переделки. Переделывая, ты уже не сможешь всякий раз удерживать в памяти, как давно ты употребил то или иное слово, - начнутся повторы, стилистические шероховатости, рассогласование во временных формах... И твой перевод будет загнан в состояние глухого черновика. Вот и получается, что гораздо выгоднее (по времени и по результату) к переводу подготовиться.

А это значит, что текст нужно обязательно пробежать глазами; если это целая книга, то почитать и полистать в разных местах, а затем выбрать несколько фрагментов и сделать специальный подготовительный анализ, который мы назовем предпереводческим (выделение этого особого этапа встречается теперь во многих пособиях, но состав анализа предлагается различный). Задача анализа - выяснить, что за текст перед нами. Кроме того, хорошо бы узнать, чего требует от переводчика заказчик и чего ожидает реципиент от текста перевода. Только после этого этапа возможен перевод, который почти не придется править. Таким образом, вместо экстенсивного пути проб и ошибок предлагается оптимальный интенсивный путь.

Однако вполне объяснимое человеческое самомнение порой заставляет переводчика упорствовать. Соображения примерно такие: ну что же, я совсем тупой, что ли, сам не соображу по ходу дела, что за текст? Ведь я прекрасно знаю язык, у меня богатый

словарный запас, чувство стиля вообще выдающееся - переведу, как интуиция подскажет, по вдохновению!

И ведь действительно угадываешь иногда! И все говорят: это «твой» текст, ты его прямо нюхом чуешь. А другой раз не угадаешь - и тогда говорят: это не твое, не рожден ты переводить такие тексты. Жаль, если недостаточно опытные переводчики из-за собственного невежества верят в эту дилетантскую чушь. Нет, не бывает текстов, для которых ты не рожден (художественные пока оставим в стороне)! Бывают плохо подготовленные, неопытные переводчики. И надо- то всего немного - иметь трезвую голову на плечах.

Трезвая голова и немного наблюдений над жизнью подскажут вам, что любой профессионализм - столяра, инженера, преподавателя, художника и переводчика в том числе, - складывается из вдохновения и холодного расчета. Холодный расчет - это отточенные профессиональные навыки, доведенные до автоматизма, а вдохновение (или, точнее, творческая интуиция) - это фактически выросшее из профессиональных навыков умение их комбинировать, отбирать необходимое. Это то ощущение, когда единственно верное решение возникает как будто из ничего, без осмысления - на самом же деле все давно осмыслено, и этап анализа можно уже пропустить. Путь к таким решениям у одних переводчиков короче, у других - длиннее, но без большой, полной внимания и сосредоточенности работы над текстом его не пройти.

А если пройдешь, тогда любое слово будет подсказывать выбор остальных, и тогда действительно создастся впечатление, что перевод рождается по вдохновению.

В таком случае следует идти путем «холодного расчета» - сделать необходимый анализ текста, готовясь к переводу.

Сбор внешних сведений о тексте. Некоторые из них очевидны, и их просто учитывают на будущее. Это: автор текста, время создания и публикации текста, то, из какого глобального текста взят ваш текст (предположим, информационная заметка из газеты «Геральд трибюн»; энциклопедическая статья из 2-го тома энциклопедии Майера; научная статья из журнала «Кардиология»). Все эти внешние сведения сразу много скажут нам о том, что можно и чего нельзя будет допускать в переводе. Например, если

текст прошлого века, пусть он и не художественный, при переводе необходима архаизация, т. е. предпочтение устаревшим словам и синтаксическим структурам. Если указан автор текста, то в определенных случаях (тексты публицистический, мемуарный, научно-популярный и др.) можно ожидать черт индивидуального авторского стиля, которые войдут в инвариант при переводе. Глобальный текст и место в нем нашего текста подскажет, с каким типом текста мы имеем дело.

К сбору внешних данных мы отнесем и учет пожеланий заказчика перевода. Это важно в тех случаях, когда заказчику необходим не просто перевод, но еще и попутная обработка текста: выборочный перевод, смена стилового регистра, адаптация и пр. Во всех остальных случаях, когда от переводчика требуется эквивалентный («точный») перевод, он ориентируется на тип текста оригинала.

Определение источника и реципиента. Важнейший и неочевидный момент - определить, кем текст порожден и для кого предназначен. Здесь можно легко попасть впросак, неверно определить источник и реципиента, а значит - взять неверные ориентиры в переводе. Так, деловое письмо имеет, казалось бы, конкретного автора, его подпись стоит в конце письма, но написано оно от имени фирмы и в ее интересах, следовательно, настоящий источник - фирма. Энциклопедическая статья также может иметь автора, и он указан, но фактический источник текста - редколлегия энциклопедии, а в составе сведений, входящих в статью, отражено, более того, мнение и трактовка, общепринятые и как бы утвержденные всем опытом человечества (возьмите любую энциклопедическую статью, к примеру, об Эйнштейне, о паровом двигателе, о барокко и т. п.).

Несколько проще определить реципиента, т. е. того, кому текст предназначен. Это может быть указано в аннотации к глобальному тексту или во вступительном разделе (в предисловии, если это целая книга, в редакционном обращении, если это журнал). В сложных случаях это выясняется лишь при дальнейшем анализе. А зачем нам непременно нужно это выяснить? Дело в том, что от этого зависят разнообразные языковые черты, которые непременно нужно передать в переводе. Если текст предназначен

детям, в нем необходимо сохранить простой синтаксис, доступный детям подбор слов, яркую, доступную образность. Если это текст, который написан для всего взрослого населения страны (инструкция к бытовому прибору, энциклопедическая статья), то в нем могут встречаться самые разные синтаксические структуры, но обязательно отсутствуют узкоспециальные и диалектальные слова.

Необыкновенно важно и верное представление об источнике. Главное, что дает это представление: понимание того, что автор очень часто - понятие формальное, и то, что он указан, не означает обязательно наличия черт его индивидуального стиля в тексте. Например, автор информационной заметки в ежедневной газете часто указывается, но его имя приводится, чтобы закрепить за определенным лицом ответственность за информацию.

Состав информации и ее плотность. Неожиданно важным оказывается тип информации, заложенной в тексте. Мы уже знаем, что вид информации является определяющим для типа текста и имеет свои средства языкового оформления. Удобнее всего при анализе «проверить» текст, который мы собираемся переводить, на наличие всех четырех типов информации.

Начнем с когнитивной. Есть ли в нашем деловом письме *когнитивная информация*, т. е. объективные сведения о внешнем мире? Это имя автора письма, название фирмы, наименования товаров, обозначение сроков их поставки, условий поставки. Все эти сведения оформляются в тексте особым образом. В первую очередь для них характерна терминологичность, т. е. большое количество языковых знаков, имеющих статус термина и признаки термина: однозначность, нейтральная окраска, независимость от контекста. Вот и ключ к переводу! Значит, переводить все это нужно однозначными соответствиями - эквивалентами, которые есть в словаре. Вторая важная черта: когнитивная информация оформляется в тексте средствами письменной литературной нормы, точнее, ее нейтрального варианта (деловой язык, научный стиль - в конкретных случаях письменная норма получает разные названия, но черты ее остаются стабильными). Обнаружив эту черту в оригинале, мы постараемся отразить ее в переводе, т. е. будем соблюдать нейтральную письменную литературную норму языка перевода.

Если наше деловое письмо содержит распоряжения, предписания для адресата, то очевидно, что в нем есть *оперативная информация*, выражаемая известными нам средствами: формами глагола в повелительном наклонении, глагольными конструкциями с семантикой необходимости или возможности, модальными словами. Выявив ее при анализе, мы затем передадим ее адекватными средствами.

Теперь посмотрим, представлена ли в деловом письме *эмоциональная информация*, т. е. имеются ли в тексте, если можно так выразиться, новые сведения для наших чувств. Да, и они есть. Это слова приветствия и прощания, высказанные в письме мнения и оценки. Правда, эмоциональная информация в деловом письме несколько стерта, ограничена рамками делового этикета. Так что в подлиннике не встретятся эмоционально окрашенные средства просторечия, которые допустимы в личном письме. Именно поэтому вам не встретится словосочетание «я страшно рад», а встретится «я искренне, необычайно рад» или «мне приятно было узнать»; не встретится «пока», а встретится «всего доброго».

Итак, можно сделать важный для перевода вывод: эмоциональная информация будет передаваться с помощью эмоционально окрашенной лексики и эмоционального синтаксиса, но средства передачи ограничены рамками делового этикета.

И ещё – есть ли в деловом письме *эстетическая информация*? Дает ли подобный текст ощущение прекрасного? Есть ли в нем для этого специальные средства – метафоры, рифма, игра слов, ритмичный синтаксический период, причудливые эпитеты?

Нет, признаков проявления эстетической информации мы не находим.

Итак, анализ информационного состава делового письма прямо подвел нас к выводам о том, как его нужно переводить.

Практический опыт перевода показывает, что переводчику часто попадаются тексты, в которых разные виды информации смешаны. Такова реклама, в которой в причудливом сочетании выступают все четыре вида: когнитивная информация (название фирмы, название продукта, его параметры, цена), оперативная (прямые призывы приобрести товар или косвенные – приглашение обрести новые ценности жизни), эмоциональная

(гиперболизированная положительная оценка качества продукта, черты близости к устной разговорной речи) и эстетическая (игра слов, рифма, фразеология, повторы).

Но, тем не менее, среди разнообразия текстов, которые человек разработал для удобства коммуникации, явно намечаются такие, которые специализированы на одном определенном виде информации. Так, научный текст специализируется на передаче когнитивной информации, текст бытового общения - на эмоциональной информации, художественный текст - на эстетической. Стратегию перевода именно таких текстов переводчику легче всего выбрать. Однако совершенно «чистыми» они все же не бывают. Даже самый строгий научный текст может содержать небольшую долю эмоциональной информации. Но для нас важно в принципе осознать, что от вида информации зависит выбор языковых средств при переводе - и на первом этапе того комплекса действий, который мы назвали переводческой стратегией, необходимо определить этот вид (или виды).

В анализе информационного состава текста существует параметр, который оказывается важным для перевода, - это *плотность* информации (компрессивность). Рассматривая разные тексты, мы обнаруживаем, что в некоторых из них, например в энциклопедическом, используется много сокращений, пропущены второстепенные компоненты синтаксической структуры и т. п. Это сигнал того, что в оригинале есть средства повышения линейной плотности информации, и в переводе их необходимо сохранить, найдя аналогичные средства. Отметим, что повышение плотности информации свойственно только когнитивному виду информации, хотя средства ее повышения (например, сокращения) могут встречаться и в художественном тексте и будут там выразителем эстетической информации.

Коммуникативное задание. Определив информационный состав текста, несложно сделать следующий шаг: сформулировать коммуникативное задание текста. Оно может звучать по-разному: сообщить важные новые сведения; убедить в своей правоте; наладить контакт.

Часто коммуникативное задание комплексно: сообщить новые сведения и убедить в необходимости купить, одновременно

доставить удовольствие тем, как текст сделан (реклама). Такая формулировка помогает переводчику определить главное при переводе, т. е. доминанты перевода.

Речевой жанр. Все описанные аспекты предпереводческого анализа еще не дают полного представления о том, как оформлен текст. Окончательное представление мы получим, если определим, к какому речевому жанру он относится. Человек разработал устойчивые типовые формы текстов, которые имеют свою историю, свои традиции. Подчеркнем, что эти типовые формы, за редким исключением, интернациональны, они не привязаны к определенному языку, так что этот аспект анализа, как и предыдущие, может проводиться на материале любого исходного языка и «работает» для другого, переводящего. Скажем, речевой жанр интервью или научного доклада вполне одинаково строится как во французском и немецком, так и в русском языке. Речевыми жанрами занимается функциональная стилистика, и мы не будем вторгаться в столь важную для целей перевода, сопредельную с ним, но все-таки чужую епархию. С функциональной стилистикой и речевыми жанрами переводчику необходимо познакомиться отдельно.

Не все характерные черты речевого жанра, которые выявлены предпереводческим анализом, нужно обязательно осознавать и учитывать переводчику. Например, он вряд ли изменит при переводе абзацную структуру текста, заменит монолог диалогом или повествование от третьего лица на повествование от первого лица. Но все они в совокупности составляют *систему* речевого жанра, и, чтобы выбрать в ней те, на которые следует обратить активное внимание (повторы, эмоционально окрашенную лексику и т. п.), необходимо знать систему в целом.

Переводческий анализ в устном переводе. Несмотря на то что устный перевод выполняется в обстановке дефицита времени, переводчик и здесь руководствуется определенной стратегией и для ее выявления неизбежно проводит некий анализ. Ведь еще до начала собственно перевода, перед этапом непосредственного восприятия текста, он получает начальные сведения о тексте. Опираясь на эти начальные сведения, получаемые от заказчика, переводчик определяет степень сложности, особенности текста, тематику

терминов, приемы, которые придется применять. Это и есть анализ устного текста. Он делается до работы и продолжается в процессе перевода. Анализ устного текста не требует особого времени, его навыку опытного переводчика доведен до автоматизма.

Анализ текста в устном переводе напоминает по своей схеме анализ текста в письменном переводе, только, пожалуй, он лишен того объема разнообразия доминирующих черт, а сам перевод допускает меньшую степень сохранения инварианта, поскольку делается в обстановке дефицита времени.

Так или иначе, должны быть четко ясны и источник, и реципиент. Источник сообщает информацию и выражает мнение от имени той группы людей, которую он представляет. Информационное сообщение по радио делается от имени информационного агентства и может одновременно соответствовать или противоречить позиции правительства; официальная речь произносится от имени общественной организации, коллектива профессионалов и т. п.; интервью может давать директор банка, спортсмен, политический деятель и т. п. Верное определение источника позволит прогнозировать те языковые средства, которые ожидаемы в тексте, в первую очередь - для определения тематической сферы лексики.

В жанре интервью характеристика источника осложнена тем, что он чаще всего выступает в нем не только как представитель группы, но и как личность. Это проявляется и в особых языковых средствах (отступление от литературной нормы, привлечение неожиданных пластов лексики, повышенная аллюзивность текста - скрытые цитаты и т. п.) - и переводчику необходимо знать, что такие особые средства в переводе могут встретиться.

Устный текст более узко, чем письменный, ориентирован на реципиента - на того, кто его слушает. Если аудитория состоит из специалистов (скажем, в области водоочистных сооружений), то в тексте можно ожидать особенностей, рассчитанных на высокий уровень профессиональной компетентности. Ведь если при восприятии письменного текста научной статьи на эту тему мы можем пополнять свои недостающие профессиональные знания с помощью справочников и словарей, то при устном восприятии мы должны иметь эти знания наготове, в активном запасе. С другой

стороны, мимика и описательное наличие эмоциональной информации в устном тексте облегчают восприятие содержания.

Итак, переводчику приходится заранее предположительно определить специфику реципиента, для которого он транслирует перевод.

Далее, важно четкое представление о коммуникативном задании данного текста. Это третий этап анализа в устном переводе. В соответствии с текстовыми жанрами переводчик может встретиться со следующими типичными случаями: у информационного сообщения - задание передачи когнитивной информации, поданной под углом зрения источника; у официальной речи - функция и информирующая, и оперативная, поскольку эмоциональные средства служат привлечению сторонников; у интервью к названным функциям добавляется еще и рекламная.

Затем, после уточнения источника, реципиента, коммуникативного задания, на четвертом этапе анализа, следует определить конкретные языковые средства, с которыми переводчику придется работать при переводе текста данного жанра. Получив ясное представление о специфике текста на первых трех этапах, сделать это уже несложно, но, учитывая дефицит времени, в обстановке которого устному переводчику придется, бегло просмотрев материалы будущего перевода или узнав о теме, выполнить анализ, надо отметить, что качество его перевода во многом зависит от того, насколько прочно закреплен навык выполнения такого анализа. Набор ведущих, доминирующих языковых средств всегда достаточно стабилен.

Для всех жанров текстов доминантой перевода является фон устного варианта литературной нормы языка. В устном информационном сообщении - простой синтаксис, ограниченное количество сложноподчиненных структур, обилие личных и географических имен, количественной цифровой информации, отсутствие узкоспециальной терминологии, стертая эмоциональность, выражаемая преимущественно порядком слов, оценочными эпитетами.

В интервью, отклонённых от литературной нормы, бывают значительны, меньше цифровой информации, встречаются иногда

специальные термины и экзотизмы, которые, правда, тут же, как правило, поясняются. Средств эмоциональности значительно больше, чем в информационном сообщении. К уже названным добавляются фразеологизмы, цитаты (в том числе скрытые), крылатые слова. Сложные синтаксические структуры не встречаются. Вопросы и ответы часто составляют единое смысловое, а иногда - и синтаксическое целое, и переводчику приходится держать в памяти содержание и структуру предшествующей реплики. В текстах этого типа важную роль может играть индивидуальный стиль оратора.

В официальной речи к доминирующим языковым чертам относятся: достаточно строгое соблюдение литературной нормы; традиционные формулы зачина, концовки и контактные формулы; обилие фразеологизмов, цитат, крылатых выражений (часто на латыни); риторические приемы, накладывающие свой отпечаток на синтаксис текста: риторические вопросы и восклицания, сложно построенный риторический период с лексическими и синтаксическими повторами, синтаксический контраст: чередование риторического периода с короткими оценочными предложениями; использование таких фигур стиля, как метафоры, сравнения, эпитеты, чередование временных планов, включая имитированное прошедшее, приближающее события прошлого к реципиенту, выраженное с помощью исторического презенса.

Своя специфика языковых средств характерна и для переговоров и дискуссий. Это, как правило, синтаксически несложные высказывания, порождаемые спонтанно: в зависимости от темы в них может встречаться узкоспециальная терминология. Главное же, к чему должен быть готов переводчик при переводе такого рода текстов, - это внезапно возникающее обилие эмоциональных средств, вплоть до табуированной лексики, если в ходе дискуссии разгорается конфликт.

Декларация или манифест - текстовый жанр, где эмоциональная окраска держится в рамках литературной нормы, с отклонениями в сторону высокого стиля, с использованием архаичной лексики и оборотов речи высокого стиля. Характерна юридическая терминология, поскольку тексты этого типа имеют официальный юридический статус. Манифест имеет обычно

строгую композиционную структуру, отдельные части текста имеют подзаголовки и оформлены наподобие статей закона.

На заключительном этапе анализа должны быть сделаны выводы о том, какие из названных признаков входят в инвариант и какими средствами они могут передаваться в переводе: личные и географические имена, термины, названия фирм и организаций - с помощью однозначных соответствий, фразеологизмы - по мере возможности на том же уровне семантической связанности или с помощью замены нарицательным семантическим эквивалентом, высокий стиль - системно и т. п.

Современный уровень профессиональной корректности переводчика требует и в устном переводе учитывать индивидуальность автора текста. В обстановке дефицита времени это - чрезвычайно сложная задача. Хорошо, если переводчик работает с известным оратором, специфика стиля которого общеизвестна, или если у него есть возможность изучить стиль своего клиента заранее. На обиходном уровне любимые обороты речи, характер образности, дефекты речи у популярных ораторов известны всему населению. Переводчику же необходимо не просто их опознавать, но и уяснить себе ведущие характеристики этих стилей. Однако гораздо сложнее, если индивидуальность речи оратора обнаруживается лишь в ходе перевода. Тогда даже навык анализа не обеспечит передачи всех черт, и в переводе они окажутся ослабленными.

3. Аналитический вариативный поиск.

Следующий этап перевода, присутствующий во всех переводческих стратегиях, - это создание текста перевода.

Что делает переводчик, когда он переводит? Он преобразует текст, порожденный на одном языке, в текст на другом языке. Но что конкретно он делает и как можно оптимизирован, это! процесс?

Процесс перевода - это поиск. И переводчик может вести свой поиск вслепую, случайно попадать в точку или впросак. Мы с вами хотим этого избежать и поэтому уже подготовились, проведя предпереводческий анализ. Мы знаем, какие особенности текста мы постараемся передать в переводе. Осталось отработать технику.

А для этого продуктивнее всего попробовать пойти аналитическим путем - опять путем «холодного расчета». Попробуем осознать каждый свой шаг на простом примере, всякий раз комментируя свои действия и объясняя их причину. Предположим, первая фраза текста, который вам нужно перевести, гласит: «Jeder weiss: Aller Anfang ist schwer». Переведем ее так: «Всякий знает: лиха беда начало» и прокомментируем свой перевод: Первую часть фразы мы переводили, вычленив как минимальную единицу перевода слово - отдельно «всякий» и «знает», выбирая подходящие вариантные соответствия. Определяя вариант, мы ориентировались на то, что перед нами текст журналистского эссе, основа стиля которого - письменная литературная норма, что и видно в окраске слов подлинника.

Поэтому из возможных вариантов: «всякий», «всяк», «любой», «каждый», «кого ни возьми», мы выбрали «всякий» (вариант с легким оттенком консервативности письменной нормы). Возможен был и более нейтральный вариант «каждый». По той же причине среди вариантов «знает», «в курсе», «рассекает» и др. мы выбрали «знает». Вторая часть фразы представляет собой фразеологизм, а именно - пословицу. В любом речевом жанре и при любом информационном составе текста пословица несет важные функции: компактным образным способом передать информацию с оттенком просторечия, а может служить и элементом ритма текста. Поэтому во всех текстах, кроме устных, ее передают с сохранением формальных особенностей; передача описательным способом недопустима. Вот почему мы передаем вариантным соответствием, с частичным изменением образа («лиха беда» по сравнению с «schwer» является гиперболой), но с сохранением ритма и оттенка архаичности (в подлиннике это употребление «Aller» вместо современного «jeder» в сочетании с «Anfang», - в переводе «лиха» - краткая форма прилагательного).

Рассматривая всю пословицу как семантическое единство, в качестве единицы перевода выступает предложение. Таким образом, при комментировании определяются единица перевода, тип и вид соответствия.

4. Анализ результатов перевода.

Перевод выполнен. Осталось просмотреть его и здраво оценить. Поскольку на этапе подготовки и в процессе перевода мы старались себя контролировать, нам остается в основном техническая работа.

Прежде всего, необходимо сделать сверку текста: не пропущено ли случайно слово или фрагмент текста. Затем оценивается единство стиля текста перевода, уже без сопоставления с подлинником, т. е. делается редакторская правка, о которой шла речь. Разумеется, все собственные огрехи заметить не удастся, поэтому, если перевод публикуется, он проходит (в зависимости от целей издания) литературное, научное и издательское редактирование. Но первоначально соответствие литературной норме языка перевода и уже упомянутое единство стиля должен выверить сам переводчик. Единство стиля: не попало ли в перевод неподходящее словечко, не отвечающее основным чертам стиля подлинника, не слишком ли искусственно выглядит на фоне текста стилистическая фигура, сконструированная переводчиком, - все это поддается контролю. Попутно выявляются мелкие стилистические шероховатости: слишком частый повтор одного и того же слова (обычно переводчики знают за собой любовь к определенным словам и могут невольно наполнять ими перевод), неудачные сочетания придаточных, рассогласование во временах, неправильное падежное согласование.

Исследуя понятие переводческой стратегии и этапы, составляющие ее алгоритм, мы выявили и описали лишь необходимые ее составляющие, базирующиеся на общих закономерностях порождения «вторичного» текста, текста перевода и не касаясь частных случаев «микростратегий». Определяющим для выбора конкретных переводческих действий в рамках стратегии перевода оказался тип текста и содержащаяся в нем информация, что еще раз подтверждает значимость параметра вида информации для транслатологической классификации типов текста.

Однако такие рассуждения представляют собой некое обобщение, рассматривающее наиболее типичные черты реальных стратегий, поэтому невольно представляется идеальная стратегия

идеального текста. При формировании стратегии перевода реально существующего текста переводчик часто сталкивается с тем, что исходный текст не идеально соответствует тому или иному типу, что стиль его неровен и т. п. Основой для корректировки стратегии перевода в этом случае может служить характеристика источника: если источник индивидуален, т. е. в тексте присутствует авторское начало, авторский стиль, тогда переводчику придется воспроизводить все неровности текста, ведь ответственность за них несет автор оригинала; если же авторское начало отсутствует - переводчик ориентируется на тип текста и его конвенции и вправе исправлять стиль оригинала.

Дальнейшие исследования, в том числе и экспериментальные (пока их явно недостаточно), должны выявить вариативность переводческих стратегий в зависимости от личности переводчика и его профессиональных умений и меру связи ошибок переводчика с оптимальностью выбора стратегии. Это позволит уточнить представления как о процессе перевода, так и о критериях его эквивалентности. Результаты таких исследований будут воплощены в дидактике перевода и способствовать росту качества перевода.

ЛЕКЦИЯ 14

ИСТОЧНИКИ ПОМЕХ В МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

1. Оригинал как источник помех в процессе межъязыковой коммуникации.
2. Процесс перевода как источник помех в межъязыковой коммуникации.
3. Реципиент сообщения как источник помех в межъязыковой коммуникации.
4. Перевод как коммуникативный акт «повторяющего» типа, средство преодоления энтропии при межъязыковой коммуникации.

1. Оригинал как источник помех в процессе межъязыковой коммуникации.

Прежде всего, следует заметить, что вопреки довольно широко распространенному мнению о возникновении помех только на этапе переноса информации, источником энтропии может выступать уже оригинал.

Оригинал – это текст (в широком смысле слова, т.е. он может быть как письменным, так и устным). И потому уместно будет напомнить следующее высказывание немецкого переводоведа Г. Хёнига (H. Hoenig): «Живые тексты – это дефектные тексты». Несмотря на кажущуюся неправомерно абсолютизирующую парадоксальность этого высказывания, оно во многом все-таки отражает действительное положение вещей.

Текст – это последовательность знаковых единиц, объединенная смысловой связью. Основными свойствами текста являются связность и цельность. Связность текста складывается из внешней связности и внутренней осмысленности. Текст должен быть таким, чтобы в конце концов достигать цели того конкретного коммуникативного акта, в условиях которого он порождается, не распадаться на части в плане выражения, а следовательно, и в плане содержания. Чисто механическое нагромождение не выстраивающихся в слова звуков, несвязанных слов и предложений

не может иметь никакой рационально осознаваемой коммуникативной установки. Все, что такого рода антитекст может произвести, – это озадаченность реципиента. Ни о каком конструктивном коммуникативном процессе говорить в таком случае не приходится.

Для того чтобы текст способствовал достижению той цели, которая поставлена перед ним в данном коммуникативном акте, он должен быть определенным образом организован в плане содержания и в плане выражения. Другими словами, достижению цели коммуникации в тексте подчинены все лексические средства – тектонические (порядок слов), интонационные (если текст устный) и т.д. В плане содержания текст должен особым образом «разворачивать» заключенную в нем мысль: поэтапно, логически выстраивая исходные положения, их развитие (комбинирование, сталкивание и т.п.), выводя из них конечные, итоговые положения.

Еще одним важнейшим условием правильного (требуемого) восприятия текста является общий фонд знаний, или коммуникативный фон, присущий участникам коммуникации. Отсутствие такого общего фонда, или фона, приводит к невозможности хоть сколько-нибудь эффективно осуществлять общение. Поэтому наличие реципиентов, объединенных одним, общим для них фондом знаний, совпадающим по крайней мере настолько, насколько этого требует успешное восприятие данного текста, является совершенно необходимой составляющей акта коммуникации.

Но в реальной жизни дело нередко обстоит совсем не так. Отнюдь не всегда порождаемые людьми тексты отвечают предъявляемым к ним требованиям, т.е. обладают внутренней цельностью, связностью и внешней стройностью за счет соответствующих текстообразующих показателей. Тексты могут оказаться дефектными и в плане содержания, и в плане выражения. Да и участники коммуникации могут не обладать одинаковыми, необходимыми для достижения цели коммуникации знаниями или опытом.

Действительно, в плане содержания очень часто можно наблюдать нелогичность изложения мысли, ее недостаточную продуманность и т.п. В плане выражения текст может быть

оформлен так, что восприятие его окажется совсем не простой задачей. Скажем, могут быть допущены искажающие текст фонетические ошибки: сильное иностранное неправильное произношение тех или иных слов, неправильный интонационный контур, что в языках типа русского может превратить вопрос в утверждение, а утверждение, наоборот, в вопрос, и тп. Например, один студент-американец попал в неприятное положение из-за того, что в переполненном московском автобусе перепутал интонацию утверждения с интонацией общего вопроса во фразе «Вы сходите сейчас?», обращенной к стоявшему перед ним пассажиру. Человек, понятно, услышал в ней приказ, а не вопрос, – приказ покинуть автобус, хочет он того или нет, и отреагировал весьма недружелюбно.

В плане выражения текст может быть искажен также лексическими ошибками, например нарушающими связь между высказываниями, а значит, и логику языкового развертывания текста, и в результате план содержания расходится с планом выражения.

К ошибкам в плане выражения может привести и неправильный порядок слов в предложении. Этот тип дефектности плана выражения текста мешает достижению коммуникативной цели в языках типа немецкого и английского, где порядок слов в предложении, или правильность в организации тектонических средств, играет ключевую для его понимания роль. Часто именно от порядка слов в английском или немецком предложении зависит, что перед нами – вопрос или утверждение.

Наконец, если адресат сообщения не учитывает фонда знаний своего собеседника, получателя сообщения, коммуникативный акт не может состояться, и уж точно ему будет нанесен более или менее значительный ущерб.

Все перечисленные компоненты текста обычно критически анализируются в тексте перевода. Но не следует забывать о том, что дефектным нередко оказывается уже исходный, оригинальный, текст.

Изначальный текст (оригинал) может содержать ошибки «механические». Например, при произнесении оригинала, подлежащего переводу, говорящий может дважды повторить одно

и то же слово, употребить частицы и междометия, заполняющие паузы в момент обдумывания продолжения речи (в русском языке *ну, э-э-э*, в английском *well, whatchamacallit* и т.д.). Адресант сообщения может оговориться (перепутать слова и т.п.). В письменном, набранном на компьютере тексте могут быть допущены ошибки, например, при копировании (методом *cut-and-paste*) и составлении фрагментов других текстов в окончательный текст оригинала: один и тот же фрагмент может быть – по ошибке – скопирован и внесен в текст оригинала дважды или не туда, куда следовало.

Наконец, если адресат сообщения не учитывает фонда знаний своего собеседника, получателя сообщения, коммуникативный акт не может состояться, и уж точно ему будет нанесен более или менее значительный ущерб.

Сложнее дело обстоит с опечатками, порождающими иные смыслы. Скажем, в английском предложении *When I saw the men, the vision startled me* об ошибке в слове *men* (в некотором гипотетическом тексте) можно догадаться только при сопоставлении этого предложения с предшествующим ему, например таким: *A man entered my room*. Иначе понять невозможно, ошибка перед нами или нет. Контекст особенно важен в устном переводе. Например, иногда оказывается невозможным, по крайней мере, до следующей фразы, определить, что имеется в виду – *sun* (солнце) или *son* (сын), и т.п.

Могут быть допущены ошибки в приводимых (чаще всего числовых) данных: перепутан порядок числа – 10 вместо 100; допущена ошибка в статистических или иных данных, например относительно численности населения той или иной страны, города и т.п. Из-за каких-то технических ошибок подписи к фотографиям, графикам, таблицам и их описания могут не соответствовать самим фотографиям, графикам и таблицам.

Все подобного рода погрешности оригинала в информационно-центричных текстах при переводе, как правило, устраняются переводчиком. Собственно, на корректировки такого типа рассчитывают и заказчики перевода. Исключением из этого принципа поведения переводчика в отношении ошибок в исходном тексте следует считать перевод текстов эстетически

ориентированных (художественных, публицистических), где такие ошибки могут быть намеренным художественным приемом, а потому должны быть сохранены. Даже если они, скорее всего, являются ошибками, переводчик их оставляет в тексте без изменения и дает соответствующие примечания, где может быть дана правильная (с точки зрения переводчика, редактора или издателя) информация.

2. Процесс перевода как источник помех в межъязыковой коммуникации.

Еще одним фактором, порождающим помехи в процессе перевода, является сам процесс перевода и его результаты, находящие отражение в тексте перевода. Например, оригинал может характеризоваться определенным отклонением от литературной нормы ИЯ. Текст может быть создан на каком-нибудь его диалекте или социолекте. Конечно, это никак не должно быть источником помех, если переводчик подготовлен к работе с такого рода текстами. Если же он недостаточно подготовлен, то возникает опасность неправильного понимания исходного текста, а соответственно, в тексте перевода могут возникнуть ошибки, иногда серьезные, фактические, что, конечно, недопустимо.

Как переводчик должен поступать в такого рода ситуациях, вопрос, безусловно, важный и требует особого разговора. Во всяком случае, он меньше всего должен думать о сохранении своей репутации за счет интересов людей, для которых работает.

Чтобы быть способным квалифицированно осуществлять свою профессиональную деятельность, переводчик должен знать язык оригинала, язык перевода и предмет речи. Другими словами, он должен отлично владеть обоими вовлеченными в перевод языками. При этом важно понимать, что каждый из трех элементов абсолютно необходим, незаменим, ни одним из них нельзя пренебречь. Если это условие не будет соблюдено и хотя бы один из компонентов этой триады будет отсутствовать, под угрозой срыва окажется весь коммуникативный акт.

Что подразумевается под отличным владением обоими языками? Очевидно, переводчик должен быть подготовлен так, чтобы владеть грамматикой обоих языков, их лексикой, уметь

беспрепятственно выражать свои мысли хотя бы на уровне бытового общения, а также в своей профессиональной сфере (лингвистика, литературоведение, медицина, банковское дело и т.д.); он должен видеть и уметь воспроизводить разницу между текстами, созданными на одном и том же языке, но принадлежащими к разным функциональным стилям; обладать основными сведениями о культуре стран, языки которых используются в процессе перевода.

Говоря о лингвистической компетентности переводчика, следует помнить о различии языка и речи. Речь можно назвать воплощением, реализацией языка как системы. При этом речь динамична, вариативна, субъективна, произвольна в отличие от стабильного, инвариантного, объективного и императивного языка.

Именно этим объясняется огромный спектр реализаций языковых системных требований в конкретных речевых актах – от почти идеального стиля высокообразованного ратора до ломаной, с трудом понимаемой носителями языка речи иностранца. В этой связи можно говорить о языковой норме, но вряд ли о норме речевой (разве что в смысле функциональных стилей).

Владение иностранным языком – это владение языковой литературной нормой. Конечно, неспециальное языковое обучение, особенно в последнее время, ориентировано на несколько менее требовательное отношение к тому, насколько высок уровень студента во владении языковой нормой. Но, так или иначе, ставка делается на активное овладение данным языком и, главное, императивной (строго обязательной) нормой. Ознакомление с диспозитивной (не строго обязательной) нормой, «разрешающей» колебания в употреблении тех или иных форм языковых единиц (например, колебания в ударении: *иначе – иначе* и т.п.), занимает в процессе обучения (особенно иностранному языку) гораздо более скромное место.

Обучение же переводу и тем более собственно осуществление переводческой деятельности – это выход в гораздо более обширную и разнообразную сферу реальной речевой деятельности, осуществляемой на данном языке (языках). Таким образом, овладение языком (особенно иностранным) – это именно овладением *языком*. Переводческая деятельность связана в

большей степени с *речью* в виде текстов со всей присущей ей изменчивостью.

Специалисты-переводчики подчеркивают неизбежность элемента непредсказуемости в процессе осуществления любого типа перевода. Одним из его проявлений, бесспорно, является непредсказуемость речевой деятельности переводимого человека. И переводчик-профессионал, конечно же, должен быть всегда готов к этому.

Элемент непредсказуемости в работе переводчика может проявляться на разных языковых уровнях: фонетическом (различные акценты одного и того же языка), лексическом (различные тематико-семантические пласты), синтаксическом и т.д. Языковая норма, которой обучают на уроках языка (родного или иностранного), безусловно, пригодится будущему переводчику для собственного речепроизводства, а к восприятию всего многообразия речепроизводства людей, которых он будет переводить, его готовят уже на занятиях по практическому переводу.

Действительно, переводческая деятельность не ограничивается произведениями речи, соответствующими только императивной норме. В ней встречаются тексты, искажающие в той или иной степени литературную норму ИЯ (на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, стилистическом уровнях). Таким образом, вариативность как неотъемлемый компонент переводческой деятельности не сводится только к вариативности тематической. Она идет дальше и глубже.

Переводчик должен знать и, когда это необходимо, учитывать в своей работе, добиваясь репрезентативности перевода, различия между разновидностями (в том числе диалектами, говорами и т.п.) языков, с которыми он работает. Так, если он работает с немецким языком, он должен знать и немецкие говоры, представленные в Германии, а кроме того, швейцарскую и австрийскую разновидности немецкого языка. При работе с французским языком он должен, по крайней мере, понимать различные говоры людей, живущих не только в современной Франции, но и в Бельгии, и в канадском Квебеке, и в бывших французских колониях, например в Африке. Если речь заходит об испанском языке, понятно, что к

языку собственно Испании добавится целый ряд разновидностей этого языка Южной и Центральной Америки.

И все это не говоря о том, что переводчику-писменнику (особенно тому, кто занимается переводом художественной литературы) просто необходимо хорошо изучить историю чужого языка, поскольку в сфере художественного перевода ему весьма часто придется сталкиваться не только с современными разновидностями того или иного языка, но и с его архаическими или архаизированными (возможно, всего лишь стилизованными под архаику – и тем не менее) видами.

Для переводчика, работающего с английским языком, необходимо знать основные различия между британской и американской его разновидностями. Конечно, хорошо, чтобы он знал и особенности канадского, и австралийского, и новозеландского, и индийского английского, и английского других бывших колоний Великобритании, но без понимания различий между британским и американским английским переводчику просто не обойтись.

Прежде всего проблема существования разновидностей того или иного языка касается устного перевода. Действительно, переводчик, работающий с парой языков английский–русский (и наоборот), в любой момент может столкнуться с какой-нибудь из ныне существующих разновидностей английского языка. Ему, привыкшему к традиционному в нашей стране британскому английскому и впервые столкнувшемуся с американским (и не просто в качестве собеседника, который может и недопонять, и вообще не понять слово или целое выражение, а в качестве переводчика), как правило, требуется некоторое время для языковой адаптации и уяснения для себя того, что и как произносится данным носителем английского языка, какая лексика им употребляется и в каком значении.

Именно поэтому в своей книге «Теория и практика синхронного перевода» Е.В. Чернов специально говорит о необходимости обучать переводчика-синхрониста (а, по сути, это требование может быть распространено на любого переводчика) особенностям звукового строя не только британского, американского, но и австралийского, индо-пакистанского,

африканского вариантов английского языка. Чернов совершенно справедливо подчеркивает, что на международных конференциях большинство ораторов говорят на английском, имея в качестве родного другие языки. В этом случае осложняющим работу переводчика фактором становится заметная степень интерференции родного языка каждого конкретного оратора, проявляющаяся и на фонетическом, и на лексическом, и на синтаксическом уровнях.

Переводчик (особенно устный) должен уметь почти мгновенно, на месте редактировать определенного рода высказывания, которыми, к сожалению, изобилует речь наших даже самых высокопоставленных государственных лиц. Низкая культура речи (например, политиков, хотя и не только их) – для переводчика не объект критики (как, например, для специалистов в области орфоэпии), не объект насмешек (как, скажем, для широкой публики и журналистов), а серьезное препятствие на пути обеспечения эффективной коммуникации.

В недавнем прошлом неуклюжие высказывания публичных лиц печатал журнал «Итоги» (совместно с «Newsweek») в рубрике «Междометия». Материалы этой рубрики служат прекрасным материалом для упражнений на «мгновенное редактирование», умение понять то, что хотел сказать человек, а уж потом переводческий обрабатывать детали. Например, такое высказывание: *Бывает, она, эта волокита, не связана с непорядочностью, хотя часто это два, так сказать, полушария одного события* (Ю. Лужков). Это высказывание помимо типичных для устной речи повторов (*она, эта волокита*), которые уже сами по себе загромождают речь, затрудняя для потенциального переводчика вычленение и запоминание фактической информации, содержит еще и речевую контаминацию (*два полушария одного события*) не совсем понятного происхождения («две стороны одной медали»?). Если бы переводчику нужно было переводить это высказывание, ему пришлось бы выступить прежде всего в роли интерпретатора-редактора, определенным образом мгновенно трансформировав это высказывание, попытаться передать основную мысль московского мэра.

«Прекрасным образцом» русского канцелярита может служить следующее высказывание из упомянутого издания: *Хотя по душе в*

русском народе нет антисемитизма, но, к сожалению, нас беспокоят отдельные факты его проявления (В. Матвиенко). Опять таки здесь есть контаминации (*по душе в русском народе* вместо *в душе у русского народа*), а также выдержанная в лучших традициях русского канцелярита фраза *отдельные факты его проявления*. Трудность для потенциального переводчика заключается в необходимости быстро преодолеть препятствия, создаваемые неумением четко выразить мысль, стремлением передать ее хотя и с определенной долей личного отношения, но все-таки более строго (отсюда канцелярит). Понятно, что навыкам такого перевода (с элементами редактуры) нужно обучаться специально.

Может показаться, что все вышесказанное в основном относится к проблемам, с которыми сталкиваются только устные переводчики.

Однако задача перевести текст, написанный, например, не на литературном английском языке, может встать и перед переводчиком, работающим в сфере письменного перевода.

Если идеальные или по крайней мере вполне корректные тексты-оригиналы себе представить можно, то идеальных переводов не существует. Любой перевод лишь бесконечно стремится приблизиться к оригиналу. При этом чем менее информационно-центричным является текст-оригинал, тем не менее близким к нему окажется его перевод (или переводы). Чем больше ставка в оригинале на форму (как, например, в художественных текстах), тем сложнее передать оригинал на ПЯ и тем больше потерь.

Содержание более или менее универсально у всех народов (общечеловеческие понятия, логика мышления и т.д.), в то время как форма выражения этого содержания очень разнится от народа к народу, от культуры к культуре, от языка к языку. Осознание этой проблемы заставило многих переводчиков усомниться в возможности успешного перевода вообще.

В этих условиях неизбежной энтропии оригинальной информации переводчик должен решить для себя (и эмпирически решает постоянно), какие помехи он должен устранить, а с наличием каких следует смириться.

Другими словами, одни ошибки или неточности его перевода должны быть признаны существенными (и по возможности быть устранены), другие – несущественными в зависимости от некоего сформированного у переводчика при ознакомлении с оригиналом представления о минимальном наборе его основных характеристик. Если эти характеристики в переводе сохранены, он признается удовлетворительным, или репрезентирующим оригинал. Таково необходимое и достаточное условие. Все дефекты перевода, препятствующие выполнению его репрезентирующей оригинал функции, считаются существенными, прочие несущественными.

Но встает закономерный вопрос о наборе критериев для определения существенных характеристик оригинала, обязательно подлежащих переводу. Обладая им, можно выявить, что от оригинала нужно сохранить в переводе, а чем можно пожертвовать. Иначе говоря, вооружившись таким набором критериев репрезентативности перевода, мы можем определить уровень допустимой энтропии (в терминах теории информации). Минимальный набор требований, предъявляемых к переводу текстов, принадлежащих к любому функционально-стилистическому пласту, следующий.

Во-первых, перевод должен сохранить фактическую информацию оригинала и цель высказывания. Иначе он утрачивает одну из наиболее существенных характеристик оригинала, т.е. переводчик создает свой собственный текст, а следовательно, не репрезентирует оригинал.

Важно, однако, понимать, что фактическая информация, содержащаяся в оригинале, понимается широко. Это весь объем предметно ситуативных сведений, которые вкладывал в свой текст создатель оригинала. В большинстве текстов переводчик прежде всего воспроизводит план содержания (исключение составляют только тексты художественные). При этом он может воспользоваться совершенно отличными от оригинала единицами плана выражения. И различия плана выражения ПЯ и ИЯ не будут сводиться только к различиям на уровне фонетических комплексов.

Это могут быть различия и на уровне морфологическом (иные части речи), и на уровне лексическом (иной набор лексических единиц для описания данной ситуации), и на уровне

синтаксическом (иной порядок слов), и на уровне стилистическом (возможна нейтрализация некоторых маркированных стилистически особенностей оригинала).

Например, русской фразе *Дайте мне почитать эту книгу* соответствует английская *Can I borrow this /your book?* Как видим, фраза значительно изменена в плане выражения по сравнению с оригиналом, но именно в таком виде она соответствует русскому варианту. А буквальный перевод *Give me this book to read* абсолютно неприемлем, даже при том, что в нем нет ни грамматических, ни других ошибок. Причина в том, что данная фраза не соответствует стилистико-узуальным требованиям ПЯ (английского языка) и потому искажает оригинал на уровне его эстетико-нормативных характеристик. Зато изменение плана выражения дает возможность более точно отразить заложенную в оригинале информацию, включая ее стилистико-узуальный компонент, и обеспечить верную передачу цели сообщения.

Перевод должен сохранить *тон* оригинала, т.е. хотя бы самые существенные его стилистические характеристики. При том, что не всегда представляется возможным сохранить все стилистические черты оригинала, нужно «просигнализировать» в переводе, каков его тон, т.е. та часть плана выражения, которая складывается из коннотативно маркированных элементов текста оригинала. Если события описываются с принадлежащих к любому функционально-стилистическому пласту, следующий.

Перевод должен также сохранить отношение автора к тому, о чем он говорит. Искажение позиции автора, его мнения по какому-то вопросу, смягчение или, наоборот, усиление тех или иных аспектов излагаемого материала следует считать существенным недостатком перевода. Переводчик обязан всегда объективно отражать позицию автора.

Таков минимальный набор критериев репрезентативности перевода. Он может быть применен к переводам текстов любого функционального стиля. Набор этот будет расширяться, если тексты оригиналов в большей степени ориентированы на план выражения. Так, публицистические и художественные тексты требуют от переводчика усилий по максимальному сохранению в переводе не только плана содержания, но и плана выражения.

Минимальный набор требований репрезентативности перевода должен быть критерием его оценки. Если допущенные неточности не искажают темы и цели оригинального высказывания, его тона (наиболее существенных стилистических характеристик) и позиции автора, то с ними можно (и нередко придется) смириться.

К переводу художественного прозаического или поэтического произведения предъявляются более высокие требования. Так, В. Брюсов считал, что переводчик стихотворного произведения при передаче рифм хотя бы одно из рифмующихся слов должен перевести соответствующей ему лексической единицей из ПЯ. Понятно, что такое требование касается исключительно поэтического перевода, да и то, скорее отражает личный взгляд на перевод В. Брюсова. Из этого следует, что расширение минимального набора требований репрезентативности может варьироваться от переводчика к переводчику, в то время как минимальный набор вряд ли может быть сокращен (исключение составляет так называемый сигнальный перевод, о чем см. в гл. 7).

Специально следует оговорить вопрос сохранения в переводе объема оригинала. Современное состояние развития теории и практики перевода свидетельствует о том, что требование сохранения текстуально-вербального объема оригинала не может быть введено в минимальный набор требований репрезентативности. Часто на практике от переводчика не требуется воспроизведение оригинала средствами ПЯ в полном объеме, и это относится не только к сигнальному переводу. Тем не менее способность такого несколько усеченного перевода репрезентировать оригинал не подвергается сомнению. Сокращение объема (хотя и считается нежелательным) практикуется даже при переводе художественных текстов. Но даже с купюрами текст перс вола *de facto* признается (пусть и в течение какого-то ограниченного периода времени) репрезентирующим оригинал.

Однако если перед переводчиком стоит задача перевести оригинал в полном объеме, то полнота объема перевода автоматически становится подлежащим выполнению требованием репрезентативности! В этом случае минимальный набор

расширяется за счет добавления к нему еще и требования возможно полной передачи объема оригинала.

3. Реципиент сообщения как источник помех в межъязыковой коммуникации

Причиной появления энтропии перевода может быть и его получатель, не обладающий достаточным фондом знаний для правильного понимания адресованного ему отправителем сообщения. В этом случае переводчик нередко берет на себя функции не просто посредника, но и толкователя текста оригинала для его получателя.

В свете данной проблемы несовпадения объема знаний у отправителя и получателя сообщения важно подчеркнуть, что репрезентативность не сводится к чисто лингвистическому соответствию текстов оригинала и перевода. Отнюдь нет, особенно в наше время активизации международных связей, когда нередко в непосредственный контакт вступают не просто носители различных языков, но и различных культур. Учет культурных установок отправителя и получателя переводимого текста требует (порой существенного) переосмысления роли переводчика в условиях межкультурной коммуникации. Из межъязыкового и межличностного посредника он превращается в посредника межкультурного.

Важной также представляется проблема вариантности перевода.

Соотношение текстов оригинала и перевода уже само по себе – вопрос в высшей степени сложный, поскольку в данном случае имеется в виду не механическое тождество, а диалектически многоаспектное сопряжение двух текстов. С одной стороны, эти тексты связаны, причем один более независим (оригинал), другой менее (перевод); с другой – о ми в известной мере «живут своей жизнью» каждый в своем культурно языковом локусе. Но когда мы переходим к анализу нескольких переводов одного и того же оригинала, проблема еще более усложняется.

Чаще всего несколько переводов создается в случае с художественными произведениями. Уже давно замечено, что, в отличие от оригинала, которым является выдающееся литературное

произведение, его перевод устаревает. Это объясняется тем, что он репрезентировал свой оригинал для своего времени, своего поколения читателей. С изменением читательской аудитории перевод перестает отражать присущую оригиналу полифонию смыслов. На смену ему приходят вновь создаваемые переводы, те, в свою очередь, сменяются новыми и т.д. В результате создается ситуация, при которой в одной культурно-языковой среде оказывается более одного перевода одного оригинала. Иногда в одно и то же время (чаще всего независимо друг от друга) создаются несколько переводов одного и того же произведения.

Предположим, что оба перевода в полной мере репрезентативны. В этом случае возникает проблема, требующая теоретического осмысления: как у одного текста могут быть два в более или менее равной степени репрезентативных перевода? Это порождает вопрос, относительно чего можно говорить о вариативности конкретных переводов?

Можно сказать, что вариантами переводы являются относительно того, что называется «переводом вообще». «Перевод вообще» – это виртуальная сущность в отличие от актуальных (реализованных материально) переводов. Соотношение между разными текстами перевода одного и того же оригинала есть соотношение между единицами этического и эмического уровней.

Иначе это можно выразить так. Соотношение «перевода вообще» и его конкретных реализаций сравнимо с соотношением фонемы и аллофонов. При этом переводы могут находиться между собой в отношениях свободного варьирования: несмотря на некоторые различия они могут свободно заменять друг друга, примерно одинаково эффективно репрезентируя оригинал. На практике, конечно, один перевод удачнее передает один аспект оригинала, другой – какого-нибудь другой его аспект. Но в целом и тот и другой репрезентируют оригинал.

Однако возможно и иное объяснение причин вариативности перевода. Очевидно, все зависит от того, как рассматривать статус оригинала и перевода (переводов) в межъязыковой коммуникации. Если оригинал первичен по отношению к переводу (переводам), то вышеописанная трактовка верна. Но если рассматривать и оригинал и перевод(ы) как разные варианты выражения одного и того же

плана содержания, то сообщения оригинала и сообщения его переводов будут (равнозначными) его вариантами.

На языковом уровне вариативность перевода объясняется уже тем, что даже в рамках одного языка в большинстве случаев есть несколько. Чаще всего несколько переводов создается в случае с художественными произведениями. Уже давно замечено, что, в отличие от оригинала, которым является выдающееся литературное произведение, его перевод устаревает. Это объясняется тем, что он репрезентировал свой оригинал для своего времени, своего поколения читателей. С изменением читательской аудитории перевод перестает отражать присущую оригиналу полифонию смыслов. На смену ему приходят вновь создаваемые переводы, те, в свою очередь, сменяются новыми и т.д. В результате создается ситуация, при которой в одной культурно-языковой среде оказывается более одного перевода одного оригинала. Иногда в одно и то же время (чаще всего независимо друг от друга) создаются несколько переводов одного и того же произведения.

4. Перевод как коммуникативный акт «повторяющего» типа, средство преодоления энтропии при межъязыковой коммуникации

С одной стороны, процесс перевода – это один из факторов, вызывающих энтропию исходного сообщения, но с другой – в переводе можно увидеть противоположную и противостоящую энтропии тенденцию. При неизбежности глобальной энтропии исходного сообщения в процессе межъязыковой коммуникации возможно частичное ей, энтропии, противостояние, в частности и с помощью перевода. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Вторичный текст, создаваемый в результате деятельности переводчика, – это преобразованное, трансформированное на другой языковой код сообщение. Оно может быть названо повторением первоначального только условно, поскольку по своему существу отличается от первоначального, хотя и ориентировано на него. Поэтому мы называем такой текст «вторичным» по сравнению с текстом «первичным». Термин «вторичный» не носит никакой оценочности и указывает лишь на

последовательность и соотнесенность двух текстов – оригинала и перевода.

Под вторичностью, являющейся результатом энтропии сообщения, пропускаемого через канал коммуникации, мы понимаем вторичность текста перевода со всем комплексом изменений, которые могут быть обнаружены в нем при сравнении с оригиналом. Эти изменения, или искажения первоначальной информации, могут носить неизбежный характер (например, разница языковых кодов оригинала и перевода) или быть результатом деятельности данного конкретного переводчика, данной конкретной переводящей машины или введенной в нее программы.

В любом случае в большей или меньшей степени, с большей или меньшей степенью вероятности первоначальное сообщение будет искажено.

Однако есть средство уменьшения объема искажения первоначальной информации.

Н. Винер вслед за Дж. Гиббсом указывает на то, что уже наличие передачи сигналов в процессе коммуникации неизбежно уменьшает объем содержащейся в них информации. Это непреодолимое следствие царящего во Вселенной второго закона термодинамики, в соответствии с которым «обычно физическая система, принадлежащая к классу физических систем, продолжающего сохранять свои специфические черты класса, в конце концов почти всегда воспроизводит такое распределение, которое она показывает в любой данный момент во всем классе систем. Иначе говоря, при известных обстоятельствах система проходит через все совместимые с ее энергией распределения положения и моментов, если время ее прохождения достаточно для этого».

Во Вселенной царит хаос, и до определенного момента ее истории он будет не уменьшаться, а возрастать. Но этому разрушительному потоку противостоит упорное стремление всего сущего сохранить целостность. Так, некоторые организмы, к числу которых относится человек, стремятся хотя бы на время сохранить и даже повысить уровень присущей им изначально организации. Это явление носит лишь локализованный характер во

всеохватывающем потоке усиливающейся энтропии. Жизнь как явление, имеющее место в нашем мире, – это оазисы антиэнтропических тенденций в умирающем мире. Стремление живого организма к сохранению и установлению наибольшей из возможных степеней физиологической устойчивости своего существа в целом и отдельных его частей называют гомеостазисом.

Мы существуем в среде, одним из основных свойств которой является распад и дедифференциация. При этом мы сами создаем свою среду до тех пор, пока она не начнет разрушаться быстрее, чем восстанавливаться и преодолевать всеобщий хаос физического разложения. После этого наступает наша физическая смерть. В нашем организме есть специальные механизмы, регулирующие количество кислорода, углекислого газа, соли и сахара в крови, руководящие работой различных органов. Эти механизмы активно сопротивляются неблагоприятным воздействиям внешних и внутренних факторов окружающей (и наполняющей нас) среды. Таким образом осуществляется гомеостазис, действующий на основе обратной связи и сигналов о необходимости «наведения порядка» в наметившемся на том или ином участке организма хаосе.

Однако эти механизмы не могли бы осуществлять свою деятельность, не размыкая системы нашего организма. Мы принимаем пищу, вдыхаем воздух. Упомянутые антиэнтропические механизмы используют все полезное для поддержания порядка в нашем организме, а отработанное и пришедшее в негодность из него выводится. Так антиэнтропические процессы, включающиеся специальными механизмами в нашем организме, превращают и нас в антиэнтропические существа, и происходит это благодаря тому, что изолированная система размыкается и вбирает в себя необходимые для противостояния хаосу, упадку и надвигающейся смерти элементы из других систем.

То же самое происходит при передаче информации. Механизмами, хотя бы отчасти противостоящими распаду, т.е. потере информации или ее уменьшению, являются «новые впрыскивания» созидательных, или антиэнтропических, элементов из других сред благодаря размыканию данной среды. Так, передача сигнала может постепенно угасать, если она не будет

подпитываться сигналами либо новыми, либо возвращающимися старыми (например, из памяти).

Известно, что *repetitio est mater studiorum* (повторение – мать учения). На самом же деле эта поговорка отражает лишь частный случай более общего принципа. Повторение – это один из универсальнейших способов преодоления энтропии, прием, с помощью которого можно разомкнуть изолированную систему и влить в нее новые силы для противостояния процессу утраты данной системой жизнеспособности.

Повторение настолько универсально, что мы привыкли к нему и не обращаем на него (точно так же, как на антиэнтропические механизмы внутри нашего организма) никакого внимания. Но давайте присмотримся к повторению, каким оно может быть, и задумаемся, зачем нужно что-либо повторять.

Повторить – значит сказать или сделать еще раз то, что уже было сказано или сделано, т.е. «отразить, воспроизвести, явиться повторением, копией кого-л. или чего-л., создать что-л. чему-л. подобное, а также возобновить еще раз в памяти ранее заученное».

Из такого понимания процесса повторения очевидными становятся его составляющие. Действительно, любое повторение по определению должно иметь то, что повторяет, и то, что повторяется. Другими словами, есть, как сказали бы мы в переводоведении, оригинал и есть некое воспроизведение этого оригинала.

С повторениями мы сталкиваемся буквально повсюду. Пример из повседневной житейской практики: мы что-то сказали кому-то, человек не услышал нас или не совсем расслышал то, что мы сказали, он просит нас повторить сказанное.

Можно привести случаи совершенно иного характера. Повторение может быть мнемоническим приемом, с помощью которого в древних культурах из уст в уста передавались огромные по объему (чаще всего сакральные) тексты. Оно может быть и другого типа. Например, повторение некоего приема (элемента общего, целого) для создания некой параллели, репризы в форме, скажем, художественного произведения.

Родом повторения является и лейтмотив в музыке (вспомним, например, богатую и развитую систему лейтмотивов в операх

Вагнера), и мотив в литературе (поэзии, прозе), и колорит, линия в живописи. Существует понятие рифмы ситуаций (кстати, рифма в поэзии тоже повторение, имеющее свою роль в общей форме), применимое, например, к кино, драме и т.д., когда один эпизод или фрагмент эпизода повторяется в другом эпизоде, напоминая о предшествующем. Конечно, повторения такого рода осуществляются не в полном виде. Здесь имеем дело скорее с повторением-намеком.

Эти примеры демонстрируют по крайней мере два типа повторений – точное и динамичное. Точное (статичное) повторение осуществляется через значительный временной промежуток и переосмысливается, не является существенным. Это повторение точное текстуально. Оно более характерно для одноязычной (однокодовой) ситуации общения.

Второй тип повторения – это повторение с некоторым изменением, динамическое повторение, которое, по крайней мере отчасти, изменяет повторяемое, сохраняя при этом какие-то наиболее существенные его черты. Динамическое повторение характерно для дву- или многоязычной (дву- или многокодовой) ситуации общения. В определенном смысле говорить о точном повторении вообще можно только условно.

Но бывают повторения «без предупреждения». Эта ситуация сложнее для адресата речи, произведения и т.д., потому что теперь, в отличие от предыдущего случая, словно бы проверяется его способность, умение, навык воспринять повторение, вычленив из общего потока повторяющее или повторения-аллюзии, отсылающие его к предыдущему опыту восприятия других произведений (речи, искусства и т.д.). В таком случае о повторении мы узнаем в процессе восприятия текста (в широком смысле) и вычленения из него повторяющихся частей – повторяемого и повторяющего. При этом повторяющее может не декларироваться как повторение: не будет ни соответствующего названия, ни указания того или иного вида. Тем не менее, повторение будет восприниматься как более или менее явное. Например, в финале Девятой симфонии Бетховена проводятся темы из предыдущих ее частей. Заметим, что повторение из других частей дается в части, названием своим расподобляющейся с предыдущими (в финале

повторения из других частей отнюдь не были обычным для венцев делом). Тем не менее, повторения очевидны, потому что на них указывают текстуальные сходства повторяемого и повторяющего.

Таким образом, очевидны следующие универсальные компоненты любого текста-сообщения (подлежащего передаче и, возможно, преобразованию для ее успешности):

- содержание (subject matter – то, о чем идет речь);
- цель (идея) создания текста (зачем он создается или создан);
- элементы поверхностной структуры текста (знаки и их смыслообразующее сцепление);
- авторская позиция (аксиологический компонент текста).

В данном случае неважно, в какой последовательности даны эти компоненты. Сначала мы воспринимаем знаки, их сцепления, уясняя для себя их содержание, затем выходим на уровень стоящего за ними содержания, т.е. сначала мы (в случае лингвистического текста) понимаем слова, словосочетания, предложения, затем поднимаемся до уровня понимания текста в целом. Хотя в известного рода текстах (например, в текстах классических произведений литературы) после этого можем вернуться к началу и проделать следующий виток герменевтического круга и т.д. Однако это другой вопрос, в данном случае для нас важнее сам инвентарь компонентов структуры текста-сообщения.

Применим вышеизложенное к процессу повторения. Процесс этот, как уже говорилось, складывается из неизбежного сравнения двух текстов (или, если угодно, двух вариантов одного и того же текста). Но реципиент должен, во-первых, понять, что сравнение должно быть проведено, а во-вторых, провести его. Говоря об априорном повторении и повторении «без предупреждения», вычленимом эмпирически, мы указывали, как сигнализируется реципиенту необходимость проведения сравнения; заговорив же о структуре текста – вплотную подошли к проблеме того, что повторяется, т.е. к процессу сравнения *per se*.

При априорном повторении «жанр» повторения задается изначально, и сравнение компонентов структуры первоначального текста-сообщения (текста отправленного) с компонентами структуры текста вторичного (полученного) осуществляется

исследователем, обладающим карт-бланшем как пропуском в любые глубины и на любые территории поверхностной структуры обоих текстов. Другими словами, сравнивая листовские «Сонеты Петрарки» с сонетами Петрарки мы более или менее свободны. Скованы мы лишь стремлением истолковать это сходство двух текстов по возможности более адекватно общему (художественному) замыслу обоих текстов и их совокупности. Даже при относительной «непохожести» или «туманности» сходства первичного текста и ориентированного на него текста вторичного сравнение является благодарным занятием, поскольку в наличии сходства несмотря ни на что мы не сомневаемся и потому смело его находим и в плане выражения, и в плане содержания.

При эмпирическом повторении наличие повторения вытекает непосредственно из текстуального анализа исходного и конечного текстов. Сравнение же осуществляется согласно перечню указанных выше компонентов, присущих структуре текста вообще и сравниваемым текстам в частности.

В процессе сравнения последовательность перехода от компонента к компоненту приобретает большую важность. Обычно мы движемся от поверхностной структуры текста-сообщения к глубинной. Сначала мы воспринимаем слова, звуки, краски, элементы композиции, а затем определенное их сцепление напоминает нам об уже читанном, слышанном, виденном и т.п. Далее мы распространяем сравнение на содержательные элементы структуры текстов, проверяя их сходство на глубинном уровне. Если наша догадка об их сходстве и ориентированности одного текста на другой подтверждается, мы делаем вывод о первичности одного текста и вторичности другого.

Впрочем, нередко оказывается, что тексты не совпадают текстуально или, по крайней мере, не совпадают полностью, и тем не менее мы ощущаем их ориентированность одного на другой. Наиболее показательными примерами такого рода случаев являются, конечно, переводы, где знаки полностью изменены, но мы все же ощущаем сходство оригинала и перевода. Нередки и неполные совпадения повторяемого и повторяющего. Так, музыкальная форма вариаций – очень убедительный пример того, как повторяющийся текст может сохранять лишь весьма отдаленное

сходство с повторяемым (темой), но при этом восприниматься именно как повторение темы, узнаваемое ее изменение – ее вариация.

В данном случае (особенно это касается перевода) определение сходства идет скорее от содержания к элементам поверхностной структуры, чем наоборот. Хотя, конечно, здесь механизм сопоставления усложняется и проявляется уже как-комбинированный подход с элементами априорного и эмпирического сравнений. Действительно, с одной стороны, мы знаем, что слушаем вариации и, следовательно, ищем сходства в звучащем потоке музыки. С другой, мы не знаем точно, когда одна вариация заканчивается и начинается другая, и сигналом смены одной вариации другой служит не только и не всегда контраст характера музыки, но и другие «текстуальные» признаки (одни и те же мелодические и гармонические последовательности, фактурные приемы и т.д. и т.п.).

По содержанию судить о «генетическом» родстве лингвистических текстов, т.е. об исходности одного из другого, не всегда надежно, поскольку речь в сравниваемых текстах может идти об одном и том же, но при этом тексты могут быть совершенно разными, сопоставимыми только в рамках, например, сравнительного литературоведения.

Таким образом, можно говорить об онтологических, имманентных свойствах повторения (декларируемого, априорного) и об эвристически определяемом повторении (текстуальном, эмпирическом). Сравнение повторяющего и повторяемого текстов, необходимое для установления повторенных элементов первичного текста во вторичном, проводится на уровне глубинной структуры обоих (или нескольких) текстов и на уровне поверхностной их структуры. При этом сравниваются содержание, цель высказывания, с одной стороны, и особенности употребления знаков, с другой, а также следует принимать в расчет скрывающуюся за текстом позицию автора, его оценку описываемого предмета речи (в широком смысле этого слова).

В рамках предпринятого нами рассуждения полезно задуматься над тем, в чем состоит функция повторения. Зачем мы повторяем то, что повторяем?

Повторение понимается нами как часть более общего процесса коммуникации, передачи сообщения от отправителя к получателю. Как мы уже знаем, в теории информации цель коммуникации определена – ею является возбуждение действия, достижение известного результата. Изменение поведения реципиента как тип обратной связи может быть однократным проявлением реакции адресата на сообщение адресанта в данных условиях, при осуществлении данного действия, процесса и т.п. Обратная реакция также способна влиять на все последующее поведение реципиента и, таким образом, становится процессом научения.

Кроме того, следует помнить о неизбежном сопроводителе процесса коммуникации – о шуме, помехах, приводящих к потере или изменению передаваемой информации, к энтропии. Однако, как уже было сказано, во вселенском хаосе есть постоянно появляющиеся (пусть и относительно скоро угасающие и подчиняющиеся общей тенденции к разрушению) энтропоустойчивые оазисы – разомкнутые системы, черпающие извне энергию, которая позволяет им преодолеть энтропию и успешно осуществлять гомеостазис.

Применив все вышесказанное к процессу повторения, приходим к выводу, что повторение – один из способов преодоления информационной энтропии и размыкания изолированной системы. Более того, дальнейшее размышление и наблюдение над окружающими нас явлениями показывают, что повторение служит либо для восстановления (или укрепления как частного случая восстановления) нарушенного канала связи, либо для установления нового (помимо уже существующих) канала связи. Иллюстрацией восстановления канала или его укрепления в большинстве случаев может служить статическое, точное повторение; установления нового канала – как правило, динамическое повторение.

Имеется в виду, прежде всего, следующее. Действительно, точное повторение характерно для одноязычной (однокодовой) ситуации общения, передачи информации или обмена информацией. Если оно вообще возможно, оно возможно только при таком виде общения. В одноязычном общении, впрочем, вероятно и динамическое повторение (и оно осуществляется чаще, чем

текстуально точное воспроизведение повторяемого материала). Важно то, что точное повторение, единственно возможное в одноязычной среде коммуникации, служит для восстановления или укрепления канала связи, т.е. при неудовлетворительной реакции реципиента (отсутствии желательного для отправителя сообщения языкового поведения) адресант получает сигнал о недостаточно эффективной работе канала. Это заставляет его повторить свое сообщение (в точном виде или слегка измененном), чтобы все-таки добиться желаемой цели коммуникации с адресатом. Таким образом, происходит размыкание системы, уже замкнутой первым этапом коммуникации, когда сообщение было передано в первый раз, за счет введения новой порции информации, в той или иной мере повторяющей переданную ранее, но не эффективно. Цель повторения – укрепление или восстановление пропустившего какой-то шум канала связи для осуществления, несмотря на энтропию, успешной коммуникации и достижения желаемого языкового поведения у реципиента.

При дву- или многоязычном общении возможно только динамическое (в той или иной степени, более или менее измененное) повторение. Это неизбежный результат энтропии, имеющей место при перекодировке, преобразовании сообщения в процессе передачи с одного языка на другой, т.е. даже если (что маловероятно) все другие шумы будут исключены из зоны канала коммуникации и передача отправленного сигнала-сообщения будет осуществлена безукоризненно, останется по крайней мере один тип помех, а именно помехи перекодировки сообщения. От этого проклятия Вавилона уйти все равно не удастся.

При этом оказывается неизбежным и само повторение. Если в случае одноязычного общения в принципе возможны ситуации без повторения, когда вся необходимая для обеспечения нужного языкового поведения реципиента информация передана, то при дву- или многоязычном общении повторение так же неизбежно, как неизбежны информативные изменения, возникающие в первую очередь по его вине. При этом изменения – это не обязательно потери, ими может быть и неизбежное приращение информации, например добавление отсутствовавших в оригинале языковых категорий, фигурирующих в переводном тексте.

При этом перекодировка, языковое преобразование оказывается видом повторения первоначального сообщения, но иначе, на другом языке-коде. Этот вид повторения необходим, несмотря ни на какие неизбежные потери, поскольку без него процесс межкодовой, межъязыковой коммуникации вообще не может состояться, т.е. вообще не может быть достигнута цель коммуникации – определенное действие или изменение языкового поведения принимающей стороны, так как эта сторона говорит на ином по сравнению с посылающей сообщением языком. Для того чтобы вторая сторона поняла первую и первая достигла желаемого результата, ради которого и послала сообщение, необходима перекодировка. Таким образом, перекодировка-повторение выступает в активной и необходимой для процесса коммуникации роли посредника, обеспечивающего контакт стремящихся к взаимодействию сторон, т.е. она прокладывает дорогу для сообщения, устанавливает канал связи.

Такими являются две важные функции повторения для акта коммуникации – функция восстановления (или укрепления) канала связи и функция его установления. В переводе как повторении реализуется вторая функция повторения – повторение для установления связи. Однако в более широком смысле, если межъязыковую коммуникацию вообще и перевод в частности рассматривать как отдельный случай языковой коммуникации, можно говорить о том, что перевод как повторение реализует и первую функцию повторения – восстановление (или укрепление) канала связи.

ТЕКСТЫ ДЛЯ ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО И ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Немецкий язык

ТЕХТ I

Freizeit-Terror

Arbeiten, arbeiten, arbeiten, für andere Aktivitäten hat man von Montag bis Freitag meist keine Zeit. Doch zum Glück gibt es ja auch noch den Samstag und den Sonntag. Einkaufen, aufräumen, putzen, die Eltern besuchen, alte Freunde treffen, fernsehen, schön kochen, Sport machen, ins Kino gehen, endlich mal wieder so richtig ausschlafen... das alles und noch mehr möchte man an diesen beiden Tagen machen. Das geht natürlich nicht und deshalb gibt es immer öfter „Freizeitstress“. Besonders viele junge Erwachsene haben damit Probleme. „Ich habe keine freie Minute mehr am Wochenende“, sagen sie. „Das ist keine Freizeit, das ist Freizeit-Terror!“.

ТЕХТ II

Massenmedien

Die Rolle der Massenmedien in unserem heutigen Leben ist sehr groß. Unter Massenmedien versteht man Fernsehen, Internet und Presse. Im Fernsehen werden aktuelle Reportagen und Nachrichten, Diskussionen und Shows, Unterhaltungs- und Sportsendungen, populärwissenschaftliche und Lernprogramme für Kinder und Erwachsene übertragen. Sehr schnell wächst heute die Bedeutung von Internet und sein Einfluss auf unser Leben. Im Internet kann man alle möglichen Bücher und Informationen finden, beliebige Lebensmittel und Waren kaufen, Tickets und Reisen buchen und kaufen, Musik und Filme downloaden, Dienstleistungen und Waren anbieten oder kaufen, Nachrichten und Artikel lesen, sich an diversen Foren und Blogs beteiligen etc.

ТЕХТ III

Weltrekord im „Fahrrad-Rückwärts-Geigen“

Christian Adam ist am Sonntag 113 km Fahrrad gefahren. «Na und? Fahrradfahren ist doch nicht schwer. Aber können Sie auch rückwärts fahren und dabei Geige spielen? Das kann Adam sicher besser, und genau das hat er auch gemacht - 113 km lang. Christian Adam ist Musiker von Beruf. In seiner Freizeit fährt er gern Fahrrad, noch lieber spielt er Geige. Christian Adam ist sehr zufrieden: Mit diesem interessanten und lustigen Rekord im „Fahrrad-Rückwärts-Geigen“ ist er ins Guinness Buch der Rekorde gekommen.

TEXT IV

Der Nikolaus

Seit etwa 1550 bekommen Kinder am 6. Dezember, dem Nikolaustag, kleine Geschenke. Schon am Abend des 5. Dezember stellen viele Kinder einen Teller oder einen Schuh vor die Haustür. Am nächsten Morgen finden sie dann Äpfel, Orangen, Nüsse und vielleicht auch einen Schokoladen-Nikolaus auf dem Teller oder im Schuh. Am 6. Dezember kann man den Nikolaus dann wirklich sehen. Er kommt in die Kindergärten und Schulen, in Kaufhäuser und Weihnachtsmärkte, auf Straßen und Plätze und auch in manche Familie und bringt kleine Geschenke für die Kinder. In manchen Städten gibt es heute sogar professionelle Nikolaus-Agenturen, dort kann man einen Nikolaus „bestellen“.

TEXT V

Rückfrage

Sehr geehrte Damen und Herren,
bezugnehmend auf Ihre Bestellung über eine Kühlanlage müssen wir Ihnen folgendes mitteilen: Es stellte sich heraus, dass bei der angegebenen Grösse des Kühlraums ein stärkeres Kühlaggregat eingebaut werden muss, was eine Verteuerung des Preises um 8% hervorruft. Nun möchten wir uns erkundigen, ob Sie mit dieser Verteuerung einverstanden sind.

Bitte, teilen Sie uns Ihre Entscheidung mit.

Mit freundlichen Grüßen

(Unterschrift)

Helmut Wagner

Английский язык

TEXT I

Nature Protection

Computers project that between now and the year of 2030 we are going to have increase of the average temperature between 1,5-4,5 Degrees C. Sea levels would rise by several metres, flooding coastal areas and ruining vast tracts of farmland. Huge areas would be infertile and become uninhabitable. Water contamination could lead to shortages of safe drinking water. It looks like the end of civilization on the Earth. For hundreds of thousands of years the human race has thriven in Earth's environment.

TEXT II

Dear Austin Parker,

The year is about to end, and we want to take this opportunity to thank you for trusting Floyd Enterprises with all your printing needs. We are fully aware that there are now several companies to choose from, but still, you chose us to be the one to serve you. You can always count on us to give you your money's worth through excellent service and the most reliable products available. As our way of saying thank you, we are enclosing a gift certificate for any printing service or accessory of your choice. We hope for more years of serving you!

Sincerely,

.....

TEXT III

An Icelandic Community Battles a Volcano - and Wins

The inhabitants of Iceland are in daily contact with volcanism. Volcanic heat mitigates the harsh cold of these sub-Arctic islands through the geothermal energy that provides warmth for homes. In 1963 submarine eruptions resumed in this region after a period of no volcanic activity. Within a few months, the volcano Surtsey had built itself up above sea level, giving Iceland a new island.

Ten years later, in 1973, eruptions began on one of the tiny Vestmann Islands south of Iceland's main island. Heimaey, one of Iceland's most important and prosperous fishing ports, was nearly destroyed by the eruptions.

TEXT IV

People often say that while money may bring wealth, friends bring riches. New research, however, shows that friends may bring both kinds of riches. An American study asked eighteen-year-olds to list their three best friends. Years later, it was discovered that those named most often tended to be earning the most. In fact, every extra friend added two percent to their salary. The researchers believed that this is because people with better social skills do better in the workplace. So, the more friends the better?

TEXT V

One theory states that we all have about 150 friends. This may sound like a lot, but only about five of those are really close friends, the kind you can ring at 4.00 a.m. About another ten are part of an inner group, and these can include family members. Then there are about thirty-five not so close friends, and the other 100 are really just acquaintances. Suzie, a market researcher, agrees: 'I have loads of friends, but I'm studying as well as working at the moment, so I only see a few friends once a week or so.'

ПРИЛОЖЕНИЕ А

ХАРТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

РАЗДЕЛ I

ОБЯЗАННОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА

1. Перевод, будучи умственной деятельностью, имеющей целью перенесение литературных, научных и технических текстов из одного языка в другой, налагает на тех, кто им занимается, особые обязанности, вытекающие из самой его природы.

2. За перевод отвечает только переводчик, каковы бы ни были отношения или договор, связывающие его с лицами и учреждениями, использующими перевод.

3. Переводчик отказывается давать такое истолкование текста, с которым он не согласен или которое противоречило бы его профессиональным обязанностям.

4. Всякий перевод может быть верным и точно передавать мысль и форму оригинала, соблюдение такой верности является юридической и моральной обязанностью переводчика.

5. Верный перевод не следует, однако, смешивать с переводом буквальным, поскольку верность не исключает необходимых изменений, имеющих целью дать почувствовать на другом языке, в другой стране форму, атмосферу и внутренний смысл произведения.

6. Переводчик должен хорошо знать язык, с которого переводит, и, что еще важнее, в совершенстве владеть языком, на который переводит.

7. Он должен, кроме того, быть широко образован, достаточно хорошо знать предмет, о котором идет речь, и воздерживаться от работы в незнакомой ему области.

8. В своей профессиональной работе переводчик воздерживается от всякой нечестной конкуренции; в частности, он не должен соглашаться на оплату ниже той, которая предусмотрена законом, особыми постановлениями, обычаем или же решением его профессиональной организации.

9. Вообще он не должен ни искать работы, ни соглашаться на работу на условиях, унижительных для него и для его профессии.

10. Переводчик обязан уважать законные интересы лиц и учреждений, использующих перевод, рассматривая как профессиональную тайну все сведения, какие он может получить, работая над вверенным ему переводом.

11. Являясь «вторичным» автором, переводчик берет на себя особые обязательства по отношению к автору оригинала.

12. Он не должен делать перевод, не имея на то разрешения автора оригинала или владельца оригинала, а также должен уважать все другие права автора.

РАЗДЕЛ II ПРАВА ПЕРЕВОДЧИКА

1. Каждый переводчик пользуется в отношении своего перевода всеми правами, какие страна, в которой он работает, предоставляет другим работникам умственного труда.

2. Перевод, как плод умственного труда, пользуется защитой закона, предусмотренной для такого рода работ.

3. Таким образом, переводчик пользуется авторским правом на свой перевод и, следовательно, пользуется теми же преимуществами, что и автор оригинального произведения.

4. Тем самым переводчик пользуется в отношении своего перевода всеми моральными правами и правами передачи по наследству, какие предоставляются автору.

5. Следовательно, он при жизни пользуется правом на признание за ним авторства перевода, из чего, между прочим, следует, что:

а) его имя должно ясно и недвусмысленно упоминаться при всяком публичном использовании его перевода;

б) он вправе возражать против всякого искажения или другого изменения его перевода;

в) издатели и другие лица, использующие перевод, не должны вносить в него никаких изменений, не согласовав их предварительно с переводчиком;

г) переводчик вправе запретить всякое неправомерное использование его перевода и вообще протестовать против всяких действий, бросающих тень на его честь или репутацию.

6. За переводчиком остается также исключительное право разрешать опубликование, представление на сцене, передачу по радио, перевод на другие языки, адаптацию, переделку и прочие изменения его перевода и вообще использование его в каком бы то ни было виде.

7. За всякое публичное использование перевода переводчик имеет право получить вознаграждение по ставке, установленной законом или договором.

РАЗДЕЛ III ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

1. Переводчику обеспечиваются условия существования, позволяющие ему полноценно и с достоинством выполнять возложенное на него общественное дело.

2. Переводчик получает долю выгоды от успеха своего произведения, в частности имеет право на вознаграждение, пропорциональное коммерческой прибыли, какую приносит переведенное им произведение.

3. Следует признать, что переводы могут выполняться также в виде единовременных заказов, и в таких случаях переводчик имеет право на вознаграждение независимо от коммерческой прибыли, которую принесет переведенное произведение.

4. Профессия переводчика, как и другие свободные профессии, пользуется в каждой стране такой же защитой, какой в данной стране пользуются другие свободные профессии, в виде контроля над ставками, коллективных договоров, типовых договоров и т.п.

5. Переводчики во всех странах пользуются всеми преимуществами, предоставленными работникам умственного труда, в частности всеми видами социального обеспечения, как-то: пенсиям по старости, пособиями по болезни, по безработице и многосемейности.

РАЗДЕЛ IV

АССОЦИАЦИИ И СОЮЗЫ ПЕРЕВОДЧИКОВ

1. Переводчики, как и представители других свободных профессий, имеют право организовать профессиональные ассоциации и союзы.

2. В задачу этих организаций, помимо защиты моральных и материальных интересов переводчиков, входит работа по повышению качества перевода и рассмотрение всех других вопросов, связанных с переводом.

3. Они входят в контакт с правительственными учреждениями для подготовки юридических мер и правил, касающихся переводчиков.

4. Они по мере возможности поддерживают постоянную связь с организациями, использующими переводы (ассоциации издателей, промышленными и торговыми предприятиями, государственными и частными учреждениями, прессой и пр.) с целью изучения и разрешения общих проблем.

5. Следя за качеством всех переводов в их стране, они поддерживают связь с культурными организациями, писательскими объединениями, национальными отделениями ПЭН-клуба, литературными критиками, научными обществами, университетами, техническими и научными исследовательскими институтами.

6. Они выступают в качестве арбитров и экспертов во всевозможных спорах, возникающих между переводчиками и теми, кто использует переводы.

7. Они высказывают свое мнение по вопросам обучения и пополнения кадров переводчиков, а также сотрудничают со специальными учреждениями и университетами в осуществлении этих задач.

8. Они собирают из всевозможных источников сведения, представляющие интерес для переводчиков, и предоставляют их в распоряжение переводчиков в виде библиотек, подшивок, обзоров, бюллетеней, для чего организуют теоретическую и практическую службу информации, проводят семинары и собрания.

РАЗДЕЛ V

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ПЕРЕВОДЧИКОВ

1. В тех странах, где имеется несколько групп переводчиков, организованных либо по региональному признаку, либо по принадлежности к определенной категории, желательно, чтобы эти группы, сохраняя свою самостоятельность, создавали для объединения своих усилий центральную национальную организацию.

2. В странах, где еще нет переводческих ассоциаций или союзов, переводчикам рекомендуется объединить свои усилия для необходимого создания такой организации на условиях, соответствующих законодательству данной страны.

3. Чтобы обеспечить достижение своих общих целей в мировом масштабе, национальным организациям переводчиков рекомендуется вступать в Международную федерацию переводчиков (ФИТ).

4. Вступление переводчиков в свои национальные организации, а также вступление этих организаций в ФИТ осуществляется добровольно.

5. ФИТ защищает материальные и моральные права переводчиков в международном плане, следит за развитием теории и практики перевода и по мере сил содействует распространению культуры во всем мире.

6. ФИТ осуществляет эти задачи, представляя переводчиков в международном плане, в частности поддерживая контакт с правительственными, неправительственными и межправительственными органами, участвуя в совещаниях, представляющих интерес для переводчиков и перевода в международном плане, издавая работы и проводя или способствуя проведению конгрессов для рассмотрения вопросов, касающихся перевода.

7. Вообще ФИТ продолжает работу национальных организаций в международном плане, координирует их усилия и определяет их общую линию поведения.

8. Национальные общества и их центральная организация ФИТ черпают силы, необходимые для осуществления своих профессиональных задач, в чувстве солидарности, связывающем переводчиков, и в высоком достоинстве перевода, способствующего лучшему пониманию народами друг друга и распространению культуры во всем мире.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

КЛЯТВА ПЕРЕВОДЧИКА

Должен ли переводчик давать клятву, также как начинающий врач дает клятву Гиппократа?

Произносили ли Вы клятву переводчика?

Говорят, что прямое и ясное принятие на себя этических обязательств в форме клятвы косвенно способствует формированию этики адекватного профессионального поведения. Клятва выражает основополагающие морально-этические принципы профессии.

Судебные переводчики, например в Италии, произносят клятву в обязательном порядке:

«Торжественно клянитесь точно исполнять свои обязанности переводчика, правильно переводя все вопросы, задаваемые обвиняемому и самим обвиняемым, насколько Вам позволяет Ваша профессиональная квалификация, да поможет Вам Господь».

В Германии большинство судебных переводчиков дают клятву установленного образца при назначении на должность, поэтому на суде клятва не произносится.

В Великобритании существует несколько вариантов клятвы переводчика. Вот некоторые из них:

“I swear by Allah/Almighty God, etc. that I will well and faithfully interpret and true explanation make of all such matters and things as shall be required of me according to my best of my skill and understanding”.

“I do solemnly declare that I will well and faithfully interpret and true explanation make of all such matters and things as shall be required of me according to my best of my skill and understanding”

В суде магистратов Великобритании звучит нижеследующая клятва:

I do solemnly, sincerely and truly declare and affirm that I will well and faithfully interpret and true explanation make of all such matters and things as shall be required of me according to the best of my skill and understanding.

Традиционно 30 сентября (**Всемирный день переводчика**) студентами-первокурсниками переводческих факультетов некоторых российских ВУЗов произносится следующая клятва:

«Я, вступая в ряды студенческой переводческой организации в здравом уме и трезвой памяти, обещаю и торжественно клянусь высоко нести знамя переводчиков и соблюдать все предписанные правила и законы, а именно:

- избегать нелояльной конкуренции;*
- не соглашаться на условия, унижающие мое профессиональное и человеческое достоинство;*

- гарантировать высокое качество перевода;
- соблюдать законные права авторов оригинальных текстов;
- строго соблюдать устав студенческой переводческой организации».

Другой пример клятвы переводчика предложил А. Честерман в форме клятвы Св. Иеронима (The Hieronymic Oath):

- *I swear to keep this Oath to the best of my ability and judgement.*
- *I swear to be a loyal member of the translators' profession, respecting its history. I am willing to share my expertise with colleagues and to pass it on to trainee translators. I will not work for unreasonable fees. I will always translate to the best of my ability.*
- *I will use my expertise to maximize communication and minimize misunderstanding across language barriers.*
- *I swear that my translations will not represent their source texts in unfair ways.*
- *I will respect my readers by trying to make my translations as accessible as possible, according to the conditions of each translation task.*
- *I undertake to respect the professional secrets of my clients and not to exploit clients' information for personal gain. I promise to respect deadlines and to follow clients' instructions.*
- *I will be honest about my own qualifications and limitations; I will not accept work that is outside my competence.*
- *I will inform clients of unresolved problems, and agree to arbitration in cases of dispute.*
- *I will do all I can to maintain and improve my competence, including all relevant linguistic, technical and other knowledge and skills.*

Один из вариантов перевода этой клятвы на русский язык:

- *Клянусь исполнять настоящую клятву соответственно моим силам и моему разумению.*
- *Клянусь быть преданным профессии переводчика и уважать ее историю. Клянусь делиться опытом с коллегами и передавать его начинающим переводчикам. Я не буду выставлять заказчикам неоправданно высокие цены за переводы. Я буду выполнять переводы на должном уровне, применяя все свои знания и способности.*
- *Клянусь использовать свой профессиональный опыт для улучшения общения, уменьшения непонимания и преодоления языковых барьеров.*
- *Клянусь выполнять точные переводы и не искажать смысл исходного текста.*
- *Клянусь предоставлять понятные для восприятия переводы, тем самым, выказывая уважение своим заказчикам.*

- *В целях соблюдения профессиональной этики, конфиденциальная информация, к которой я имею доступ, не будет мной использована в корыстных целях. Клянусь придерживаться сроков и учитывать пожелания заказчиков.*
- *Клянусь быть честным в отношении своей квалификации и компетенции. Клянусь не брать переводов, которые представляют для меня сложность.*
- *Клянусь уведомлять своих заказчиков о возникновении спорных вопросов и содействовать разрешению разногласий.*
- *Клянусь прилагать максимум усилий для совершенствования своих профессиональных навыков, включая лингвистическое образование, технические знания и другие необходимые умения.*

ПРИЛОЖЕНИЕ С

СВЯТОЙ ИЕРОНИМ – ПОКРОВИТЕЛЬ ПЕРЕВОДЧИКОВ

*Ученик Цицерона и Горация. Гурман, отказавшийся от изысканного стола. Спорщик с “тыквенниками”. Речь идет о Святом Иерониме, который перевел Библию на латинский язык, что стало крупнейшим событием в истории перевода. О жизненном пути Иеронима Стридонского и о его непростой работе над переводом Священного Писания рассказывается в статье директора Высшей школы перевода МГУ имени М. В. Ломоносова, профессора **Николая Константиновича Гарбовского**. Опубликовано к Международному дню переводчика, который ежегодно отмечается 30 сентября, в день смерти Святого Иеронима.*

Иероним – покровитель и духовный наставник всех переводчиков, выдающийся филолог, теолог и писатель раннего средневековья, оставил значительный след в истории мировой культуры – перевод Библии на латинский язык, известный под названием «*Вульгаты*».

«Вряд ли нужно объяснять значимость *Вульгаты*, – писал Валери Ларбо, – она является одним из краеугольных камней нашей цивилизации. Отчасти на ней зиждутся и собор Святого Петра в Риме, и небоскребы Нью-Йорка». Вульгата по праву считается одним из самых ярких переводов Святого Писания наравне с так называемой «Авторизованной версией», именуемой также «Библией Короля Якова» (переводом Библии на английский, завершено в 1611 г.), и переводом Святого писания на немецкий язык, осуществленного под руководством Мартина Лютера и завершено к 1534 г.

Католический писатель, богослов и ученый-филолог Эразм Роттердамский в письме папе Льву X, спрашивая разрешение опубликовать труды Иеронима, так охарактеризовал древнего переводчика: «Сама ученая Греция едва ли имеет кого-нибудь, с кем могла бы сравнить этого мужа, наделенного столькими исключительными дарами. Сколько в нем римского красноречия, какое знание языков, какая осведомленность во всем, что касается истории и древностей. Какая верная память, какая счастливая разносторонность, какое совершенное постижение мистических писем (Св. Писание). И сверх того, какой пыл, какая изумительная вдохновенность души божественной».

Иероним Стридонский (*Софроний Евсевий Иероним ок.347-420*) родился в 40-е годы четвертого столетия в Далмации, точнее на границе Далмации и Паннонии в городе Стридоне. Рождение Иеронима именно в этой местности позволяет некоторым исследователям относить его наравне с Коперником и Ницше к числу выдающихся деятелей прошлого, «которых славянство при желании может считать своими, но полную принадлежность которых к нему установить едва ли удастся когда бы то ни было». В возрасте

двадцати лет Иероним уехал в Рим, где получил серьезное образование и очень быстро прославился своей начитанностью, остроумием и красноречием. Известный грамматик Донат привил ему любовь к латинской культуре, к классической латинской литературе, к изящной словесности. Эту любовь Иероним пронес через всю жизнь. Она лежит в основе одного из его главных внутренних конфликтов. Но именно эта любовь к античной литературе и ее глубокое знание позволили Иерониму выполнить главную задачу жизни – осуществить перевод Библии.

Иногда Иеронима представляют человеком непоследовательным и очень впечатлительным, «который метался между восторгом перед древней культурой и ее отрицанием во имя веры». При этом приводится выдержка из его письма Евстохии: «Когда много лет тому назад я отсек от себя ради царствия небесного дом, родителей, сестру, близких и, что было еще труднее, привычку к изысканному столу, когда я отправился в Иерусалим, как ратоборец духовный, от библиотеки, которую я собрал себе в Риме ценою великих трудов и затрат, я никак не смог отказаться. И вот я, злосчастный, постился, чтобы читать Цицерона. После еженощных молитвенных бодрствований, после рыданий, исторгаемых из самых недр груди моей памятью о свершенных грехах, руки мои раскрывали Плавта! Если же, возвращаясь к самому себе, я понуждал себя читать пророков, меня отталкивал необработанный язык: слепыми своими глазами я не мог видеть свет и винил в этом не глаза, а солнце».

Приведенная выдержка из письма Иеронима скорее свидетельствует о его глубокой эмоциональности, впечатлительности, но она никак не характеризует его как человека непоследовательного. Более того, в этом фрагменте, на мой взгляд, довольно отчетливо просматриваются контуры внутреннего конфликта этого человека, конфликта связанного с его пристрастием ко всем прелестям светской жизни, которые он познал в юности, и его последовательным сознательным отказом от них.

Он был гурманом, но отказался от изысканного стола и постоянно постился. Он почитал Оригена как религиозного философа и библиолога, но отказался считать себя его последователем, когда тот был обвинен церковью в ереси, и пытался очистить в своих переводах произведений Оригена полезное от вредного, за что, по его собственному мнению, был более достоин похвалы, нежели упрёков. «Ибо, передавая перевод и объяснение Писания, достоинства коих всегда признавались за Оригеном, я постоянно отстранял его нечестивые мнения».

Он преклонялся перед античной, языческой, литературой, но последовательно стремился подавить в себе эту страсть ради христианской веры, разрешая в её пользу внутреннее противоречие. Иначе говоря, Иероним последовательно шел к святости, последовательно отказываясь от всего того, что прежде так привлекало его, но противоречило представлениям церкви о святости. И подтверждением сказанному может служить то же письмо к

Евстохии, в котором Иероним рассказывает о случившемся с ним. Прежде чем рассказать свою историю, приведённую выше в выдержке из письма, Иероним увещевает Евстохию: «Как сойдётся Гораций с Псалтирью, Марон с Евангелием, Цицерон с Апостолом? Не соблазнится ли брат, видя тебя в требищи возлежащей? И хотя всё чисто для чистого и ничего не должно хулить, что принимается с благодарением, однако ж мы не должны вместе чашу Господню пить и чашу бесовскую».

В самом деле, некоторые современники Иеронима упрекали его в непоследовательности и лживости. В письме к Азелле Иероним высказывал глубокую обиду по поводу подобных обвинений, зазвучавших в его адрес после того, как он духовно сблизился со знатной вдовой римлянкой Павлой, решившей посвятить жизнь Богу. «Пока я не знал жилища святой Павлы, до тех пор гремела ко мне любовь всего города, – восклицал Иероним. – Почти общий суд признавал меня достойным высшего священства. Обо мне говорили блаженной памяти папе Дамасу. Меня считали святым, признавали смиренным и красноречивым». И далее: «О зависть, первая язва! О сатанинское коварство, всегда преследующее святых!»

Иероним приводит упрёки, звучавшие в его адрес, – «Я человек порочный, переменчивый, непостоянный, лживый и оболщённый коварством сатаны», и обращается к Азелле с вопросом: «Что же безопаснее – верить ли порицаниям, или предполагать невинность, или же совсем не желать верить даже виновности?». После чего заключает: «Видно, вымыслу легче верить, его охотно слушают и даже побуждают придумывать его, когда он ещё не существует».

Именно последовательность и целеустремленность в сочетании с высокой образованностью, постижением всех тонкостей мастерства слова, заимствованного им у античных писателей, и позволили ему свершить необычайно сложное дело – перевод Библии на латинский язык.

Иероним всю жизнь считал себя учеником Цицерона. Интересно, что характеристика, данная Иерониму Эразмом, очень напоминает то, что писал Цицерон о качествах, необходимых оратору. Для развития красноречия, по мнению Цицерона, необходимо «усвоить себе самые разные познания, без которых беглость в словах бессмысленна и смешна; необходимо придать красоту самой речи, и не только отборам, но и расположениям слов... Ко всему этому должны присоединиться юмор и остроумие, образование, достойное свободного человека... Кроме того, необходимо знать всю историю древности, чтобы черпать из нее примеры... Наконец, что сказать мне о сокровищнице всех познаний – памяти? Ведь само собою разумеется, что если наши мысли и слова, найденные и обдуманые, не будут поручены ей на хранение, то все достоинства оратора, как бы ни были они блестящи, пропадут даром».

Увлечение античными авторами, о котором он рассказывал в уже упоминавшемся письме к Евстохии, послужило причиной известного

события, произошедшего с ним – вещего видения суда Божьего, как знака о наказании за увлечение чтением произведений языческих авторов: «Когда таким образом играл мной древний змий, почти посередине Четыредесятницы напала, разлившись по внутренностям, на моё истощённое тело лихорадка и, не давая отдыха (что сказать даже неимоверно), так пожирала несчастные члены, что у меня едва оставались кости. Недалеко было до похорон; жизненная сила души при совершенно остывшем теле билась в одной только едва теплевшей груди; как вдруг, восхищённый в духе, я был представлен к Престолу Судии, где было столько света, столько блеска от светлости окружавших, что, упав на землю, я не осмеливался взглянуть наверх. На вопрос о том, кто я, я назвал себя христианином. Но Восседавший сказал: «Лжёшь, ты цицеронианин, а не христианин; ибо где сокровище твоё, там и сердце твоё» (Мф. 6, 21). Я замолк и под бичами (ибо он повелел бить меня), ещё более мучимый огнём совести, я мысленно повторял стих: *Во аде же кто исповестся Тебе?* (Пс.6,6) Потом начал вопиять и, рыдая, говорить: «Помилуй мя, Господи, помилуй мя». Эти звуки раздавались среди ударов бичей. Между тем предстоявшие, припав к коленам Восседавшего, умоляли, чтобы Он простил грех юности и взамен заблуждения дал место раскаянию, с тем, чтобы наказать меня впоследствии, если я когда-нибудь стану читать сочинения языческой литературы. Поставленный только под это условие, я, который готов был обещать гораздо более, начал клясться и, призывая имя Божие, говорить: «Господи, если когда-нибудь я буду иметь светские книги, если я буду читать их, значит через это самое я отрекся от Тебя». Отпущенный после этих клятвенных слов, я возвращаюсь на землю, к удивлению всех, раскрываю глаза, столь обильно наполненные слезами, что даже люди недоверчивые, видя мою печаль, должны были поверить моему рассказу. Это был не обморок, не пустой сон, подобный тем, над которыми мы часто смеёмся. Свидетелем – тот Престол, перед которым я лежал, свидетелем – Страшный Суд, которого я убоялся, да не случится мне уже никогда подвергнуться такому испытанию. Признаюсь, у меня даже были синие плечи, я чувствовал после сна боль от ударов, и с тех пор с таким усердием стал читать Божественное, с каким не читал прежде светского».

Но, несмотря на клятву, Иероним до конца жизни преклонялся перед своими учителями и изредка даже продолжал их цитировать, за что нередко осуждался современниками не только как еретик, но и как клятвопреступник.

Проблемы, с которыми сталкивался Иероним в переводе Библии, являются общими проблемами любого переводчика. Следует различать несколько их аспектов: герменевтический – расшифровка и толкование, проще говоря, понимание исходного текста, лингвистический – поиск средств выражения в языке перевода и собственно переводческий – переводческое решение о выборе эквивалента, единственного, самого верного из всех тех, что предлагает язык перевода.

Переводческая герменевтика, то есть расшифровка и толкование древнееврейского текста, составляла и объективную и субъективную трудность для Иеронима.

Объективная трудность состояла в том, что древнееврейский текст, содержащий, как известно, немало сложных для понимания мест, представлял еще и собственно лингвистическую трудность, о которой пишут некоторые богословы и историки, исследовавшие творчество Иеронима. Эта трудность состояла в том, что древнееврейский текст не имел так называемой «пунктуации», то есть в нем не были обозначены гласные звуки. Поэтому многие слова, включавшие в свой состав одинаковую последовательность согласных, могли читаться по-разному и, соответственно, иметь разные значения.

Е.А.Полянский, изучавший библиологическую деятельность Иеронима, отмечал, что еще до Рождества Христова велись споры между разными богословскими школами о том, как нужно читать те или иные слова Священного Писания. Так, слово, состоявшее из одинаковой последовательности согласных *бет, хет, ламед, бет*, одни предлагали читать *bachalab* (в жиру), а другие *bacheleb* (в молоке) в Исх. XXIV, 29. Во времена Иеронима велись споры также о чтении слова, состоявшего из последовательности согласных *далет, бет, реиш*: одни предлагали читать его как *deber* и переводили «язва», другие *dabar* – «слово», третьи *dabber* – «говорить». Поэтому, заключает Полянский, «чтение еврейских слов во времена Иеронима сравнительно с нынешним чтением пунктированного шрифта было как бы не чтением, а почти непрерывным решением шарад и ребусов».

Ссылаясь на работу французского исследователя Ренана (Renan. Vie de Jésus. P., 1863, p. 30), Полянский пишет, что в ту эпоху выучиться чтению на древнееврейском языке можно было лишь путем личной непосредственной передачи чтения от учителя к ученику: учитель читал, ученик повторял за ним, следя по книге, пока не выучивал наизусть. «Можно представить, сколько нужно было иметь усидчивости и памяти, чтобы прочесть всю еврейскую библию, как это сделал Иероним».

Кроме того, во времена Иеронима не было ни грамматик, ни справочников, ни словарей, которые могли бы облегчить переводчику его труд.

Субъективная же причина того, что Иерониму пришлось затратить невероятные усилия для подготовки к этой работе и для ее последующего выполнения состояла в том, что автор великой Вульгаты, задумывая перевести Священное Писание, еще не знал еврейского языка. Ему пришлось выучить этот язык, что было в те времена так же непросто: общение с иудеями не поощрялось церковью, и Иероним вынужден был встречаться со своим учителем-евреем по ночам.

Работа Иеронима по подготовке к переводу началась после того, как в 382 году папа Дамасий поручил ему пересмотреть текст использовавшейся в то время первой латинской версии Библии «Италы», которая была переведена с греческой версии знаменитой «Септуагинты» (Septuaginta–LXX), от неточностей и искажений, вкравшихся в текст, за долгие годы ее существования. Собственно перевод занял более десяти лет – с 393 по 404 гг., но до конца своей жизни Иероним возвращался к своему труду, внося в него исправления и уточнения.

Перевод Иеронима был встречен весьма сдержанно. К тому времени папа Дамасий, друг и покровитель Иеронима, уже умер, и современники великого литератора чаще критиковали его, чем воздавали должное его работе. «До меня нечаянно дошел слух, что некоторые ничтожные люди сильно порицают меня за то, что вопреки авторитету древних и всеобщему мнению, я осмелился исправлять нечто в Евангелии».

Текст перевода, сделанного Иеронимом, разумеется, не был лишен недостатков и предоставлял немало возможностей для критических замечаний. Но именно критика, временами незаслуженная, обусловленная непониманием сущности новаторства Иеронима в переводе библейских текстов, явилась движущей силой, заставившей его осмыслить свои переводческие принципы, сформулировать собственную переводческую концепцию и затем изложить ее для оправдания своих действий перед современниками.

Главный из дошедших до нас документ, в котором Иероним излагает свое переводческое кредо – это так называемое «Послание Паммахию», содержащееся в сборнике Посланий Иеронима под номером 57 «*Ad Pammachium de optimo genere interpretandi*» (Паммахию о наилучшем способе переводить). Обратившись к тексту послания, следует иметь в виду, что это не продуманный трактат по риторике или теории перевода. В то же время анализ разнообразных случаев переводческой практики, проведенный автором, сделанные им сопоставления аналогичных фрагментов святого писания по текстам различных переводов, а также попытка вывести некоторые закономерности перевода на основе взглядов на перевод античных авторов, а также собственного переводческого опыта, позволяют считать этот документ серьезной вехой в истории переводческой мысли.

Иероним отвергает все обвинения в том, что он намеренно исказил отдельные фрагменты оригинального текста и утверждает основной принцип перевода – отход от дословности и стремление передать не значение отдельных слов, а смысл высказываний: «Ego enim non solum fateor, sed libera voce profiteor me in interpretatione graecorum, absque scripturis sanctis, ubi et verborum ordo mysterium est, non verbum e verbo sed sensum exprimere de sensu» - «я, действительно, не только признаю, но откровенно заявляю, что в переводе греческом, за исключением Священного писания, где и порядок слов есть таинство, выражаю не слово словом, а смысл смыслом».

В этом высказывании отчетливо прослеживаются две идеи. Первая, основная, состоит в том, что перевод – это не подстрочник, в котором каждому слову оригинала должно соответствовать слово в переводе. Переводчик передает смысл оригинального произведения, не стремясь к сохранению его формы. В тот период подобное утверждение было вполне прогрессивным, так как свидетельствовало о понимании того, что в переводе неизбежны те или иные потери, что эти потери могут быть в ущерб форме оригинала, но не в ущерб смыслу, и, наконец, что переводной текст должен соответствовать нормам не исходного языка, а языка переводящего. В противном случае переводной текст, по словам Иеронима, *casozelia* – неумелое, дурное подражание.

Провозглашая свой основной принцип перевода Иероним ссылался на своих учителей Цицерона и Горация, приводя их высказывания о переводе. «И в этом, – пишет он, – я имею своим учителем Туллия, который перевел «Протагора» Платона и «О доходах» Ксенофонта, а также прекраснейшие речи Эсхина и Демосфена, выступавших один против другого. Не время сейчас обсуждать подробно, сколько он у них выпустил, сколько добавил, сколько изменил, чтобы особенности одного языка передать особенностями другого. Достаточно мне авторитета самого переводчика, который в предисловии к этим речам сказал так: «Решил я предпринять труд, полезный для обучающихся (ораторскому искусству) хотя мне самому и ненужный: перевести две из числа самых замечательных речей, в которых спорят друг с другом два красноречивейших аттических оратора Эсхин и Демосфен; но перевел я их не как переводчик, а как оратор, с их мыслями, формами и фигурами, но словами привычной нам речи. Не считал я нужным передавать слово словом, но сохранить стиль и силу всех слов (в совокупности). То есть я посчитал себя обязанным представить их читателю не по счету, а, так сказать, по весу» (Цицерон. О наилучшем роде красноречия, V).

И далее, из того же сочинения Цицерона: «... как я надеюсь, я перевел их речи, сохранив все их высокие достоинства, то есть и мысли, и фигуры, и связность речи, словам же следуя постольку, поскольку они не противны нашему обыкновению; и хотя не все (употребленные в переводе) слова взяты из греческого (оригинала), я постарался, однако, чтобы все они были подобраны в том же духе ...» (там же, VII).

И далее, развивая ту же мысль, Иероним ссылается на Горация, точнее приводит одну лишь фразу римского поэта из его произведения «Об искусстве поэзии»: «*Nec verbum verbo curabis reddere fidus interpres*», где встречаются слова «верный переводчик». Это высказывание Горация, процитированное Иеронимом и неоднократно приводившееся последующими поколениями переводчиков, само по себе уже представляет интерес потому, что позволяет двоякое толкование. Гораций в этом произведении дает советы начинающим поэтам.

Вот как выглядит интересующий нас фрагмент в русском переводе:
*«Если выводил ты нам Ахилла, порытого славой,
Пусть он будет гневлив, непреклонен, стремителен, пылок,
Пусть отвергает закон и на все посягает оружием;
Будет Медея мятежна и зла, будет Ино печальна,
Ио скиталица, мрачен Орест, Иксион вероломен,
Если же новый предмет ты выводил на сцену и хочешь
Новый характер создать, да будет он выдержан строго,
Верным себе оставаясь от первой строки до последней.
Впрочем, трудно сказать по-своему общее: лучше
Песнь о Троянской войне сумеешь представить ты в лицах,
Нежели то, о чем до тебя никто и не слышал.
Общее это добро ты сможешь присвоить по праву,
Если не будешь ты с ним брести по протоптанной тропке,
Слово в слово долбя, как усердный толмач-переводчик,
Но и не станешь блуждать подражателем вольным, куда
Не заберешься в тупик, где ни стыд, ни закон не подмога».*

(Перевод М. Гаспарова. Из книги “Квинт Гораций Флакк. Оды, эподы, сатиры, послания. М.: “Художественная литература”, 1970, с. 386.)

Как мы видим, слова Горация о переводчике и в русской версии Гаспарова представлены как сравнение. Гораций предлагает начинающим поэтам не писать о каких-либо новых, никому не известных вещах, это слишком сложно. Можно использовать хорошо известные сюжеты, уже описанные в классической литературе. При этом он предостерегает поэтов от слишком точного повторения того, что стало уже общим достоянием. Говоря о Троянской войне, он, скорее всего, имеет в виду *Илиаду* Гомера.

Если это так, то слова Горация можно интерпретировать и как рекомендацию не переводить поэтические произведения греческих классиков, тем более дословно, то есть так, как переводили обычно в тот период тексты иных, нехудожественных, жанров. В такой интерпретации советы поэтам выглядят вполне логично: используя сюжеты и характеры, выведенные в классической греческой литературе не переводить слово в слово греческие произведения, но и не идти по пути вольных подражаний классическим авторам.

Иероним распространяет эту рекомендацию на переводчиков. Создается впечатление, что он трактует слова Горация *fidus interpres* не как сравнение, а как обращение. В истории перевода, как отмечает канадский исследователь П. Оргёлен, двоякая трактовка высказывания Горация встречалась неоднократно, однако более правильной считается форма сравнения с переводчиком, а не обращения к нему. Еще в 16 веке (1545) Жак Пелетье Дю Ман в своем переводе «Поэтического искусства» Горация уже представил эту

форму именно как сравнение, а не обращение. Однако, как отмечает П.Оргёлен, поправка, внесенная Пелетье дю Маном, была быстро забыта. Лишь в 17 в. Пьер-Даниель Юэ (Pierre-Daniel Huet) в трактате «О переводе» (De interpretatione), увидевшем свет в 1661 г., вновь говорит об ошибке в трактовке высказывания Горация, чем вызывает живую дискуссию сторонников и противников вольного перевода в эпоху расцвета «неверных красавиц».

Разночтения встречаются и в современный период. Так, П.И.Копанев приводит высказывание Горация как обращенное к переводчикам «О усерднейший переводчик, стремись к тому, чтобы переводить не слово в слово». При этом он ссылается на источник, определить который по данной автором библиографии не представляется возможным. В то же время Д.З. Гоциридзе и Г.Т.Хухуни, ссылаясь на перевод А.В.Артюшкова («не... иди переводчиком верным другого Слово за словом»), полагают, что высказывание к переводчикам не обращено.

Интересную версию того, почему Иероним использует высказывание Горация по отношению к переводчикам, предложил испанский исследователь В. Гарсия Йебра. Он полагает, что Иероним просто не обратил внимания на падежную форму интересующего нас словосочетания: у Горация оно стоит в именительном падеже, а не в звательном, который следовало бы употребить в обращении (*fide interpres*). В.Гарсия Йебра полагает, что Иероним не заметил этого несоответствия падежных форм, так как в его время звательного падежа, существовавшего при Горации, уже в латинском языке не было. Но на это, как отмечает Гарсия Йебра, не обратили внимания и десятки последующих толкователей Горация (и Иеронима). А ведь истина здесь лежит на поверхности, продолжает автор исследования, независимо от падежного окончания, она в самом строе мыслей Горация, излагаемом им в данном месте поэмы, где он дает наставления начинающим поэтам (а отнюдь не переводчикам).

Однако предположение испанского исследователя о путанице в падежных формах представляется сомнительным. В самом деле, зная любовь Иеронима к классической латинской литературе и языку, а также его глубокие познания в этой области, вряд ли можно допустить, что Иероним не обратил внимания на такую «мелочь», как различие падежных форм, в один звук, как говорит Йебра, даже если в его время одна из форм уже и не употреблялась. Более того, если смысл высказывания довольно просто выводится из контекста, трудно предположить, что Иероним оказался неспособным его понять.

Чем же можно объяснить в таком случае то, что Иероним распространяет на переводчиков рекомендацию Горация, данную начинающим поэтам? Можно предположить, что Иероним умышленно не обращает внимания на различие форм (тем более что его современникам, для которых он писал, это различие могло быть и неизвестно) и использует

высказывание Горация так, как это было ему выгодно. Если принять во внимание, что Иероним был блестящим и весьма жестким полемистом, не щадившим соперников и не стеснявшимся в выборе аргументов и форм выражения в спорах (сравнение соперников с ослами довольно часто возникает в его полемических текстах).

Но можно найти этому факту и еще одно объяснение. Оно действительно выводится из контекста, но не из контекста «Послания Писонам» Горация, а из контекста «Послания Паммахию» Иеронима, в котором была им использована цитата из Горация. Высказывание Горация приводится Иеронимом вслед за известным фрагментом предисловия Цицерона к собственным переводам речей Эсхина и Демосфена, где в самом начале Цицерон утверждает, что сделал это не для собственной пользы, а для обучающихся ораторскому искусству и подчеркивает, что переводил он эти речи не как переводчик, а как оратор.

Таким образом, и Цицерон и Гораций дают наставления тем, кто стремится обучиться их искусствам, и тот и другой используют сравнение с переводчиком-буквалистом–антиподом красноречивого оратора или поэта, чтобы продемонстрировать, как не нужно делать. Иероним, считавший себя учеником и последователем Цицерона и Горация, скорее причислял себя к касте литераторов, чем толмачей-переводчиков. Поэтому и в переводе, важном для него виде литературной деятельности, он стремился сам и призывал других следовать советам своих учителей, чувствовать себя в переводе свободно, не сковывая порывы красноречия рамками форм исходного текста, то есть не поступать так, как переводчики-буквалисты. Для него, как и для его предшественников, само слово *interpres* заключало отрицательную коннотацию, так как обозначало именно буквалиста, лишённого дара красноречия и следовавшего в переводе букве оригинала. Таким образом, Иероним скорее не перепутал падежные формы, он сознательно призывал, ссылаясь на Горация, не переводить, как переводчик буквалист, а создавать в переводе текст подобно ораторам или поэтам.

Вторая идея, выводимая из высказывания Иеронима заключается в том, что необходимо разграничивать тексты, подлежащие переводу, и, соответственно, различать и способы перевода. Если светская литература предоставляет переводчику полную свободу действий, то тексты Священного писания, где даже «порядок слов есть таинство» требуют иного, как можно более близкого к тексту оригинала, перевода. В этом можно довольно отчетливо видеть понимание древним переводчиком того, что выбор способа перевода зависит от функциональной характеристики текста.

В то же время, Иероним вполне отчетливо осознавал, что каким бы ни было содержание текста, кому бы ни принадлежало его авторство, каким бы виртуозным ни был переводчик, утраты в переводе неизбежны. В том же «Послании Паммахию» Иероним говорит о своем предшествующем опыте и приводит выдержку из предисловия к переводу Библии опираясь на

свой предшествующий опыт, который подсказывал ему, что никакой текст не может Он вспоминает, что когда-то, более двадцати лет назад предпринял перевод «Хроники» Евсевия и столкнулся здесь с такими трудностями, о которых ранее и не подозревал.

В «Письме к Паммахию» он и цитирует адресату строки из своего собственного предисловия к переводу книги Евсевия, сделанному еще в 381 г. во время его пребывания в Константинополе. В этом тексте отмечаются многие погрешности, проявляющиеся «в сбивчивой неточности и неопределенности» в переводе мало понятных мест, Комментаторы Иеронима склонны относить видеть причину этих недостатков в недостаточном знании языков и истории, а также в крайней поспешности переводчика. Иероним в предисловии, адресованном друзьям Викентию и Галльену, признается им в этом. В то же время, он старается убедить читателей, что погрешности неизбежны в любом переводе: «Если кто-то не видит, что в переводе страдают красоты языка, пусть он переведет Гомера слово в слово на латинский. Скажу больше: пусть он переложит его на его собственном языке, но в прозе, и он увидит, как станет смешным его стиль: красноречивейший из поэтов будет лишен красноречия».

Иероним осознает всю тяжесть переводческого труда, состоящую в попытке совместить несовместимое, найти в одном языке, такие выразительные средства, которые полностью соответствовали бы формам другого языка. Для него нелегко видеть, как «страдают красоты языка», но совершенно неприемлемо видеть, что искажается смысл. Смысл – главная ценность для этого переводчика. В том же предисловии он писал: Трудно, когда следуешь строкам, написанным другим, не уклониться, где-нибудь в сторону. Очень сложно, чтобы хорошо сказанное на одном языке сохранило свой блеск в переводе. А если мысль выражена одним очень точным словом, а у меня нет ничего, что могло бы ее передать? Тогда, чтобы полностью передать смысл, я с большим трудом, пустившись в трудный и долгий окружной путь, выхожу на дорогу, которая, в самом деле, совсем коротка. Если я перевожу слово в слово, – это звучит абсурдно, если же по необходимости я совсем немного меняю строение речи или стиль, я чувствую, что нарушаю долг переводчика».

Таким образом, одной из наиболее сложных проблем, которые приходилось решать переводчику Библии, была проблема лексической эквивалентности. Некоторые решения Иеронима по выбору эквивалента вызывали страстную полемику и при жизни переводчика, и в последующем.

Известна история его споров с «тыквенниками», как называл он своих противников, обвинявших его в существенном искажении одного из фрагментов святого писания, точнее главы 4 в «Книге пророка Ионы». В полемической переписке, которая развернулась между Иеронимом и Руфином по поводу перевода «Начал» Оригена, сделанного Руфином, по мнению Иеронима, весьма вольно, Руфин обвиняет в неточностях и искажениях

самого Иеронима. Он упрекает его в том, что тот заменил в переводе название растения, которое дало тень Ионе. В греческих версиях, в частности, в «Септуагинте», на которую ссылается Руфин, это растение названо «тыквой» (*kolokūntha*). Из «Септуагинты» тыква (*cucurbita*) перекочевала в латинскую версию Библии *Vetus Latina* (или *Vetus Romana*), существовавшей до Вульгаты. Иероним в своем переводе дал ему иное имя – «плющ» (*hedera*).

Полагают, что сам Святой Августин не разделял точку зрения Иеронима и призывал того вернуться к старому варианту, который перекочевал из «Септуагинты». Увещевая его, он приводил историю о том, как в одном африканском городе поднялся ропот после того, как епископ зачитывал Библию в новой версии. Появление в знакомом месте плюща вместо тыквы повергло прихожан в смятение. Они готовы были обвинить епископа в ереси и отделиться. Особенно активными оказались греки. Они обратились к евреям за разъяснением, но и те не смогли им ничего толково объяснить. Священник вынужден был внести исправления в текст, вернувшись к старому варианту. Полагают, что, услышав о смятении, вызванном у прихожан внезапно появившимся на месте привычной тыквы плющом, Иероним лишь благодушно посмеялся над «тыквенниками».

История, наделавшая столько шума, имеет в своей основе сугубо лингвистическую причину. Дело в том, что в Ветхом завете упоминается растение, которое в изобилии растет в Палестине, но отсутствует в Европе, и не имеет названия ни в греческом, ни в латинском. Древнееврейское название этого растения обычно представляют как *qīqajôn*. Транскрипция в древнегреческий язык придала ему звуковую форму *kikeon*, а в латинский – *ciceion*. Это масличное растение с большими листьями, поднимающееся без опоры. Иероним, понимая, что тыква никак не соответствует реалии, описываемой в оригинальном тексте, посчитал более справедливым обозначить его как «плющ», хотя реальное растение не является ни плющом, ни тыквой. И «тыква» в некоторых доиеронимовских переводах, и «плющ» Иеронима являются не чем иным, как адаптацией – довольно распространенным видом переводческих преобразований, встречающимся при передаче реалий (замена реалии одной культуры на реалию другой). Возможно, Иероним полагал, что описываемое растение более напоминает плющ, нежели тыкву. Однако он не мог не сознавать, что это было не одно и то же.

Оправдывая свое переводческое решение, Иероним ссылается на греческую версию Аквилы, где, по его мнению, также в качестве эквивалента был выбран «плющ». Сравнение греческих версий по «Гекзаплам» Оригена показало, правда, что плющом экзотическое растение называет не Аквила, а Симмах, но подобную неточность можно простить древнему переводчику. Смысл его высказывания не в том, кто именно первым назвал экзотическое растение «плющом», а в том, что Иероним ссылается на предшественников, то есть указывает на некоторую традицию, которой он и следует. Что же

касается Аквилы и Феодотиона, то те, не видя достаточных оснований для уподобления одного предмета другому, предпочитают адаптации транскрипцию, обозначив палестинское растение как *kikeon*.

Возникает вопрос, почему Иероним, не найдя в латинском языке точного эквивалента, предпочел последовать примеру того греческого переводчика, который заменил в тексте одну реалию другой, а не пошел по пути транскрибирования. Можно согласиться с точкой зрения тех исследователей, которые объясняют такой переводческий выбор желанием Иеронима не перегружать текст перевода транскрипциями древнееврейских слов, вовсе избежать которых было невозможно.

Такое решение кажется оправданным, если принять во внимание стремление древнего переводчика не только достичь максимально возможной смысловой точности, но также сделать текст понятным читателю, а, кроме того, придать ему красоту и изящество. Возможно, поэтому он старался избегать в переводе употребления слов, заимствованных из древнееврейского: они были непонятны читателю и нарушали гармонию латинского текста.

Варианты перевода древнееврейского слова, называвшего реалию, не существовавшую в других культурах и не имевшую точного наименования в других языках, показывают практически весь спектр способов перевода реалий, применяющихся и современными переводчиками. В самом деле, в Септуагинте и в латинской версии *Vetus Latina* использована адаптация, на основе какого-то не совсем ясного для нас признака подобия предметов.

Но ведь тыква появилась там тоже не случайно. Можно предположить, что основанием для выбора именно этого имени в качестве эквивалента послужило некоторое внешнее подобие предметов. На картинах, изображающих сцены жизни в античном мире, или написанных на библейские сюжеты, тыквы нередко поражают своими гигантскими размерами. Такие растения с большими листьями действительно могут укрыть от палящих лучей солнца. Более того, тыквы растут сравнительно быстро, что также отчасти объясняет выбор переводчиков, ведь библейское растение выросло внезапно.

Но можно сделать и другое предположение, а именно, что в основе переводческого выбора не столько подобие самих реальных предметов, сколько некоторое подобие форм исходного языка и языков перевода. Если сравнить древнееврейское слово (в греческой транскрипции *kikeon*, в латинской *ciceion*) с греческим *kolokūntha* и латинским *cucurbita* названиями тыквы, то при всем внешнем различии этих слов в них можно усмотреть некоторую аналогию: *Kikeon – kolokūntha, Ciceion – cucurbita*.

Возможно, что древние переводчики, сознавая, что эти слова восходят к одному родовому классу имен «растения», и усмотрев некоторое подобие в обозначаемых предметах (большие листья), обратили внимание и на некоторое подобие форм слов. В этом случае речь уже может идти не столько

об адаптации реалии, сколько о так называемом явлении «ложных друзей переводчика».

Иероним вслед за Симмахом также использует адаптацию. Но в качестве замещающего выступает уже другой предмет. Переводчики старались уточнить основания для замещения. Иероним, оправдывая свой вариант перевода, утверждал, что плющ больше походил на библейское растение Палестины, описанное в древнееврейском тексте, чем тыква.

Противоречивость решений древних переводчиков вызывает закономерный вопрос, о каком же растении в действительности идет речь. Обратившись к современному переводу Ветхого завета на русский язык, мы обнаруживаем там в качестве эквивалента слово с родовым значением *растение*: «и произрастил Господь Бог растение, и оно поднялось над Ионою...». Иначе говоря, авторы современного перевода Ветхого завета на русский язык предпочли генерализацию, заменив имя с конкретным, видовым, значением, называющее реалию, словом с более общим, родовым, значением. Такое решение, допустимое при переводе реалий, никак не способствует, однако, пониманию того, о каком же растении шла речь в оригинальном библейском тексте.

Более конкретный, а возможно, и верный, ответ мы находим в современном переводе Библии на французский язык. В соответствующем фрагменте текста мы обнаруживаем слово *le ricin* «клещевина», древовидное молочайное растение, в зернах которого содержится касторовое масло. Французские словари уточняют, что у этого растения большие листья, и приводят его старое латинизированное название (16 в.), метафорически представляющее форму его листьев – *palma-christi*, то есть «ладонь Христа». Остается загадкой, почему Иероним не назвал палестинское растение словом *ricinus*, обозначавшим клещевину и встречающееся в источниках, относимых к первому веку.

Но в переводе Иеронима были и более существенные искажения, оказавшие серьезное влияние на богословие и церковную практику в средневековый период и, в известной степени, вызвавшие к жизни идеи реформаторов о необходимости новых, более точных переводов книг Святого писания. Об одной из таких неточностей говорят особенно часто, имея в виду перевод Иеронимом древнееврейского слова *teshuvah*, означавшего «вернуться, обратиться в противоположную сторону». Смысл его в обращении в иную веру. В греческих версиях слово переведено как *metanoia*, что означает перемену сознания, отношения к чему-либо. Иероним в качестве эквивалента выбрал словосочетание *poenitentiam agere*, которое означает заглаживать вину делами, нести покаяние, то есть делами искупать грех. Именно то, что Иероним сместил акцент на возможность покаяния через дела, и было, по мнению богословов, положено в основу индульгенций, как способа искупления грехов.

Однако, несмотря на все допущенные неточности, перевод Библии, выполненный Иеронимом, остается крупнейшим событием в истории перевода. Он представляет собой одну из первых серьезных попыток совместить в переводе текстов святого писания максимальную точность передачи смысла оригинала с изяществом формы текста перевода. Святой Иероним по праву считается покровителем переводчиков. «Наш великий, святейший покровитель! – восклицал Валери Ларбо. – Мы обязательно будем праздновать его именины, если только не решим в этот день, в канун ласковой октябрьской учебной поры, взяться за новый перевод».

<https://medium.com/@estimsu/hieronymus-c7de41c617b3>

ПРИЛОЖЕНИЕ D

ЛЯПЫ В ПЕРЕВОДАХ

Английский язык

Даже если Вы отлично владеете английским, это не уберезет от ситуаций, когда за рубежом вас после первых же слов примут именно за русского, а не за жителя любого другого государства. И виноват здесь даже не акцент – речь идёт о конкретных ошибках, допускаемых из-за разницы в словоупотреблении в английском и русском языках.

Итак, чего же нельзя делать?

Ляп №1: забывать о многообразии лексики

Английский столь же богат на синонимы, как и русский. И не менее странный по части тонкостей их употребления. Так, если на простой вопрос «How many fingers do you have?» («Сколько у вас пальцев?») вы без раздумий ответите «Twenty» («Двадцать»), ваш собеседник очень удивится.

Почему? Просто самих «fingers» (пальцев) у человека 8, а вот два больших пальца англичане называют «thumbs». Это объясняет распространенная одобрительная фраза «thumbs up», которая иллюстрируется поднятым вверх большим пальцем. К слову, пальцы на ногах называют не «fingers» и даже не «thumbs», а «toes» - будьте внимательны.

Ляп №2: употреблять архаичные фразы

Не переусердствуйте с желанием впечатлить носителей английского своими лингвистическими знаниями – в этом стремлении вы можете показаться не просто не остроумным, но и смешным. Стоит учитывать, что со временем язык претерпевает изменения.

Если сегодня в компании молодых англичан или американцев вы захотите блеснуть знанием фразы «a little pot is soon hot» («дурака легко вывести из себя»), вас или совсем не поймут, или воспримут дословно - «маленький горшок быстро нагревается».

Подобные выражения остались в прошлом веке, так что, не употребляйте слова слишком вольно, иначе будете попадать в неловкие ситуации.

Ляп № 3: путать «*dinner*» и «*supper*»

Распространенная ошибка тех, кто учился еще по старым советским учебникам. В них четко говорится, что «dinner» - это обед, а «supper» - ужин. Не исключено, что несколько десятков лет назад англичане говорили именно так, но с сегодняшними реалиями информация в советских учебниках имеет мало общего. Сравните и запомните!

Раньше было так: breakfast – завтрак; dinner – обед; supper – ужин; lunch – полдник.

А теперь вот так: breakfast – все тот же завтрак; lunch – ланч (обед); dinner – ужин.

Ляп № 4: отвечать «Да нет»

«Да нет» - исключительно русская лингвистическая особенность. Эту фразу не поймет ни один иностранец, поэтому даже не пытайтесь использовать ее в своей речи. Тем более, что английский является до снобства правильным: здесь признают только «да» или «нет» – «yes» или «no». Если же вы неуверенны в чем-то, лучше сказать «maybe» («возможно»). Но не употребляйте «да нет, наверное» в одной конструкции – это заведет вашего собеседника в тупик.

Ляп №5: двойное отрицание

Еще одна норма русского, абсолютно не свойственная англичанам. Чтобы передать в своей речи отрицание, вполне достаточно сказать «never», «nobody», «nothing» без частицы «not». Например, предложение «Она никогда не разговаривала с нами» на английском будет звучать «She never talked to us». Не прибегая к двойному отрицанию.

Ляп №6: использовать единственное число вместо множественного числа и наоборот

Что в русском, что в английском существительные могут быть исчисляемыми и неисчисляемыми. Но совпадают они не очень часто. Так, самый простой пример – «деньги». В русском данное слово используют во множественном числе, тогда как в английском эквивалент «money» употребляют исключительно в единственном. Еще один образец – «волосы» («hair»). Так, «Ее волосы красивые» будет звучать, как «Her hair is beautiful».

Безусловно, с иностранцев спрос всегда невелик – на то они и иностранцы. Но кто сказал, что из-за этого не нужно совершенствовать свой язык? Еще как нужно! И начните с того, что подумайте, не встречаются ли в вашей речи вышеперечисленные «ляпы»?

Немецкий язык

Список типичных ошибок перевода с немецкого и на немецкий язык, чтобы не только повеселить, а также помочь избежать подобных ошибок в будущем.

Krankenschwester - больная сестра

etwas undeutlich - немного не по-немецки

romantische Pianomusik - романтическая пьяная музыка

Dichter Nebel lag im Tal - Поэт Небель лежал в долине
in Hülle und Fülle - в обёртке и завёртке
der Zentner — в немецком и русском языках отличается мера веса
"центнер". В немецком это масса, равная 50 кг, в русском — 100 кг.
das Glas — стакан, рюмка или просто стекло (а не "глаз" — das Auge).
der Dom – означает в немецком языке собор, а не «дом».
die Krawatte – галстук (а не "кровать" — das Bett).
reklamieren — предъявлять претензии, жалобы (а не "рекламировать"
— werben).
das Wetter — погода (а не "ветер" — der Wind).
die Angel — удочка (в не "ангел" — der Engel).
die Dose — банка, штепсельная розетка (а не "доза" — die Dosis).
der Führer — не только «должность» Гитлера, но также вождь,
командир, машинист, (вагоно-) вожатый, капитан спортивной команды.
das Glück — счастье, благополучие, удача, успех (а не "глюк" в
значении "галлюцинация" — die Halluzination).
der Tank — это вовсе и не "танк", а всего лишь "бак" или "цистерна".
das Magazin — вовсе не магазин, это "журнал".
der Keks — когда немецкий ребенок попросит у мамы "einen Keks", он
получит печенюшку.
die Familie — семья, а не "фамилия".
das Spiel — игра, а не "шпиль".
der Termin — назначенный час, время (деловой) встречи, либо встреча
как таковая (а не "термин" — das Fachwort).
das Volk — народ, нация, население, люди, а не "волк".

Пример обратного перевода.

Совещание продолжалось достаточно долго и сама тематика была достаточно сложной для перевода: металлургия, поставки, финансовые вопросы. В конце совещания руководитель задает вопрос немецким коллегам: «И **какие ЦЕНЫ вы предлагаете?**» Переводчик перевел: «**Welche Zähne schlagen Sie vor?**», и замолчал.

Недоумению немцев не было предела.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ

А

Авторский перевод - самый надежный вид перевода, поскольку никто лучше от самого автора не знает оригинал.

Адаптация – переводческий приём, с помощью которого содержание оригинального текста воссоздается в переводе в другой форме, упрощенно или усложненно, в зависимости от социальной и возрастной категории реципиентов; адаптация обеспечивает основное отображение информации первоисточника и сохранит необходимый объём перевода.

Адекватность - соответствие переведённого текста цели перевода.

Адекватность перевода - воссоздание единства формы и содержания оригинала средствами другого языка.

Анализ (переводческий) - в процессе перевода последовательное деление текста (высказывания) на простые самостоятельные смысловые цельнооформленные части для выявления логических связей между ними.

Анализ текста - стилистический разбор и толкование текстов на занятиях по изучению иностранного языка как методический прием.

Аннотационный перевод - вид перевода, который заключается в составлении аннотации оригинала другим языком.

Аннотация - короткая характеристика первичного документа, которая передает в максимально обобщенном виде его содержание и дает иногда его оценку.

Аспект языка - одна из составных частей языка. На сегодняшний день выделяют такие аспекты языка как фонетика, лексика, грамматика, лингвокультурология.

Аудирование - восприятие на слух и понимание устного вещания.

Б

Безэквивалентная лексика – лексические единицы исходного языка, которые не имеют регулярных (словарных) соответствий в языке перевода.

Билингв - человек, который на хорошем уровне владеет двумя языками.

Билингвизм - одинаковое владение двумя языками. Различают естественный и искусственный билингвизм.

Буквализм - переводческая ошибка, которая является результатом соответствия формальных или семантических компонентов двух языков.

Буквальный перевод – подстановка словарных соответствий.

В

Валентность - способность языковой единицы вступать в синтаксические связи с другими языковыми единицами.

Вариант - формальное видоизменение языковой единицы как один из допустимых способов ее выражения.

Виды перевода - художественный и специальный.

Виды языковой деятельности - писание, чтение, произношение, слушание, перевод.

Виды эквивалентности - различают следующие пять видов эквивалентности: денотативную, конотативную, текстуально нормативную, прагматичную, формальную.

Воссоздание - в процессе перевода конец действия произношения или писания другим языком.

Высказывание - линейная строка знаков, особым способом отобранных, объединенных по определенным правилам и расположенных в определенном порядке.

Г

Генерализация - замена переводного слова, которое имеет узкое, конкретное значение, иноязычным эквивалентом, который имеет более широкое, обобщающее значение.

Генерализация понятия - прием перевода, который содержит переход от видового понятия к родовому понятию.

Глоссарий – список часто используемых выражений; толковый словарь устаревших и малоприменимых слов и выражений, которые встречаются в каком-либо древнем произведении; собрание слов с толкованием или переводом на другой язык.

Грамматика - грамматический состав языка, описание грамматического состава языка.

Д

Двуязычность (билингвизм) - одинаковое владение двумя языками.

Декодирование (декодировать) - перевести любую информацию с кодовой системы инициального источника в кодовую систему дублера источника и/или адресата.

Декомпрессия - введение в перевод дополнительных слов и даже предложений.

Денотат - обозначенный данным сообщением отрезок действительности (то же, что и референт).

Детерминанты перевода - это система языка, норма языка, литературная традиция, национальный колорит, дистанция времени.

Деятельность (языковая) - деятельность человека, связанную с использованием языка, называют языковой деятельностью.

Диктант-перевод - один из видов тренировочных упражнений на занятиях по изучению иностранного языка.

Дискурс - фр. *discours*, от лат. *discursus* – рассуждение, довод – одно из сложных и трудно поддающихся определению понятий современной лингвистики, семиотики и философии, получившее широкое распространение в англо- и франкоязычных культурах. В русском языке этому слову эквивалента нет, оно переводится как дискурс, речь, слово, текст, рассуждение. Дискурс рассматривается также как произвольный фрагмент текста, который состоит более чем из одного предложения или независимой части предложения.

Дифференциация - сужение значения при переводе.

Добавление - добавления необходимы, когда то или другое смысловое содержание в тексте оригинала передается другими средствами, которые невозможно использовать в языке оригинала.

Е

Единицы перевода - единица языка, которая нуждается в самостоятельном переводческом решении.

И

Идиолект - Совокупность личных особенностей, которые характеризуют язык данного индивида.

Идиома - стойкое словосочетание, значение которого не мотивируется его составными словами.

Инвариант в переводе - инвариантом называют то, что должно оставаться неизменным в результате процесса перевода.

Инвариант в синхронном переводе - наиболее информативная в семантико-смысловом плане часть смысловой структуры сообщения.

Инвариант перевода - совокупность функциональных характеристик текста или коммуникативное задание.

Инвариант сообщения - неизменная смысловая сущность сообщения по его переменной.

Интерпретация - перевод, который предусматривает привлечение лингвистических данных.

История перевода - раздел, который исследует место, роль и эволюцию перевода в условиях развития человеческого общения.

История переводческой деятельности - раздел науки о переводе, который исследует условия формирования требований к переводу и переводчику в разные исторические эпохи.

Источники информации переводчика - разделяются на общие, с которыми работают все переводчики, и специальные, которыми пользуются преимущественно технические переводчики.

Исходный текст – текст, подвергающийся переводу.

Исходный язык – любой естественный язык, знаками которого закодирован исходный текст.

К

Калька - заимствование путем буквального перевода слова или словосочетания.

Калькирование - перевод по частям с последовательным их складыванием в одно целое.

Категория текста - определенные стороны системной организации текста.

Качество перевода - показатель оценки осуществленного перевода, который определяется точностью, качеством и литературностью переведенного текста.

Код - разграничивают выходной субъективный и код переводного текста.

Кодировать - перевести информацию с одной кодовой системы в другую.

Конвергенция - сближение, сходство, подобие.

Конкретизация - переводческий прием, содержание которого заключается в том, что переводная единица по своему значению более конкретна, чем исходная.

Консультант - переводчик - специалист-языковед, который помогает своими знаниями разным специалистам.

Континуальность синхронного перевода - непрерывность и глубокая внутренняя связность деятельности синхронного переводчика.

Критика перевода - отдельная отрасль литературно-критического подхода к анализу текста перевода.

Л

Лексика - совокупность слов языка, ее словарный состав.

Лексикография - раздел языкознания, в центре которого является теория и практика составления словарей.

Лексикография перевода - новая отрасль знаний в науке, которая развивается.

Лексикология - раздел языкознания, который изучает лексику языка.

Лексикон - толковый словарь преимущественно малоприменимых слов из определенной отрасли знаний.

Лингвистика текста - раздел языкознания, который изучает закономерности построения и структуры текста.

Логико-семантический признак - логическое выражение семантического значения.

Ложные друзья переводчика — это пара слов в двух языках, похожих по написанию и/или произношению, но отличающихся в значении

Ляп – ошибка, промах, ляпсус.

М

Макро перевод - переводческие сдвиги, то есть переход из одного языкового уровня на другой и из одной категории в другую.

Метаязык перевода - представляет собой комплекс структурно лингвистических характеристик, которые позволяют достаточно полно описать процесс перевода.

Метод выбора рельефного слова - один из методов смыслового анализа (используется в системе записей при последовательном переводе).

Метод записи - метод последовательного перевода, который предусматривает использование записей как вспомогательного средства памяти.

Метод перевода - метод перевода не является объективно существующей закономерностью, а целеустремленной системой взаимоувязанных приемов, которые учитывают вид и способ перевода.

Метод сегментации текста - один из методов письменного перевода, который заключается в делении исходного текста на сегменты, что создает опорные смысловые пункты для оформления перевода.

Метод трансформации - используется в системе записей при последовательном переводе, при котором несколько слов трансформируются в более удобное обозначение.

Метод трансформаций - лексические, синтаксические и семантические преобразования.

Методика перевода - совокупность методов, приемов практической деятельности переводчика, полученных в результате обучения этой деятельности.

Микро перевод - передача лексических единиц и грамматических форм.

Мотивация - потребность в том или другом поступке, в той или другой деятельности.

Н

Наука о переводе - исследует особенный вид языковой деятельности – перевод.

Неологизмы – это закрепляющиеся в языке новые слова или значения, которые называют новые предметы мысли; перевод неологизмов нередко связан с созданием языковых соответствий, языковых терминов языком перевода.

Непереводимость – невозможность сделать адекватный перевод.

Несоответствие – отрывки выходного или переводного текста, которые содержат переданную или дополненную информацию.

Носитель информации – представитель любого языкового сообщества.

О

Образ ситуации – продукт познания, осмысления, описания и превращения ситуации в коммуникативном акте.

Одноязычный словарь – словарь, в котором вся информация передается средствами одного и того же языка.

Опущение – сокращение и компрессия текста путем опущения семантически избыточных элементов исходного текста.

Оригинал – исходный текст в переводе, текст, с которого осуществляется перевод.

Ориентирование переводчика в исходном тексте – процесс получения информации, необходимой для принятия решения относительно смыслового содержания.

Отправитель – участник коммуникативного акта, от которого выходит сообщение, в соответствии с письменным переводом. Отправитель – это автор исходного текста.

Оформление перевода – приведение в порядок переводного текста, оформление перевода может быть письменным и устным.

П

Перевод – это 1) деятельность, процесс и 2) результат этого процесса; процесс передачи мыслей, высказанных на одном языке, средствами другого языка, что означает, что процесс перевода может рассматриваться как акт коммуникации путем передачи информации от отправителя к реципиенту. Перевод как вид деятельности определяется тем, кто его осуществляет и как он протекает. Перевод как результат оценивается с точки зрения его способности репрезентировать оригинал.

Переводимость – принципиальная возможность достижения эквивалентности относительно всего текста или какой-либо его частицы.

Р

Реципиент – получатель информации.

С

Семантически адекватный перевод – перевод, который передает денотативное значение исходного высказывания и удовлетворяет нормам языка.

Семантический буквализм – ошибка переводчика в результате передачи семантических компонентов слова, словосочетания без учета других факторов.

Сжатость перевода – показатель качества перевода, который характеризует лаконичность формы передачи переводного текста, отсутствие многословья.

Синтаксическая замена – переадресация части предложений переводного текста другой синтаксической конструкцией.

Синхронное чтение предварительно переведенного текста – приём, когда переводчик зачитывает предварительно заготовленный письменный текст перевода, приспособившись к речи оратора.

Синхронный перевод – устный перевод сообщения с одного языка на другой, который осуществляется переводчиком параллельно с исходным текстом.

Синхронный перевод на слух – обычно называется собственно синхронным переводом.

Синхронный перевод с листа – переводчик выполняет перевод, опираясь на полученный письменный текст выступления, приспособившись к речи оратора, и вносит необходимые коррективы.

Ситуативная теория перевода – ситуативная теория перевода немного выходит за пределы межъязыковых превращений и предлагает обращение к действительности.

Словарь – собрание слов, расположенных в алфавитном порядке, устойчивых выражений с объяснениями, толкованием или с переводом на другой язык.

Словник – алфавитный список, реестр слов для словаря.

Сложности перевода – перевод, как интеллектуальная деятельность сложный не только сам по себе, его сложность усиливается.

Сокращенный перевод – текст, который переведен неполно, сокращен в сравнении с оригиналом.

Специальные теории перевода – Направления переводоведения, которые определяются функционально- коммуникативным направлением переводческой деятельности, охватывают формы перевода и виды перевода и жанры.

Специальный перевод - Перевод материалов определенной отрасли знаний со своей терминологической номенклатурой.

Способ перевода – Способ перевода определяется как объективно существующая закономерность перехода от одного языка к другому.

Сравнительное языкознание – отрасль языкознания, целью которого является сравнительное изучение двух языков для выявления их сходства и отличий на всех уровнях языковой структуры.

Сравнительный анализ текстов в переводе – основанный на сравнении соответствующих явлений в пределах разных языков.

Стилистическая модификация – замена в процессе перевода элементов высказывания, которые принадлежат к одному функциональному стилю, элементами другого стиля.

Стилистический аспект перевода – заключается в правильном подборе лексико-грамматических средств.

Структура деятельности переводчика - последовательность или другая система переводческих действий.

Структура перевода – под структурой перевода понимают в определенный способ организованное схематическое высказывание реально существующих смысловых отношений в переводе.

Т

Текст перевода – реальное высказывание, произнесенное или

записанное переводчиком предложение, или совокупность предложений любой длины.

Тексты в переводе – различают начальный текст, предназначенный для перевода (его называют оригиналом или первоисточником); переводной текст, полученный в результате перевода – вторичный.

Теория соответствий – теория, которая основывается на утверждении, что переводный текст всегда содержит определенное количество информации, которая отсутствует в начальном тексте.

Теория перевода – логично обоснованная модель двуязычной коммуникации.

Техника перевода - совокупность профессиональных приемов, которые используются в процессе переводческой деятельности.

Технический перевод - перевод, который используется для обмена специальной научно-технической информацией между людьми, которые разговаривают на разных языках.

Точный перевод - перевод, который характеризуется свойством семантической точности.

Традиционный перевод - перевод, выполненный переводчиком, который не является автором оригинального текста.

Транскрибирование - запись слов любого языка с помощью специальных знаков, который используется для передачи особенностей произношения этих слов.

Транскрипция - переводческий приём, который основывается на фонетическом принципе.

Транслитерация – переводческий приём, когда соответствие устанавливается на уровне графем (букв), т. е. передается не звуковой облик, а написание.

У

Универсальная переводческая скоропись - вариант системы записей и символов для записи информации в процессе последовательного перевода.

Упрощенный перевод - перевод, при котором текст стилистически объединяется, это высшая степень перевода в сравнении с интерлинейным переводом.

Условно калькированная ситуация - переводческая ситуация, которая предусматривает взаимно однозначную информацию.

Устный перевод - понятие, которое объединяет все виды перевода, предусматривает устное оформление.

Устный перевод на слух - устный перевод текста, который воспринимается на слух. Охватывает два важных профессиональных вида перевода: последовательный и синхронный.

Учебный перевод - используется почти всегда с учебно-методической.

Ф

Факторы, которые определяют сложность синхронного перевода - психофизический дискомфорт, вызванный необходимостью слушать и одновременно говорить.

Формы перевода - письменный и устный перевод; их разновидности: перевод с письма, двусторонний перевод, последовательный перевод, синхронный перевод.

Фразеологический вариант - образная фразеологическая единица в языке перевода, который отвечает по содержанию фразеологизма оригинала.

Функциональная эквивалентность перевода - основывается на определении функций взаимодействия элементов текста путем сравнения реакции реципиента текста исходным языком.

Х

Художественный перевод – вид перевода, который функционирует в сфере художественной литературы.

Художественный текст – индивидуальное произведение художественного вещания, которое написано определенным языком; целостная единица в системе подобных текстов.

Ц

Цель теории перевода – выявление сущности перевода, его механизмов, способов его реализации, которые влияют на него и регулируют его нормы.

Цель художественного перевода – ознакомить с иноязычным произведением читателя, который не владеет иностранными языками.

Цельнотекстовый перевод – перевод текста без выделения отдельных слов, предложений или абзацев.

Ч

Чужое вещание – вещание иностранным языком; высказывание других людей, которое включается в авторский текст.

Ш

Шаблон – принятый образец, эталон, которому слепо подражают.

Штамп – Готовая языковая формула, которая значительно потеряла начальное содержание и имеет позитивную или негативную расцветку.

Э

Эквивалентность – мера соответствия переведённого текста исходному тексту вне зависимости от цели перевода

Эквивалентность перевода – максимальная идентичность всех уровней содержания текстов оригинала и перевода.

Эквивалентные соответствия – вариант перевода, когда значение слов полностью одинаково в двух языках.

Эквивалентный перевод – перевод, который осуществляется на уровне, необходимом и достаточном для передачи неизменного плана содержания.

Этапы действия переводчика – процедура обработки информации оригинала.

Я

Язык оригинала – язык, которым написан текст, который подлежит переводу.

Ясность перевода – показатель качества перевода, который характеризует ясность изложения в переводном тексте.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Определение перевода.
2. Культурные и языковые барьеры.
3. Объект, предмет, методы и задачи переводоведения. Разделы переводоведения. Место теории перевода среди других лингвистических дисциплин.
4. Этапы формирования теории перевода
5. Теоретико-переводческие универсалии.
6. Переводческая этика. Школы переводчиков.
7. Переводчик и Интернет. Интернет-сообщества переводчиков.
8. Перевод в Древности.
9. Перевод в эпоху Античности и Средневековья.
10. Развитие перевода в эпоху Возрождения и Реформации.
11. Перевод в эпоху Романтизма.
12. Перевод в XX веке.
13. Деятельность современных российских переводчиков.
14. Проблема переводимости.
15. Понятие переводческой эквивалентности.
16. Теория эквивалентности В.Н. Комиссарова.
17. Исторические концепции и универсальные модели переводческой эквивалентности.
18. Понятие единиц перевода.
19. Классификации перевода.
20. Устный перевод и его разновидности.
21. Письменный перевод.
22. Адекватный, дословный, буквальный и вольный переводы.
23. Теория соответствий. Типы соответствий.
24. Определение однозначных и вариантных соответствий.
25. Трансформации. Виды трансформаций.
26. Перестановка, замена, добавление, опущение как виды лексической трансформации.
27. Антонимический перевод, описательный перевод.
28. Компенсации как виды лексической трансформации.

29. Определение безэквивалентной лексики.
30. Способы перевода безэквивалентной лексики
31. Понятие «фоновые знания», «фоновая информация», «имплицитная информация».
32. Лексика, содержащая фоновую информацию.
33. Экзотизмы и окказиональные заимствования.
34. Виды словарей.
35. Слова-реалии. Особенности перевода слов-реалий.
36. Понятие контекста.
37. Переводческие стратегии. Переводческий анализ текста.
38. Создание текста перевода. Анализ результатов перевода.

ТЕМЫ ДЛЯ РЕФЕРАТОВ

1. Развитие перевода от древности до наших дней. Проблема многоязычия.
2. Формирование переводоведения как отдельной дисциплины.
3. Определение перевода. Место теории перевода среди других лингвистических дисциплин.
4. Объект, предмет, методы и задачи переводоведения. Разделы переводоведения.
5. Роль переводчиков в современном мире. Качества, навыки и умения переводчика.
6. Плюсы и минусы работы переводчиком. Карьера. Образование переводчика в России и за рубежом.
7. Переводческая этика. Нормы профессионального поведения переводчика.
8. Хартия переводчика. Переводческие организации.
9. Виды словарей.
10. Переводчик и Интернет. Интернет-сообщества переводчиков.
11. Перевод в древние времена.
12. Античность и Средние века.
13. Перевод в эпоху Возрождения и Реформации.
14. Перевод в XVII и XVIII веках.
15. Перевод в эпоху Романтизма.
16. Перевод в XX-XXI веках.
17. Политическая корректность в языке и переводе.
18. Перевод в международных организациях.
19. Классификации перевода (жанрово-стилистическая, психолингвистическая).
21. Устный перевод.
22. Виды письменного перевода. Общая характеристика этапов письменного перевода.
23. Этап анализа ИТ и переводческой задачи. Предпереводческий анализ текста. Этап собственно перевода.
24. Виды информации в тексте.

25. Определение понятия «единица перевода».
 26. Перевод на уровне фонем и графем. Транслитерация и транскрипция как переводческие приёмы.
 29. Перевод на уровне морфем.
 30. Перевод на уровне слов.
 31. Перевод на уровне словосочетаний и предложений.
 32. Проблема переводимости.
 33. Понятие эквивалентности и адекватности перевода.
 34. Теория эквивалентности В.Н. Комиссарова.
 35. Исторические концепции эквивалентности.
 36. Понятие переводческого соответствия.
 37. Перевод безэквивалентных единиц.
 38. Фоновые знания, их роль в работе переводчика.
 39. Особенности перевода слов-реалий.
 40. Персональные сайты и блоги ведущих переводчиков.
- Переводческие форумы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основная:

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева ; Санкт-Петербургский гос. ун-т, фак. филологии и искусств. - 4-е изд. – Москва : Академия ; Санкт-Петербург: СПбГУ, 2010. – 360 с. (27 экз.)
2. Алексеева И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие [для филол. и лингвист. фак. вузов] / И. С. Алексеева. – Москва : Академия ; СПб. : Фил. фак. СПбГУ, 2004. – 346 с. (17 экз.)
3. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика. – Санкт Петербург : Союз, 2001. – 287 с.
4. Алексеева И. С. Устный перевод. Немецкий язык. – Санкт Петербург : Союз, 2003. – 314 с.
5. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – Москва, 2008. – 240 с.
6. Виноградов В. С. Введение в переводоведение : (общ. и лексич. вопр.) / В. С. Виноградов. – Москва : Изд-во ИОСО РАО, 2001. - 223 с. (17 экз.).
7. Гарбовский Н. К. Теория перевода / Н. К. Гарбовский. – Москва, 2004. – 544 с.
8. Карфорд Дж. К. Лингвистическая теория перевода / Дж.К.Карфорд – Москва, 2004. – 208 с.
9. Кияк Т. Р. Теорія і практика перекладу. Німецька мова / Т. Р. Кияк, А. М. Науменко, О. Д. Огуй. – Вінниця: Нова книга, 2006. – 592 с.
10. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. – Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. – 176 с.
11. Комиссаров В. Н. Слово о переводе / В.Н. Комиссаров. – Москва, 1973. – 215 с.
12. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – Москва: Изд-во ЭТС, 1999. – 192 с.
13. Комиссаров В. Н. Практикум по переводу с английского на русский / В.Н. Комиссаров, А. Л. Коралова. – Москва: Высш. школа, 1990. – 127 с.
14. Корунец І. В. Теорія і практика перекладу. – Вінниця : Нова книга, 2001. 448 с.
15. Крушельницкая К. Г. Советы переводчику немецкого языка / К. Г. Крушельницкая, М. Н. Попов. – Москва : Изд-во Астрель, 2004. – 172 с.
16. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я.И. Рецкер. – Москва, 2004. – 240 с.
17. Саприкін С. С. Світ усного перекладу / С. С. Саприкін, А. П. Чужакін. – Горловка : Ліхтар, 2010. – 226 с.
18. Сдобников В. В. Теория перевода / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – Москва: Изд-во АСТ, 2006. – 448 с.

19. Тюленев С. В. Теория перевода / С. В. Тюленев. – Москва, 2004. – 336 с.
20. Федоров А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Федоров. – Москва, 1983. – 303 с.
21. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. – Москва: Изд-во РАО, 1973. – 310 с.

Дополнительная:

1. Аликина Е. В. Введение в теорию и практику устного последовательного перевода : учеб. пособие. – Москва: Изд-во Восточная книга, 2010. – 157 с.
2. Галь Н. Слово живое и мертвое. Из опыта переводчика и редактора. – Москва : Книга, 1975. – 196 с.
3. Голодов А. Г. Германия сегодня: ментальность, повседневное общение: учеб. пособие. / Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина. – Рязань : Изд-во РГУ, 2017. – 156 с.
4. Голодов А. Г. Язык информационной войны (на материале языка немецкой массовой прессы) : монография / Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина. – Рязань : Изд-во РГУ, 2015. – 196 с.
5. Зайцев А. Б. Основы письменного перевода. – Москва: Изд-во РУДН, 2010. – 157 с.
6. Копильна О. М. Техніка перекладу. – Киев: Изд-во Аркти-Глосса, 2010. – 459 с.
7. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. – Москва: Воениздат, 1980. – 238 с.
8. Нелюбин Л. Л. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней) / Л. Л. Нелюбин, Г. Т. Хухуни. – Москва : Флинта, 2006. – 416 с.
9. Основи перекладознавства: навч. посібн. – Чернівці: Изд-во РУТА, 2008. – 312 с.
10. Основи перекладу : граматичні та лексичні аспекти. – Київ : Знання, 2005. – 310 с.
11. Основы перевода. Курс лекций по теории и практике перевода. – Київ : Изд-во Лань, 2006. – 279 с.
12. Робинсон Д. Как стать переводчиком : Введение в теорию и практику перевода / пер. с англ. – Москва : КУДИЦ-ОБРАЗ, 2005. – 304 с.
13. Флорин С. Муки переводческие : практика перевода. – Москва : Высш. шк., 1983. – 184 с.
14. Чуковский К. Высокое искусство. – Москва: Изд-во Время, 1968. – 384 с.
15. Чередниченко О. І. Про мову і переклад. – Київ : Либідь, 2007. – 248 с.

16. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / перев. с итал. А. Н. Ковалю. – Санкт Петербург : Симпозиум, 2006. – 574 с.
17. Newmark P. Approaches to Translation. – Prentice Hall, 1981. – 200 s.
18. Nida E. A. Toward a Science of Translating. – Leiden, 1964. – 331 s.
19. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. – Heidelberg : Quelle und Mayer, 1992. – 343 s.
20. Reiß K. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. – Tübingen : Niemeyer, 1991. – 248 s.
21. The Translator's Handbook Ed. by R. Owens. – London : Aslib, 1996. – 350 s.

Информационные ресурсы:

1. <http://www.multitran.ru/c/m.exe?a=1&SHL=2> (электронный словарь)
2. <http://www.linvoda.ru/transform/artiles7maslovskyal.asp> (перевод научно-технической литературы).
3. <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008287/1008287/a3.htm> (фразеология).
4. <http://sch-vuri.narod.ru/zips/vinogfad.rar> (Виноградов В.С. Введение в переводоведение: общие и лексические вопросы).
5. <http://linguists.narod.ru/vsson.rar> (Виссон Л. Практикум по синхронному переводу с русского языка на английский).
6. <http://www.englspace.com/dl/files/karaan.zip> (Карабан В.І. Посібник-довідник з перекладу англійської наукової і технічної літератури на українську мову).
7. <http://m3.easvspace.com/yurasch/transltn/tr teorv.htm> (Комиссаров В.Н. Теория и практика перевода (лингвистические аспекты)).
8. <http://linguists.narod.ru/komissarov.zip> (Комиссаров В.Н. Общая теория перевода).
9. <http://www.englspace.com/dl/details/pumpyanskv.shtml> (Пумпянский А.Л. Введение в практику перевода научно-технической литературы на английский язык).
10. <http://www.englspace.com/dl/files/tolstov.zip> (Толстой С.С. Основы перевода с английского языка на русский).
11. <http://enalspace.km.ru/dl/files/temp/other/shvevtser88.htm> (Швейцер А.Д. Теория перевода, статус, проблемы, аспекты).
12. <http://www.oed.com/> (страница издательства “Oxford English Dictionary”).
13. <http://phrases.hu.ac.uk/index.html>
14. <http://www.langbook.narod.ru/languages/english.htm>
15. <http://chat.ru/~dictionarv>

16. <http://links-guide.ru/sprachen/translation/perevod-teorija.html>
(общетеоретические и практические проблемы перевода)
17. <https://ru.wiktionary.org/wiki> (ложные друзья переводчиков)
18. http://www.cobuild.collins.co.uk/boe_info.html (страница
издательства “Collins COBUILD”)
19. <http://phrases.hu.ac.uk/index.html>
20. <http://www.tramvision.ru/words/trans.htm>